

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин

Атлантида.

Для нескольких поколений россиян книги писателя Даниила Гранина были, как сейчас принято говорить, культовыми. Самые заметные из них – такие, как роман «Искатели» и повесть «Иду на грозу», – неразрывно связаны с хрущевской «оттепелью», стали ее литературными символами. Мои родители в студенческие времена буквально зачитывались ими. Не в последнюю очередь благодаря романам Гранина профессию физика окутывал романтический флер. Нынче, перефразируя поэтические строки, можно сказать: в загоне и физики, и лирики – время уравнило и тех, и других.

– Даниил Александрович, совсем недавно мы видели Вас в роли члена жюри кинофестиваля. А чем Вы заняты нынче? Писать успеваете?

– Успеваю–успеваю.. Совсем недавно отдельным изданием вышел мой новый большой роман «Вечера с Петром Великим», который до этого был опубликован журналом «Дружба народов». Недавно состоялась его презентация. В отличие от многих других произведений, где Петр предстает перед читателем «то академиком, то героем», меня интересовала только личность государя, а не его военные или государственные реформы. Петр в моем романе человек, а не государственный деятель. А сейчас я пишу фантастический роман.

– Фантастический?! От «Иду на грозу» – до детектива и фантастики? Помнится, несколько лет назад Вы опубликовали детектив «Бегство в Россию». Кстати, что подвигло Вас на написание детектива? Наше время ассоциируется у Вас с этим жанром?

– Нет, время здесь ни при чем. Меня захватила, пленила подлинная человеческая история, реальные люди, с удивительной жизнью которых я познакомился. И я во что бы то ни стало решил написать о них.

– Как сказал поэт, времена не выбирают, в них живут и умирают, но все же.. Еще один вопрос по поводу той эпохи, в которой нам довелось жить. Когда-то очень большой общественный резонанс получила Ваша статья о милосердии. Наше время, оно милосердное?

– Нет. Совершенно немилосердное. Очень даже немилосердное. Препре, советское, было немилосердным из-за тоталитаризма государства, а нынешнее – из-за очерствления душ и человеческого эгоизма. Может быть, людей нельзя за это винить – многие слишком заняты борьбой за существование.

– Как Вы «дошли» до жизни члена киножюри?

– Мне было интересно, выживает ли наше кино, а если выживает, то как. Вообще-то я мало смотрю фильмы, но думаю, что у российского кинематографа сложная и тяжелая судьба. Ему суждено соревнование с американскими фильмами. Наше кино проигрывает американскому не качественно, а количественно. Между прочим, такая же ситуация сейчас сложилась и в литературе. Серьезные хорошие книги появляются довольно плотно, не реже, чем когда бы то ни было. Они проигрывают у читателя не качественной иностранной литературе, а международному «чтиву». Эта картина характерна не только для России, а для всего мира. Просто нам пока еще непривычно, что замечательные книги выходят тиражами три–пять тысяч экземпляров и расходятся не слишком бойко.

– Но ведь и хороших читателей немного..

– Вопрос в том, куда они делись? А они были. Существовала огромная, квалифицированная читательская аудитория. В золотую пору советской литературы поэтическая аудитория составляла многие тысячи человек, литературно–художественные журналы читали миллионы. Сто-, двухсот-, трехсоттысячные тиражи для романов были чем-то само собой разумеющимся. Все это было.

– И куда же, по–вашему, делось?

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Исчезло. Исчезло в силу многих причин. Уникальная читающая публика, которая образовалась в советской России, или обнищала, или находит то, что раньше искала в художественной литературе, в других журналах, газетах, телевидении. Или вообще ничего не находит, потому что ничего не ищет и занята другим.

– Чем?

– Выживанием. Или наживанием.

– Какие из «замечательных книг», о которых Вы говорили, можете упомянуть? Кто-нибудь из новых, молодых авторов запал в душу?

– Из молодых так вот, навскидку, мне трудно припомнить, а из последнего, написанного «немолодыми», понравился «Андеграунд» Маканина. Неплохой роман Наташи Галкиной, опубликованный журналом «Нева». Интересны вещи Дины Рубиной, напечатанные, кажется, в «Новом мире». А специально за новинками я слежу, честно сказать, мало. Других дел хватает. Самому надо писать, а не «слежкой» заниматься.

– В завершение темы. Мне кажется, они связаны: как Вы выразились, «золотая пора» советской литературы – и шестидесятники... Даниил Александрович, как Вы относитесь к понятию «шестидесятники»? Это название отражает суть явления?

– Наверное, да. Довольно сложно объяснить, но могу сказать, что они много сделали для очищения мозгов и душ советских людей.

– Не прочистки, не промывки, а именно очищения? Лев Аннинский как-то сказал, что его это определение не устраивает, потому что оно неполное, неточное.

– К любой дефиниции можно придраться. Тем не менее интересно явление – оно же почему-то возникло. Следовательно, была причина, повод, для того чтобы возникло именно это название.

– Ленинград, «притворившийся» Петербургом, не стал для Вас чужим местом?

– Для меня это город, без которого я бы во многом не состоялся как писатель и, может быть, даже как человек. Этот город я защищал во время войны, восстанавливал после войны, о нем писал. Петербург – город, имеющий особое значение для России. Он всю свою жизнь тащит Россию в Европу. Или, точнее, к Европе. Правда, она, Россия, упирается. И здорово упирается.

– Я думал, Вы вспомните про город с областной судьбой. Вы – автор этого афоризма.

– Во-первых, об этом первым сказал Лев Озеров. Дело не в областной судьбе. И не в судьбе вообще – ее каждый выбирает себе сам, в том числе и город. А дело в том, что Россия в лице своего правительства, партии, идеологов терпеть не могла Петербург – Ленинград в течение многих лет.

– Это связано с его фрондирующей ролью?

– Это связано с его колющей глаз европейскостью, его культурой, его интеллигентностью.

– Вас не коробит надуманность, фальшивость титула – «культурная столица России»?

– Я думаю, он пока что ничего не дает городу, кроме некоторого ощущения или ответственности, или несоответствия. Но и то, и другое полезно.

– Коли уж Вы теперь фантаст, разрешите задать «фантастический» вопрос. Доведись Вам такая возможность, о чем бы Вы говорили с собой двадцатилетним, чему научили, о чем предупредили бы того юношу?

– Вы задали очень интересный вопрос, который я себе часто задаю сам. Мне даже хотелось написать о том, что бы я думал и чувствовал, если бы встретил себя двадцати-тридцатилетнего. Это мне всегда было очень интересно. Наверное, – скорее всего, мы бы не поняли друг друга. Я двадцатилетний был бы крайне возмущен мною нынешним, моими современными взглядами и мыслями. Он бы меня

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
начисто не принял. Да и тридцатилетний, сорокалетний «я» – эти парни отнеслись бы ко мне с подозрением.

– То есть, если я правильно понял, Вы разделяли «генеральную линию»... А теперь, когда Ваш характер изменился, ощущаете ли угрызения совести, вспоминая об ошибках молодости?

– Изменился не характер. Изменилась ментальность – взгляд на жизнь, участие в жизни. Характер – нечто более неизменное. Но – и в этом сложность – я с большим уважением отношусь к себе двадцатилетнему, который пошел воевать в народное ополчение. Хотя к концу войны понимал, что это незачем было делать. В силу моего отношения к войне. И в то же время я совершенно строго – даже осуждающе – отношусь к себе тридцати-сорокалетнему, мирившемуся со многими безобразиями, которые творились вокруг, и даже участвовавшему в них. Который плакал, когда умер Сталин. Сейчас многие не любят это вспоминать, об этом говорить, но это факт. Ну хотя бы моей личной жизни. И вот я сегодняшний смотрю на того, плачущего, – и мне его жалко. Его зашоренность, глупость, неисторическое мышление ужасны. Но это не значит, что я стал умнее. Это не значит, что мы стали умнее. Встречи с самим собой – трудные встречи. К сожалению, мало кто из нас хочет встречаться с самим собой...

– Не знаю насчет нового президента, а при Ельцине Вы были членом Президентского совета. Эта близость к власти Вас не смущала? Как показывает опыт художников всех времен – от Иосифа Флавия до Александра Фадеева, такие игры добром не заканчиваются. Замараться не было боязно? Истинный художник старается держаться в отдалении от власти предрержащих.

– Да, я был членом Президентского совета. Во-первых, мне кое-что удалось сделать для того, чтобы облегчить жизнь творческому люду, правда, увы, мизерно мало. А во-вторых, было интересно посмотреть на власть вблизи.

– Профессиональный интерес?

– Именно. Между прочим, возможность замараться существует не только вблизи власти. Это зависит от человека – было бы желание...

– Последний фильм, который произвел на Вас впечатление?

– Таких фильмов два – «Вор» и «Брат». Первый – талантливо рассказанная молодыми кинематографистами история о днях молодости их отцов и матерей. История, рассказанная с сочувствием, пониманием и, кстати, милосердным состраданием. Хотя некоторые считают, что отечественные режиссеры в большинстве своем не умеют снимать «истории», не умеют «рассказывать». Во второй картине, по-моему, предпринята одна из немногих достаточно удачных попыток создания собирательного образа героя нашего времени. Обе ленты внушают надежду, что не все так уж скверно в российском кино.

– Даниил Александрович, что Вы думаете об Интернете?

– Я отношусь к нему неоднозначно. С одной стороны – информационный взрыв, лавина информации. С другой – о чем мы информируем друг друга? Что я люблю кока-колу, – а ты любишь пепси? Перспективы Интернета – фантастические, но слишком эта фантастика опережает наше развитие. Человек – очень инертное существо, мало и медленно меняющееся. Не успеваем...

– Может, и слава Богу?

– Отчасти слава Богу, но понимаете, несколько поколений людей из-за телевидения уже страдает гиподинамией. Малышам, часами просиживающим у мониторов, это здоровья не прибавляет. А формирование общественного мнения? Возможности Интернета в этом смысле насколько безграничны, настолько же и опасны.

– Если бы у Ваших двадцати-, тридцати- и сорокалетних сверстников, которые «мирились» и «даже участвовали», было под рукой такое мощное средство пропаганды...

– Да уж... Будь мир времен Второй мировой так компьютеризирован – неизвестно куда «вкось» и по какому «вкривь» – пошла бы история, какие формы приняла бы

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
идеологическая борьба... Представьте себе сталинский режим, имеющий выход в
Интернет. Или гитлеровский.

Беседу вел И. Линчевский
2000

«Сильно прибыло красоты»

...1919 год, год моего рождения, в тех местах еще догорала Гражданская война, свирепствовали банды, вспыхивали мятежи. Родители жили вдвоем в лесничествах где-то под Кингисеппом. Были снежные зимы, стрельба, пожары, разливы рек – первые воспоминания мешаются со слышанными от матери рассказами о тех годах. Детство, оно было лесное, позже – городское; обе эти струи, не смешиваясь, долго текли, да так и остались в душе отдельными существованиями.

Школа моя всерьез началась примерно с шестого класса. В школе, на Моховой, оставалось еще несколько преподавателей бывшего здесь до революции Тенишевского училища – одной из лучших русских гимназий. В кабинете физики мы пользовались приборами времен Сименс-Гальске на толстых эбонитовых панелях с массивными латунными контактами. Каждый урок был как представление. У учительницы литературы не было никаких аппаратов, ничего, кроме стихов и убежденности, что литература – главный для нас предмет. Ее звали Аида Львовна. Она организовала литературный кружок, и большая часть класса стала сочинять стихи. Мне же стихи не давались. В порядке самоутверждения я тоже написал в школьный журнал: о том, что поразило меня тогда, – о смерти С. М. Кирова: Таврический дворец, где стоял гроб, прощание, траурная процессия...

Несмотря на интерес к литературе и истории, на семейном совете было признано, что инженерная специальность более надежная. Я подчинился, поступил на электротехнический факультет и окончил Политехнический институт перед войной.

После окончания института меня направили на Кировский завод, там я начал конструировать прибор для отыскания мест повреждения в кабелях. С Кировского завода я ушел в народное ополчение, на войну. Не пускали. Надо было добиваться, хлопотать, чтобы сняли броню. Война не отпускала меня ни на день. В 1942 году на фронте я вступил в партию. Воевал я на Ленинградском фронте, потом на Прибалтийском, воевал в пехоте, в танковых войсках и кончил войну командиром роты тяжелых танков в Восточной Пруссии. То были страшные, горькие, но прекрасные годы. Я не думал стать только писателем, литература была для меня всего лишь удовольствием, отдыхом, радостью, как прогулка в горы или луга. Кроме нее была работа, главная работа – в Ленэнерго, в кабельной сети, где надо было восстанавливать разрушенное в блокаду энергохозяйство города. И вдруг я написал рассказ. Про аспирантов. Было это в конце 1948 года. Назывался он «Вариант второй». Я принес его в журнал «Звезда». Меня встретил там Юрий Павлович Герман, который ведал в журнале прозой. Его приветливость, простота и какая-то пленительная легкость отношения к литературе помогли мне тогда чрезвычайно. Рассказ был напечатан сразу, почти без поправок. Вскоре я поступил в аспирантуру Политехнического института и одновременно засел за роман «Искатели». Параллельно и в электротехнике тоже кое-что завязалось и стало получаться. По молодости, когда сил много, а времени еще больше, казалось, что можно совместить науку и литературу. И хотелось их совместить. Но не тут-то было. Каждая из них тянула к себе все с большей силой и ревностью. Каждая была обольстительна. Пришел день, когда я обнаружил в своей душе опасную трещину. Но в том-то и штука, что душа – это не сердце, и разрыва души быть не может. Просто надо было выбирать. Либо – либо. Но я долго еще тянул, чего-то ждал, читал лекции, работал на полставки, никак не хотел отрываться от науки. Боялся, не верил в себя... В конце концов это, конечно, произошло. Нет, не уход в литературу, а уход из института.

Я писал об инженерах, научных работниках, ученых, о научном творчестве, это была моя тема, мои друзья, мое окружение. В 1960-е годы мне казалось, что успехи науки, и прежде всего физики, преобразят мир, судьбы человечества.

Ученые-физики казались мне главными героями нашего времени. К 1970-м тот период кончился, и в знак прощания я написал повесть «Однофамилец», где как-то

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
попробовал осмыслить свое новое или, вернее, иное отношение к прежним моим увлечениям. Это не разочарование. Это избавление от излишних надежд. Кто знает, из чего образуется «Я». Думаю, что многое зависит от того, где человек живет. Если бы я жил не в Ленинграде, если бы в детстве жил не у Спасской церкви с пушками, если бы потом не на Петроградской стороне, если бы перед глазами моими не была набережная, в гранит одетая Нева, проспекты, то «Я», о котором тут идет речь, было бы несколько иное.

...Говорят, что биография писателя – его книги. Но почему-то, когда я сижу за столом, работаю, меня мучает чувство утраты, мне кажется, что биография моя прерывается, что настоящая жизнь, с солнцем, морем, природой, встречами, эта жизнь проходит мимо, она слышна за окнами смехом детей и шумом машин. А когда я не пишу, а гуляю с друзьями, куда-то еду, я корю себя за то, что не работаю, трачу время впустую. Наверное, такое противоречие неизбежно, но оно доставляет немало горя, оно портит жизнь. Не хочется работать за счет жизни, лучше все же жить за счет работы, потому что жизнь – она выше, она дороже.

– Ну еще одна книга, – говорю я себе, – что от этого изменится?

Доказываю себе, что ничего, – и тем не менее сажусь писать...

Нынешний Петербург стал таковым после обретения в 1991 году своего исторического имени. Честно говоря, поначалу мне казалось, что все это происходило в русле массовых перемен, возвращавших улицам старые названия. Иногда это получалось удачно, иногда – нет, в общем, желание все переименовать объяснялось жаждой стряхнуть с себя прах советской жизни. Однако прошло несколько лет, и я убедился в том, что возвращение имени сыграло свою роль и продолжает играть. Есть мнение, что для человека даже имя имеет определенное значение, иногда мистическое, иногда метафизическое – что-то оно определяет. А когда имя возвращается, то вместе с ним возвращается подлинность, история.

Петр I назвал этот город отнюдь не в честь себя, а в честь святого Петра. По библейскому определению, «Петр» означает «камень». И действительно, все получилось очень символично, был заложен камень в основание новой России. Ведь Петербург возник внезапно, совершенно неожиданно не только для нее, но и для Европы. Но так получилось, что событие, которое произошло с основанием Петербурга, до сих пор не оценили – и его действительно трудно оценить. Можно лишь представить, что некогда существовала страна с укоренившимися традициями, столица у нее была – Москва, центр – Кремль. Вокруг столицы существовала определенная история, прикрепленная к ней. До Москвы были и другие первые города: Владимир, Ладога... Но они как были, так и продолжали существовать. Здесь же произошло нечто непривычное и удивительное. Петр создает на окраине страны город, который с самого начала строится как столица государства. Такого примера не было даже в Европе. И начинается не просто переселение, начинается строительство совершенно нового типа города по плану Петра и по новым, но понятным для России мотивам.

Некоторые, например Достоевский, пытались представить эти мотивы как нечто навязанное, насильственное. Но это не так, замысел царя с самого начала был прост и велик – России был нужен выход к морю, к Европе и торговле. И Пушкин, как всегда, совершенно чеканными формулами, абсолютно точно дал определение этого исторического момента. Получилось так верно, как будто царь Петр сквозь годы поделился с ним своими мыслями. Конечно, такое точное понимание Пушкиным замысла основания города не случайно: он много лет изучал в архивах время Петра и знал его, как никто в России.

Когда же первый мэр Анатолий Собчак вернул городу его имя, вместе с именем стало возвращаться историческое ощущение того, что представлял этот город для России. Можно вспомнить, что, например, Ленинград никогда не был ее столицей. Он был городом трех революций, их колыбелью, в общем, была масса лестных названий. Но столицей не был. Так вот этот обрыв истории, который произошел в советский период, мэр соединил своим предложением, тем самым вернув и ощущение столичности, которую вытравляли из города на протяжении семидесяти лет советской жизни.

Почему во времена Ленина правительство уехало из города? Прямо-таки бежало. Угроза наступления немцев не было подлинной причиной бегства. Когда шведы подходили вплотную к Петербургу, Петр не увозил правительство в Москву.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Думается, что дело в другом: Петербург был городом революционных традиций, и именно эта революционность не устраивала новую власть. Это предположение может показаться странным, но только на первый взгляд: к власти пришли те, кто к ней рвался, и дальнейшие перевороты им были не нужны. Новым правителям было чего опасаться. И действительно – последовал Кронштадтский мятеж, а после него – оппозиции. Город был слишком революционным, может, он хотел довести революцию до конца, со всеми ее лозунгами: «Фабрики рабочим!», «Земля крестьянам!» Дальнейшая же история Петербурга – это история всевозможных бедствий и несчастий, которые претерпел он, как никакой другой город России.

Когда наступили юбилейные дни 300-летия города, у меня появилось впечатление какого-то излишества чувств, неадекватно торжественного отношения к дате. Сама по себе она не выглядела серьезно. Ведь 300 лет для европейского города – небольшой возраст. Для Парижа, Марселя, Берлина, Гамбурга, Брюсселя – это младенчество. Откуда же тогда возникло ощущение у всех – и внутри города, и в России, – что это значительная дата, этап в истории? Думается, что такое осознание связано с необходимостью вернуть городу его роль.

Можно представить себе красивого человека, с большими способностями, задатками, талантами, которому не дают осуществить себя. Его все время подозревают, ему мешают, притесняют, совершенно несправедливо обращаются с ним. Вот такой мне видится судьба Ленинграда за семьдесят лет советской власти. Что он претерпел? Можно многое перечислить: Кронштадтский мятеж, оппозиция Зиновьева – Каменева, разгром этой оппозиции, убийство Кирова, после которого сорок тысяч человек из города было изъято. Кто были эти люди? Бывшие дворяне, предприимчивые нэпманы, преданные, энергичные, инициативные деятели партийно-советского актива. Сорок тысяч было выслано, расстреляно, уничтожено. Затем – военная блокада, унесшая жизни более миллиона человек. Следом – «Ленинградское дело»... Все эти несчастья были не случайны в судьбе города, и страна это ощущала. Когда немцы наступали на Москву, столица вела себя панически. В Питере ничего подобного не было, город встретил врага достойно и мужественно, организовав упорное сопротивление. Немцы побоялись войти в город и завязнуть в уличных боях.

Эти события создали ореол героического города, города наших страданий и одновременно гордости. Недаром так сочувствовали блокадным ленинградцам, которых эвакуировали: их радушно принимали в разных концах страны, помогали, чем могли. После войны «сверху» началось довольно ощутимое для тех, кто пережил блокаду, нежелание признавать их заслуги – никаких льгот, никаких рассказов о лишениях и потерях. Я очень хорошо помню этот период. Когда мы с Адамовичем написали «Блокадную книгу», ее ни за что не хотели издавать в Ленинграде. С большим трудом мы пробили издание в Москве.

Такое отношение к блокадникам в частности да и к ленинградцам в целом объяснялось во многом «Ленинградским делом»: город представлялся сталинскому режиму как город оппозиционный. Достаточно вспомнить события вокруг Анны Ахматовой, Михаила Зощенко и многих других известных людей. Петербург для власти всегда был слишком подозрительным и европейски-ненужным для России. То самое «окно в Европу», прорубленное Петром и Пушкиным, приносило с собою в Ленинград слишком много Европы, оно было трещиной в железном занавесе, которую также не могла не замечать и не бояться власть.

Петербург всегда был и остается несколько обособленным городом. И несмотря на то, что из него увезли Академию наук, Академию художеств, несмотря на то, что Москва, переманивая, предлагала лучшие – привилегированные – условия для актеров, писателей и творческой интеллигенции, он оставался интеллигентным и интеллектуальным центром. Город вроде бы не ощущал «творческого дефицита»: в нем появлялись и появляются новые художники – будто из-под петровской тверди бьет некий подземный источник интеллектуальной энергии, Петром открытый.

Перечисленные здесь события многое предопределяли в празднике 300-летия Петербурга. Петербуржцы ощущали его как желание восстановить справедливость: наконец этот опальный город признали, он уже не просто областной центр, оказывается, он славен историческими заслугами, ресурсами, возможностями. И в том, что ныне страной руководит петербуржец, также есть некая историческая оправданность.

27 мая была кульминация праздника – все улицы города заполнили горожане и гости. Никогда, даже в День Победы 1945 года, я не видел такого количества счастливых и

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
радостных людей, которые до поздней ночи гуляли по центральным улицам,
набережным.

Чудо этого праздника открылось для меня в Эрмитаже. Всю свою жизнь я входил в музей с набережной. Но в этот день открылся вход с Дворцовой площади через знаменитые ворота, которые памятны многим по фильму Сергея Эйзенштейна «Октябрь». Главный, парадный, царский вход. Всю ночь Эрмитаж был открыт для посетителей. Конечно, это было рискованно. Позже я спросил у М. Б. Пиотровского, как прошло ночное шествие. Но, оказывается, посетители вели себя безупречно, к ним не было никаких претензий: город доверил им самое большое сокровище России, а они, в свою очередь, достойно откликнулись на это. Залы Эрмитажа в эту белую ночь выглядели фантастично. Притомся, люди ложились на пол под полотнами Рембрандта, Брейгеля, дремали, и это казалось естественным.

Некие начальственные круги решили обозначить 300-летие города, соорудив памятник «трехсотлетию». С самого начала эта затея показалась мне надуманной. Была устроена выставка проектов памятников, посмотрев ее, я, как многие зрители, убедился, что проекты беспомощны, а то и бессмысленны. Скорее всего, они были таковыми потому, что сама идея подобного памятника была бессодержательна и провинциальна. На мой отзыв сильно обиделись и скульпторы, и организаторы. Я предложил вместо памятника трехсотлетию поставить знаковый камень там, где был «город заложен». Уточнил место: Государев бастион в Петропавловской крепости, по легендам, именно отсюда началось строительство города. Надо отдать должное начальству, на этот раз оно согласилось, что не стоит продолжать настаивать, к тому же неизвестно, что получится и во сколько это обойдется. В результате установили скромное, довольно изящное сооружение из гранита в виде набегающей волны. И 27 мая состоялось открытие.

Однажды, в Лондоне, нашу группу пригласили к редактору газеты «Таймс». Войдя в его кабинет, мы сразу обратили внимание на старинную тяжелую английскую мебель. Редактор пояснил, что вся обстановка не меняется со времен первого редактора газеты. В таких традициях есть уважение к себе, к прошлому. Поэтому хорошо, что здание Мариинского театра остается в том же виде, но необходимость под боком нового здания пока непонятна. Стоит также отметить, что проведена реконструкция знаменитого Михайловского замка, который теперь полностью принадлежит Русскому музею, много залов приведено в порядок. Отреставрирован двор, заново воссоздан Михайловский сад, так что «сильно прибыло красоты».

То же самое относится к Летнему саду, к Таврическому, Строгановскому дворцам, зданию Главного штаба, Петропавловской крепости.

А еще есть работы, которые незаметны приезжему человеку. К примеру, обновленные тротуары Каменноостровского проспекта, вымощенные плиткой, или реставрация мечети, которая стояла в лесах почти 20 лет. Множество уголков города за последнее время вдруг открылось в своей поэтичности, прелести, будто пыльную, замутненную картину протерли, и город предстал в первозданной красоте. Более того, стало бросаться в глаза недоделанное, запущенное.

Возрождается дух столичности города, и это постепенно начинает действовать на людей. Например, в течение полутора лет (всего лишь) заново отстроен Константиновский дворец. Мы считали, что город окружен ожерельем пригородов: Петергоф, Пушкин, Ораниенбаум, Гатчина, Павловск – это незабываемое наследие царских времен. Константиновский дворец же издавна стоял разрушенный. Все думали, что так и будет. И вдруг начались восстановительные работы. И появилась новая драгоценность среди питерских пригородов, ничуть не хуже царских украшений. Раньше я всегда считал, что будущее Петербурга в его прошлом...

Однако надо признаться, что юбилейщина принесла и неприятности: пример тому – Сенная площадь. Вообще питерские площади – особые достопримечательности города. Они – его вздох, его разминка. Так вот, Сенную площадь обезобразили, потратив массу денег, сделали тесной, нелепой. В результате получилось торжество безвкусицы. Далее – площадь Искусств, превращенная в огромную автостоянку с непонятными гранитными столбиками. Если эту тему расширить, то можно сказать, что как для Петербурга, так и для других российских городов одна из важных проблем – проблема художественного вкуса, которая у нас в России решается, к сожалению, в основном градоначальниками. Они считают, что вместе с властью обретают и вкус, для того чтобы определить, «хорош ли памятник, где его поставить», «здесь здание убрать»...

Со времен Петра I цари тоже довольно активно вмешивались в архитектуру, планировку сооружений города и т. д. Но они сохраняли и чтити традиции основателя и – «побаивались» его. Их европейское образование, гуманитарное в том числе, создавало уровень вкуса. Вспомним, как решался вопрос о памятнике Петру Екатериной. Ведь ее советники, и в том числе пользовавшийся особым доверием государыни Иван Иванович Бецкой, предлагали другие варианты памятника, отвергли проект фальконе. Но императрица предпочла именно его и оказалась абсолютно права: Медный всадник – великое создание, на мой взгляд, лучший памятник России. Стоит сказать отдельно и о надписи на нем. Вариантов надписей было представлено множество – в этом конкурсе участвовали и Ломоносов, и французский просветитель Дидро. Но Екатерина предложила свой вариант: «Петру Первому Екатерина Вторая». Что может быть лаконичней и выразительней? Он – первый. Она – вторая. В этом было тоже торжество вкуса. Когда же ее сын Павел I поставил памятник царю Петру у Михайловского замка, то он тоже в этом смысле не уступил Екатерине, сделал следующую надпись: «Прадеду правнук». Этим он, конечно, исключил Екатерину, как пришло, из родства...

В общем, в те времена уровень художественного вкуса царских особ сохранял красоты Петербурга. Ведь Петр I, создавая город, принял замечательное новаторское решение – нигде в мире не было набережных как проспектов. Такие города, как, например, Венеция или Амстердам, стояли к реке «бокком», «спиной». Петр в Петербурге впервые отодвинул фронт домов от обреза воды, создав гранитные проспекты, а вдоль них – парад дворцов «лицом» к воде, которую он бесконечно любил. От этого Петербург приобрел свой неповторимый облик: город в городе, второй – отраженный, зыбкий и призрачный. Такая призрачность создает совершенно особую поэзию. Это качество отмечено многими художниками, поэтами и писателями. Не случайно Петербург порождает и порождает петербургскую поэзию. Блок насыщен петербургскими пейзажами. Андрей Белый создает здесь цикл петербургских стихов. Ахматова сплошь пронизана настроениями этого города. Далее – Шефнер, Кушнер, Бродский, Бобышев... Город сообщает человеку особое состояние души, при котором можно не быть поэтом, но чувствовать его поэзию.

я люблю блоковские места в городе: Новую Голландию, арку Валлена-Деламота – странное романтическое сооружение, отмель Невы вдоль Петропавловской крепости, когда весь город предстает как на ладони. Нева во многом отличается от виденных мною городских рек. Она дает возможность разом обозреть огромную панораму города.

Петербург для меня – город неразгаданный. Таинственно, например, очарование его белых ночей. Меня давно озадачивали рисунки М. В. Добужинского к повести Достоевского «Белые ночи». На черно-белых сюжетных гравюрах – белая ночь, которая совершенно ясно ощущается. Долго я не мог разгадать секрет художника, пока наконец открыл, что светло, но дома, люди лишены теней. На гравюрах нет теней, как и в самом городе во время белых ночей. Это – очень странное ощущение: город как привидение.

Мне никогда не хотелось уехать из этого города, хотя были времена, когда партийное начальство прорабатывало меня и запрещало печатать. Может быть, если бы я переехал в Москву, то работать там было бы легче. Она – более демократична, в ней проще затеряться, в ней писателю и художнику легче. Но с Петербургом у меня связана вся жизнь. А переезд – это очень серьезная перемена, которая не всегда заканчивается хорошо для творческого человека.

...я боюсь предсказывать будущее – и будущее города в том числе – это почти никогда не оправдывается. Жизнь прекрасна непредсказуемостью, она тем и хороша, что все время придумывает какие-то сюрпризы и многое происходит в ней не так, как бы нам хотелось. Но есть нечто конкретное, что бы мне хотелось увидеть в городе. Питер стоит на воде, он прекрасен своими водными путями. Когда смотришь старые питерские гравюры, все его водное пространство живое, наполненное: тянутся баржи, пароходы, лодки, галеры, идут парусники, яхты. Нева, Мойка, фонтанка полны движения. Я помню, мальчишками до войны мы бегали на фонтанку к баржам, на которых в город прибывали гонимые со своими изделиями и выставляли их на набережных. Вода прибавляла городу жизни: торговой, морской. Увы, сейчас Нева и каналы пустынные. Жаль, потому что водная сеть могла бы быть использована. Речки, каналы, протоки составляют второй город, и летний, и зимний, подобно тому, как это происходит в Голландии.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Есть план, предложенный недавно, о перенесении порта в Кронштадт и высвобождении пространства под городские застройки. Городу тесно, он просто обязан куда-то расти. Хочется, чтоб он рос не только в пустынные места, но и в обжитые.

И еще – из города надо удалять промышленные предприятия. Я считаю, что Петербург – это прежде всего город ученых и туристов. Он может стать самым привлекательным городом в мире, в нем есть все данности для этого: история, северная природа, ожерелье пригородов вокруг него. Город бесконечно поэтичен, причем эта поэзия выражается не только в языковом плане – Пушкин, Блок, Бродский, это и поэзия архитектуры. Сфинксы, кони, петербургские дворы. Не так давно некоторые дворы, которые в литературе часто называют «темными, зловещими», стали переделывать, и оказалось, что из них можно создать уютные дворики, которые становятся преимуществом дома. У нас есть право вступать в соревнование и с Парижем, и с Римом, достаточно сослаться на тот массив музейных сокровищ, которым обладает Петербург. Так что если говорить о будущем города, то оно видится мне в его туристском и научном потенциале.

Современные петербуржцы живут в городе бедном, несмотря на всю его красоту. Может быть, красота заставляет острее ощущать свою бедность. В городе более 200 тысяч коммунальных квартир. Это – наследие прежних времен, когда средства на жилищное строительство просто не выделялись. Его жители ютились и теснились в бывших господских квартирах, превращая их порой в трущобы. Эта непозволительная бедность тем более позорна, что вид города по фасадам прекрасен. Морально это действует очень тяжело. Я и сам много лет жил в подобной квартире. Дом же выделялся своей роскошью и слыл архитектурной достопримечательностью. Коммунальные квартиры остаются главной бедой города.

Питерцы имеют некоторые особенности, в них меньше современной коммерции, чем в москвичах. Это можно объяснить исторически: Москва – купеческая, Петербург – чиновничий. К тому же наличие порта в городе, общение с Европой оказывали воздействие. Сюда со всего света приезжали ученые, инженеры, деятели искусств – так что культуру, демократичность, интеллигентность город впитал издавна. Многие представляют Петербург не только окном в Европу, но и неким локомотивом, который долгие десятилетия тащил Россию в Европу, в просвещение и правопорядок. Это – важно. Здесь можно было общаться с иностранцами свободней и чаще. Здесь можно было впервые познакомиться с западным искусством: такое учреждение, как Эрмитаж, тоже оказывало на город благотворное влияние.

Как оценить последнее десятилетие? Архитектурные потери и приобретения – это не арифметика, это – результат, к сожалению, волевых решений. Одна только переделанная площадь Искусств может перечеркнуть благие начинания последнего периода. На каком основании градоначальники считают, что «так будет лучше»?

Современный руководитель – временщик по своему социальному статусу. С него никто не спросит. Когда-то секретарь обкома Зайков поставил на вокзальной площади, где раньше стоял замечательный памятник Александру III, некую стелу. Так и стоит она сегодня, невыразительная колонна. Когда-то император Александр I ставил обелиск Румянцеву. Но так это – Румянцеву, фельдмаршалу, подвиг которого запечатлен в веках.

Вообще современная история городских памятников более чем спорная. Например, недавно был поставлен памятник Низами. Но при чем тут наш город, как азербайджанский классик связан с ним?

Что же касается памятников революционного периода, то многие остались в городе. Но отметить хотелось бы только один, который, на мой взгляд, сделан безупречно, это – памятник Кирову скульптора Томского. Так что «политика памятников» – бедовая. Низами – есть, а Блока, Ахматовой, Чайковского, Шостаковича – нет.

Петербург сумел сохранить и показать достоинства модерна начала XX века в архитектуре, каким-то образом он обжил, освоил этот стиль, придавший городу своеобразие, непреходящую, неубывающую современность.

2003

У совести нет мерил!

Пожалуй, Петербург, тем более с приставкой Санкт, – город, который может говорить с Россией и даже с миром о совести. Со всем миром о совести вот уже второе столетие говорит петербуржец Федор Достоевский. В наши дни о совести говорит другой петербургский писатель – Даниил Гранин.

– Даниил Александрович, многие размышляют о роли Петербурга. Каков Петербург сегодня, на Ваш взгляд?

– Думаю, у каждого города есть свои возможности, ресурсы стать более значимым. И Петербург не исключение. Но Петербург имеет преимущество морского порта. Сейчас Россия лишилась многих портов, и в этом смысле Петербург должен возобновить свое первоначальное назначение. Он ведь и родился как выход России к европейскому морю. Он может стать большим портом, чем есть, и пассажирским, и торговым, включая для этих целей и свои окрестности. Да и внутри города реки, каналы пока не служат транспортными магистралями, тогда как на старых гравюрах видим по ним очень большое движение: яхты, лодки, баржи.

Второе, Петербург может стать крупным туристским центром. Это ведь красивейший город Европы, где сохранился почти не тронутым исторический центр. Здесь свыше пятисот дворцов и особняков, которые представляют художественную ценность, плюс прекрасное пригородное окружение Петербурга, которого не имеет ни один город в мире: Петергоф, Пушкин, Павловск, Ораниенбаум, Гатчина, а теперь еще и Стрельна. Это ведь великолепные дворцово-парковые ансамбли. Да еще Эрмитаж и Русский музей, которые разрослись в большие комплексы. Русский музей сейчас стал крупнейшим музеем в мире. В него кроме основного здания – Михайловского дворца – входят теперь еще и Михайловский замок, Мраморный и Строгановский дворцы. И еще десятки и десятки самых разных музеев. Сейчас вот открылся после реконструкции замечательный Музей связи. А сколько мемориальных квартир – Достоевского, Пушкина, Некрасова, Блока, Шалапина.. Туризм в ближайшее время может быть главным направлением деятельности Петербурга. Что такое Париж, Рим? Это прежде всего туристские центры, не промышленные. Петербург с этой точки зрения имеет большое, всемирное будущее.

– Идею переноса столицы в Петербург Вы бы поддержали?

– Не обязательно. Много чиновников – это не очень хорошо.

– А переноса каких-то столичных функций?

– Я не вижу в этом ничего ни «за», ни «против». Это вопрос не принципиальный – будут здесь какие-то столичные учреждения или нет. Это не определяет будущего Петербурга.

– Что мог бы еще Петербург сделать к своему 300-летию?

– Конечно, не удалось сделать многое. Например, заняться коммуналками. Это ведь весьма тяжелое наследство от советской жизни. Очень тяжело, когда люди не могут почувствовать себя отдельно от навязанного сообщества. Я сам долго жил в коммуналке. Такого нет нигде, даже в Африке.

Надо и дворами-колодцами старого города заняться. Их можно превратить в прекрасные уголки. Несколько десятков таких дворов уже сделали. Их недостатки превращают в преимущества – закрытые, уютные, безопасные для детей места отдыха, игр. Они изолированы от городского шума. Их можно сделать очень красивыми. Такие дворы могут оказаться даже своеобразным преимуществом Петербурга.

Надо и уличные мостовые приводить в порядок. А то обновили к юбилею только улицы для проезда начальства, чтоб его не трясло. А боковые улицы остались как есть, в ямах. Думаю, что деньги, выделенные на юбилей, могли бы быть потрачены с большей пользой для города.

– А что больше всего Вам понравилось в городе из происшедших в последние годы преобразований?

– Нравится, как Невский замостили плиткой, как отремонтировали Петропавловский собор, Александровскую колонну. Константиновский дворец из руин подняли. И теперь там очень красиво.

– Какие самые дорогие Вашему сердцу места Петербурга, где Вы любите бывать?

– Люблю Петропавловскую крепость, набережные Невы, Новую Голландию.

– В своей последней книге «Неизвестный человек» вы касаетесь темы совести, страха. Сегодня на Западе, прежде всего в США, существуют новые психологические науки и практики, которые освобождают человека от совести, ее страданий. И вообще, сегодня порой людям кажется, что нация, которая менее рефлексивна, менее копается в себе, – более развита как цивилизация, живет богаче. Что Вы об этом думаете?

– Про эти психологические науки я не слышал. А вообще, не посмею обвинять какой-то народ, что он бессовестный, не страдает муками совести. Там что ж, совесть как-то заглушили, усыпили? Люди живут без совести? Я так не могу ни про кого сказать.

– Стало быть, русские не более и не менее совестливые, – чем другие народы?

– А как можно это измерять?

– Ну, скажем, изучая культуру, наблюдая их современный способ мышления, поведения.

– Это, знаете ли, какие-то хитрые вещи. И находятся – в опасной близости к расизму: мы – совестливые, а они – не совестливые... Конечно, понимаю, кто-то скажет: а вот у нас, мол, Достоевский, а вот Толстой!.. Но Достоевский ведь не русский писатель. Это всемирный писатель. Почему это мы более совестливые? Когда Америка воевала с Вьетнамом, какие там были протесты, демонстрации! А мы вот столько лет воюем в Чечне, где наши протесты, демонстрации?

– То же, видимо, касается и войны в Ираке?

– Да. Ведь в каждом народе есть совестливые люди, и где их больше или меньше, я не берусь сказать. Наоборот, скажу, что наша нравственность за последние 10–15 лет сильно пострадала. Мы действительно обладали какими-то нравственными качествами, а теперь все сводится к погоне за деньгами. Не гнушаются на каждом шагу брать взятки, заниматься воровством, казнокрадством. И чем дальше – больше. Так как уж говорить, что наш народ более совестливый?!

– О чем сегодня прежде всего должен, на Ваш взгляд, говорить художник?

– О чем хочет, о том пусть и говорит. Он ничего не должен. Художник говорит о том, что у него болит, что он считает важным, о чем не может молчать.

– То есть брать на себя, как когда-то было, роль лидера, трибуна, властителя дум – сегодня это нереально?

– Нет. Это тогда было навязано – создавать положительного героя, поддерживать решение партии и правительства. Художник существует совершенно свободно.

– А вот Солженицын, он ведь не был под влиянием партии, ему не навязывали, а он постепенно попытался выйти на уровень трибуна, властителя народных дум?

– Это дело его совести, взглядов. Он боролся за то, что считал важным для себя. И это хорошо.

– Вы думаете, однако, сегодня его время ушло? Он, объективно говоря, потерялся в поле зрения российского народа, читателя?

– Солженицын не остановился, он по-прежнему пишет о том, о чем хочет. Другое дело, что читается он сегодня меньше, чем тогда, когда читатель в нем находил ответы на какие-то острые вопросы времени.

– Вы оказались народным депутатом СССР на том съезде в 1989 году, который считался первым частично демократически избранным съездом. Однако Вы прошли туда в знаменитой «красной сотне», по списку КПСС. Как это получилось?

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
– Я тогда организовал общество «Милосердие», и это привлекло внимание партийного начальства. Ведь и сегодня партии стремятся привлечь людей популярных.

– Какое впечатление от тех съездовских дней?

– Очень хорошее. Это было время становления новых парламентских порядков. Была замечательная межрегиональная группа московских и ленинградских депутатов, в которой были ученые, писатели, деятели искусств, духовные лица. Были большие надежды.

– Вы сами участвовали в парламентских дебатах?

– С трибуны я не выступал, но позицию свою выражал в обсуждениях, в голосовании.

Беседу вел П. Яблонский
2003

Интелегенды

За последние 15 лет российская интеллигенция испытала на себе все «прелести» реформ, шокотерапии, дикого рынка и обнищания.

Продолжать работать, как прежде, в условиях нищеты было равноценно подвигу. Но подвиг – вещь штучная, он не может превратиться в многолетний процесс. Часть интеллигенции покинула Россию. С оставшейся произошли качественные изменения. Нищая интеллигенция потеряла свой авторитет в глазах большинства. А нравственные нормы в обществе как раз и устанавливают интеллигенты...

И оказалось, унижительное положение интеллигенции – это не только ее проблема. И не только проблема сохранения международного престижа России или поддержания ее обороноспособности. Благополучие интеллигенции в интересах не только самой интеллигенции, а прежде всего – в интересах народа.

В юности у меня был своего рода учебник нравственности – повесть Даниила Гранина «Зубр» о судьбе замечательного русского интеллигента, биолога Тимофеева-Ресовского. До сих пор храню тетрадку, где школьным почерком выписаны цитаты из «Зубра». Например, такая:

«Благополучный человек, он может позволить себе быть нравственным. А ты удержи свою нравственность в бедствии, ты попробуй остаться с той же отзывчивостью, жизнелюбием, как тогда, когда тебе было хорошо».

Я встретила с писателем Даниилом Граниным, чтобы поговорить об интеллигенции сегодня.

– Интеллигенции в последние годы не стало. Потому что положение таких сословий, как ученые, врачи, учителя, творческая интеллигенция, унижительно. Из-за того, что они оказались совершенно необеспеченными людьми. Даже нищими.

Они потеряли ощущение, что нужны, раз власть так с ними обращается: не нужны наука, искусство, образование, медицина. Нужна биржа, нужны банкиры, нужно телевидение, которое славит. Поэтому как сословие, которое когда-то было очень активным и заявляло о себе, как функция интеллигенции перестала существовать.

Раньше, допустим, арестовали ученого Лукирского – замечательный был физик, академик. Это самые тяжелые годы – 1930-е. В его защиту выступили Иоффе, Капица, Вавилов и др. С письмами, довольно рискованными. И они добились своего. Таких акций было довольно много. Позже выступали, например, против поворота рек. Энергично выступали. То есть интеллигенция пыталась проявить себя и заявляла о своем мнении. Протестовала. Сейчас ничего этого нет.

А казалось бы, сейчас свобода... Свобода выражения – и творческого, и гражданского...

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Это не свобода, это ненормальный рыночный диктат. Интеллигенция занята борьбой за выживание. Если ученый, доктор наук получает четыре с половиной тысячи рублей, он думает только о том, где ему еще заработать денег. Ему не до гражданского самосознания. И поэтому, когда говорят, что нужно создавать гражданское общество, – я спрашиваю: из кого? Из этих людей, которые вынуждены бегать: то там прочесть лекции, то здесь, – им надо семью кормить.

И дело не только в деньгах, а еще в осознании того, что мне не платят, потому что я не нужен. Власти плевать на то, будет у нас наука или не будет. Наша замечательная физика, генетика... Мы потеряли свои позиции в мире. И это никого не интересует. А что делают те, кто за это болел? Они или уходят в бизнес, который живет совершенно по другим законам, или уезжают за границу, где более приличные условия жизни. Или плюют на все и спиваются. То же самое с учителями.

То же с медициной – если врач не начинает брать взятки или устраивать поборы, то он не может жить нормально.

Так что взаимоотношения власти и интеллигенции изменились. Раньше власть побаивалась интеллигенции. Раньше власть нуждалась в ней, чтобы создавать военную промышленность. Раньше власть в какой-то мере остерегалась международного мнения. И даже по-своему, как понимала и умела, заботилась о том, чтобы у нас были достижения – научные и творческие.

– А теперь что для нее важно?

– Не знаю. Наверное, для них важно, чтобы их переизбирали, важно, чтобы их не слишком поносили наши СМИ, прежде всего телевидение. Важно иметь в своем распоряжении банкиров, капитал которых им обеспечит успех на выборах. Вот и все.

– Недавно я получила печальный e-mail от моего 77-летнего друга, питерского ученого-зоолога: «...Советую подойти к Ростральным колоннам и стать спиной к ним. Прямо – Биржа, слева – Зоологический институт РАН, справа – дом, увешанный мемориальными досками. Над входом – шикарная надпись ресторана. Чуть правее – доска в память академика Потапова. В доме некогда был прекрасный геологический музей РАН, увезенный в Москву и частично там пограбленный. Скромненько во дворе – Институт химии силикатов и некоторые другие заведения РАН. И когда новые русские собираются отвести душу, говорят: „Куда?“ – „Давай к Потапу!“»...

Да, большая часть интеллигенции занята выживанием. Но ведь есть другая часть – так называемая элита, у которой с деньгами все хорошо и которая могла бы выполнять гражданскую функцию.

– Во-первых, богатая интеллигенция – это странное понятие. Это совершенно нерусское понятие. Интеллигентность включает понятие совести, каких-то духовных ценностей. XX век прежде всего дал нам двух человек, которые являются предметом гордости нашей интеллигенции, – это Сахаров и Лихачев. Я был знаком с ними обоими. Как жил Сахаров и как жил Лихачев? Не могу сказать бедно, это неправильно, но очень скромно. Я думаю, это была принципиальная скромность. Они не хотели позволить себе жить богато. Потому что это неприлично. Я не хочу никого осуждать. Но считаю, что если человек использует свое богатство для того, чтобы преподнести президенту катер...

– Ничего себе – катер!

– ...то он должен подумать о том, что есть более насущные вещи, которые человек должен оставить после себя или на что он должен употребить деньги. Построить больницу, приют для беспризорных ребят – без конца тут можно перечислять. Вот на Западе, при его «бездуховности», люди выступают с конкретными вещами, например, против противопехотных мин. Это конкретно. И этим можно заниматься. Для меня это более понятно, чем «создание гражданского общества».

– Должен ли интеллигент сотрудничать с властью или все же его роль – всегда быть в оппозиции?

– Нет, я не считаю, что в любом случае надо быть в оппозиции. Есть разумные вещи, которые делает власть. В этом надо с ней сотрудничать. Когда власть хочет строить дороги – ну и слава богу.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

– Какие-то пределы – чем можно поступиться, а чем нельзя – все же существуют?

– Человек не может жить бескомпромиссно. Мера – это совесть, понятие очень туманное, может быть, расплывчатое, но тем не менее единственное. Есть совесть обостренная, есть приглушенная.

– Вот жили два брата Вавиловы, Николай Иванович и Сергей Иванович. В 1939-м Николай Иванович произнес знаменитую фразу: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся!» И погиб в тюрьме. А его брат Сергей Иванович в 1945-м стал президентом Академии наук и волей-неволей (по должности) участвовал в разгроме настоящей науки. Его можно осуждать? Между прочим, он перенес девять инфарктов на ногах (при вскрытии у него на сердце обнаружили девять рубцов)... И оба брата пытались спасти науку, оба шли на компромиссы, но у них были разные пределы...

– Это были прекрасные люди. Ни того, ни другого я бы осуждать не стал. А назовите мне нынешних министров, политиков, людей во власти, которые болеют, страдают за страну. Сейчас у нас нет героев. Нет нравственных авторитетов. Это плохо. У нас были такие, но они умерли или уходят. Был Окуджава. Был Галич. Такие журналисты, как Егор Яковлев, Бовин...

– Наш Щекочихин.

– Правильно. Были такие. Но не появляются больше. Это уходящая натура.

– Кроме того, многое, что раньше вызывало уважение, теперь дискредитировано и вызывает в лучшем случае скептическую улыбку. Свою журналистскую корочку я вообще никогда никому не показываю – могут и побить. Дипломы лучших вузов страны подделываются, докторские степени раздаются депутатам, мэрам и губернаторам. А недавно мне позвонил ученый, у которого я брала интервью: «Зачем ты написала в газете, что я академик?» – «Но Вы же академик!» – «Да, но это теперь стыдно. Что делает наша академия!» Зато несколько лет назад Ким Чен Ир стал почетным членом РАН.

– Общество лишилось ясного понимания, куда оно идет, чего хочет, какого будущего оно добивается, кроме экономического, – вот квартиру каждому...

– А если нет героев...

– Лихачев не был героем. И Окуджава не был героем.

– Но это Вы слово «герой» употребили!

– Я плохо сказал. Не герой – пример. Потому что несчастна страна, которая должна иметь героев. Я воевал, поэтому знаю. Война не может быть выиграна героическими подвигами, войну выигрывает обыкновенный солдат. Героизм – это крайнее выражение отчаяния, невозможности. Гораздо важнее какой-то нравственный пример, нравственная жизнь.

Вот благотворительность и милосердие. Никто не хочет этим делом заниматься. Потому что это невыгодно, потому что за это не снижают налоги. Но! Милосердие и благотворительность не должны быть выгодными. Нет рекламы, нет пиара, зачем я буду на это давать деньги, думают они. А на что тебе эти деньги? А что ты оставляешь после себя в этой жизни? Вот тут мы касаемся самого главного – нравственного смысла жизни, идеи жизни. Ну хорошо, миллиард у тебя есть, и что дальше?

На Западе есть хоть и спорное, но объяснимое желание расширить свое производство, построить еще заводы, открыть еще рудник. Это увлечение своим делом. У нас же и этого нет, мы ничего не строим...

Беседу вела С. Гликман
2005

(Перечитывая П. Л. Капицу)

С юности меня привлекала загадка гениальности. Что это за феномен? Откуда берутся такие люди, как им приходят в голову их открытия, пророческие откровения, волшебные звуки, стихи? Что это? Труд? Терпение? Настойчивость?.. «Гениальность зависит главным образом от энергии», – считал Мэтью Арнолд, английский поэт. «Гений не что иное, как дар терпения», – утверждал Ж. Бюффон. Мне сразу же приходит на ум пушкинский Сальери, который свято исполнял и эти, и другие заповеди. Анализировал, изучая, разлагая на составляющие, произведения гениев, трудился беззаветно, многого достиг, поднялся, но ведь не до звезд! И с тоской и завистью сознавал их недостижимость.

Взрослея, я убеждался, что человеческие старания тут бессильны. Даже нечеловеческие. Ни упорство, ни постоянный труд, ни энтузиазм не в состоянии преодолеть земного притяжения.

Хотя... Заявлял же Исаак Дизраэли, что «всякое произведение гения неизбежно является результатом энтузиазма». А Дизраэли сам обладал незаурядным талантом и знал немало великих людей.

«Гений есть лишь непрерывное внимание», – определял Гельвеций, тоже человек ярчайшего таланта. Что-то должно было означать его определение?

Известно, что гении были труженики. Толстой переписывал «Войну и мир» восемь раз. Хемингуэй переписывал окончание «Прощай, оружие!» тридцать восемь раз. Но разве это примеры всего лишь трудолюбия? Сальери готов был бы переписать свои оперы и сорок, и сто раз. Да что там Сальери, я ведь тоже готов переписывать сколько угодно, лишь бы достигнуть уровня Хемингуэя, не говоря уж – Толстого. Так ведь беда в том, что не знаешь, что надо переписывать. Хемингуэй каждый раз видел несовершенство написанного, знал, что исправлять, он знал, чего добивается. Мне такое видение не дано. Три, от силы пять раз, далее не видно, видимость кончается.

В гениальности есть нечто мистическое, недоступное логике. То, чего не достигнуть никаким трудом. От великих поэтов можно услышать признание того, что порой им кто-то диктует, «божественный глагол» вдруг касается их души, это не только вдохновение, это еще откровение, надо скорее записать звуки, слова, которые откуда-то приходят. Не поэт искал их, они нашли его и водят его рукой.

Для ума заурядного это все магия. Посредственность не желает признавать непостижимость гения. Тем более когда видит этого гения в обыденности, когда «молчит его святая лира, душа вкушает холодный сон и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

Ничтожный. И тем не менее личность гения отмечена. Можно почувствовать излучение, какое-то напряжение, исходящее от такого человека. У меня возникало это ощущение не раз при встречах с Д. Д. Шостаковичем, Н. В. Тимофеевым-Ресовским, П. Л. Капицей, А. А. Ахматовой, А. Д. Сахаровым, Л. Д. Ландау, да и с менее известными, но, я убежден, блистательно талантливыми – гений определяется не его известностью. Что-то отделяло их от прочих людей.

В России гениев было мало. Но их и всюду мало. Всегда мало. Во все времена. Есть века пустые. Гении то сходятся, кучкуются, да еще как бы в одном месте, то куда-то исчезают, покидая человечество надолго.

Толстой и Достоевский, Толстой и Чехов, Блок, Маяковский, Мандельштам вдруг собираются, встречаются, сталкиваются. Гете и Шиллер, Эйнштейн, Бор, Гейзенберг...

Русская наука имеет всего несколько ученых мирового класса. Их легко пересчитать по пальцам. Среди них Петр Леонидович Капица. Мощь его дара я стал понимать не через его научные результаты, их оценить я не могу самостоятельно, а в работах и мыслях общедоступных. Они поучительны, они помогают понять особенности мышления великого, я бы сказал гениального, ученого.

Гений – явление исключительное. У гения все творимое отмечено совершенством.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Таков гений Моцарта, Пушкина, Ньютона, Гете, Леонардо, Микеланджело. Они как звезды – не меркнут и светят во все стороны. Пушкин-поэт, Пушкин-историк, Пушкин-прозаик, Пушкин-критик – повсюду глубина и точность. Так же как Гете – поэт, прозаик, ученый, мыслитель. Подобных гениев природа создает редко. Пути естественного отбора неисповедимы. «Нечего и думать о том, что естественный отбор шел на способности к высшей математике, – пишет известный генетик В. Эфроимсон, – но способность обучаться, опознавать, устанавливать причинные связи, прогнозировать, не только наблюдать, но и синтезировать, способность к абстрактному мышлению, способность укладывать огромную информацию в краткие закономерности действительно должна была создаваться естественным отбором».

Сам Капица предпочитал говорить о гениальной прозорливости, об интуиции. Гений действует интуитивно. Он не ищет брода, он его находит. Для Капицы много значил интуитивный дар ученого, способность решать проблемы, «не выявляя четкого логического построения». Ему самому был присущ этот таинственный дар интуиции. Чутье приходит из глубин подсознания, закономерности его неизвестны.

Капица столкнулся с этим у своего учителя Резерфорда: «Я обязан ему тем, что он смело поддерживал мои начинания молодого ученого... Он видел возможность их осуществления, когда большинство сомневалось». То есть Резерфорд видел то, что другие не видели. Видел. Или чувствовал.

Способность видеть невидимое другим Капица называет гениальной прозорливостью. Есть, однако, и другая возможность увидеть невидимое, то, что не назовешь прозорливостью. Ее легче показать на примерах.

В декабре 1968 года торжественно отмечался юбилей физико-технического института им. А. Ф. Иоффе. Заседание проходило в историческом зале Таврического дворца. Съехались ученые-физики со всей страны. Вступительную речь произнес президент Академии наук академик Келдыш. Затем один за другим поднимались на трибуну виднейшие ученые, директора институтов, представители разных организаций. В большинстве своем, несомненно, умные, конечно, знаменитые, хорошие ученые. Я взял стенограмму, возобновил в памяти их выступления. Видно, как каждый из них старался избежать унылого перечисления заслуг и достижений коллектива, иногда удавалось отойти от казенных шаблонов. Рассказывали о том, как Иоффе собирал коллектив института, забавные эпизоды институтского быта. Скука была терпимой. Беспомощные юбилейные вирши, прочитанные одним академиком, вызвали даже хихиканье в зале.

Однако речь, произнесенная Капицей, опрокинула всю юбилейщину. Вдруг обнаружилась удручающая разница интеллектов. Жанр юбилейных речей, утепленный, украшенный милым оживлением, был резко нарушен. Капица начал, казалось бы, с простейшей, очевидной вещи: «Если у института есть возраст, значит, он родился... Если что рождается, оно неизбежно должно умереть. Что такое 50 лет для научного института? Какому возрасту это соответствует? Это юность? Зрелость? Старость?.. Как определить возраст института?»

Естественный подход, в то же время непривычный, вызвал сразу оживление. Как, действительно, подойти к поставленной задаче? Это было в духе научной аудитории, и она с интересом стала следить за решением.

«После 50 лет проявляются склеротические явления. Когда учреждение начинает стареть, у него тоже должны развиваться аналогичные явления. У человека появляется ожорливость, у института тоже, он поглощает больше средств, чем может освоить. Старческое ожирение, то есть появляются клетки, которые не принимают участия в деятельности организма. В институте это кадры, которые не участвуют в работе».

«А если не в институте, а в других организациях?» – немедленно экстраполировала аудитория.

Между тем Капица продолжал развивать свои аналогии: «Следующий признак – старческая болтливость, институт начинает печатать одну работу за другой, не заботясь о том, нужны ли они; теряется способность к размножению, то есть не отпочковываются новые институты и лаборатории; научная работа перестает охватывать передовые направления в науке.

Основное средство борьбы со старостью – омоложение организма. Это значит брать

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
молодежь, иметь учеников, давать молодым задания. Старейшая академия, старики во главе институтов, стареющее Политбюро и правительство...»

Все, что говорилось применительно к Физтеху, опасно разлеталось далеко во все стороны. В президиуме морщились, потом принужденно похлопали, галерка же бурно аплодировала. Безобидное приветствие неожиданно предстало картиной глобальной. Слушатели обрели способ увидеть свой институт по-новому. Как бы метод определения старения. Шутливость методики не мешала ее дальности.

Взгляд на институт был своеобразный, с той точки, откуда никто не смотрел. Смещение небольшое, но картина стала иной. Капица заглянул сбоку, портрет оказался объемным. Никто этого не ожидал...

Второй пример. 1961 год. Академия наук отмечала 250-летие со дня рождения М. Ломоносова. Сколько круглых дат уже отмечала Россия в память своего корифея! На эту тему все было сказано и переговорено. И кем! Радищев и Пушкин, Чернышевский и Герцен, Вавилов и Ферсман. Горы книг, исследований, диссертаций о жизни и творчестве Ломоносова. Вряд ли можно было что-то новое сообщить о том, чья биография поколение за поколением изучается в школах. Образ Ломоносова давно устоялся. Тем не менее Капица согласился выступить с речью на сессии.

Он не работал в архивах, не просматривал труды историков, ему это не требовалось, ему было достаточно самых что ни есть общеизвестных фактов, все дело в том, как повернуть их, как их увидеть.

Основным своим призванием Ломоносов считал научные работы по физике и химии. Он ощущал себя прежде всего естествоиспытателем, подчеркивает Капица. То, что Ломоносов сделал, говорит о его гениальных способностях. «Действительно, он определил коэффициент расширения газов, показал, что на Венере должна быть атмосфера, выдвинул гипотезу о природе электрического заряда в облаках и, наконец, открыл и экспериментально доказал основной закон сохранения материи». Он должен был стать крупнейшим мировым ученым. Должен был, а не стал. Его открытия могли заметно подтолкнуть развитие познания. Могли, а не подтолкнули. Да, гений, да, опередил, но сделанное им не оказало никакого влияния на мировую науку. Почему? Может, потому, что работы его остались неизвестными. Опять же – почему?

Еще свежи в памяти были кампании борьбы с «преклонением перед Западом», репрессии, травля тех, кто покушался на «национальную гордость России», а тут чуть ли не полное ниспровержение кумира. Но Капица не принимал во внимание подобные соображения, тем более когда он подбирался к истине.

Итак, научная деятельность Ломоносова прошла бесследно для науки, хотя эти открытия могли и должны были оставить глубокий след. Многие авторы пытались доказать, что, мол, труды Ломоносова злостно замалчивались, Вавилов считал, что сам Ломоносов не заботился о распространении своих трудов. Капица увидел совершенно иную цепь обстоятельств.

Он обратил внимание на отсутствие у Ломоносова живых контактов, личного обмена мнениями, участия в дискуссиях. Ломоносов не имел возможности ездить за границу, включаться в коллективную работу ученых. «Ставши ученым, – говорит Капица, – Ломоносов ни разу не выезжал за границу».

С 1934 года, когда Капице запретили вернуться в свою лабораторию в Англии, он стал невыездным. Тридцать лет он пробыл отделенным от мировой науки. «Золотая клетка», которую ему предложило сталинское государство, очень скоро превратилась в железную.

Во-вторых, «для развития передовой науки необходимо, чтобы была передовая научная общественность, – это крупная задача, на которую мы не обращали внимания». Вот беда, которую Капица увидел в ломоносовской жизни. Начиная с 1960-х годов, он неоднократно указывает на эту задачу как на первостепенную. Знаменитые его семинары – «капичники» – как раз и создавали оазис «научной общественности».

В-третьих, царский двор использовал Ломоносова прежде всего как поэта, приспособляя его гений для сочинения хвалебных од, создания бесчисленных проектов иллюминаций и фейерверков.

В судьбе Ломоносова, своеобразной, уникальной, Капица увидел общее и показал, что, сколько бы гениев у нас ни рождалось, передовой науки не будет – для нее нужна здоровая научная общественность, причем связанная с международной общественностью.

Капица мог сравнить положение в нашей науке с тем, как было на Западе. Он пишет Сталину в 1937 (!) году: «С наукой у нас неблагополучно. Все обычные заверения, которые делаются публично, что у нас в Союзе науке лучше, чем где бы то ни было, – неправда... Что у нас с наукой плохо, я считаю, что могу говорить с уверенностью, так как работал долго в Англии и там мне жилось и работалось лучше, чем здесь».

Конечно, время от времени ему приходится прибегать к лести, причисляя Сталина к ученым: «У меня к Вам исключительное уважение, главное, как к большому и искусному борцу за новое...» (1944).

Капица не убоился конфликтовать с всемогущим Л. Берией и не раз обличать его в хамстве и невежестве: «...товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация)... Когда он меня привлекал к работе, он просто приказал своему секретарю вызвать меня к себе (когда Витте, министр финансов, привлекал Менделеева к работе в Палате мер и весов, он сам приехал к Дмитрию Ивановичу). 28 сентября я был у тов. Берия в кабинете; когда он решил, что пора кончать разговор, он сунул мне руку, говоря: „Ну, до свидания“. Ведь это не только мелочь, а знаки внешних проявлений уважения к человеку и ученому. Внешними проявлениями мы передаем друг другу мысли... [Выделено мною. – Д. Г.] Двигать вперед нашу технику, экономику, государственный строй могут только наука и ученые. Вы лично, как и Ленин, двигаете страну вперед как ученый и мыслитель...»

И еще раз в этом письме требует: «...Пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым».

Написано в 1945 году, в период всевластия Берии, расцвета его произвола, поощряемого Сталиным! Капица рисковал, рисковал жизнью, но рисковал не безрассудно, делал это с умом, достоинством. Присоединив Сталина к клану ученых, по праву своего научного авторитета, он переводил таким образом грубость Берии как бы в сторону всех людей науки.

Ссылка на Витте была как нельзя более уместна. Не царь ведь поехал к Менделееву, а первый его министр. Конечно, подобный пример для советских условий вроде бы не подходил. Самые наши великие ученые со времен Павлова и Вернадского вплоть до Сахарова и Лихачева не удаивались такой чести, их не навещали премьеры и не собираются навещать. И все же напоминание о Витте – Менделееву отнюдь не было наивным. Этот неожиданный взгляд на Берию, на тогдашних вождей напоминал, что они всего лишь чиновные временщики перед великими учеными России.

Анна Алексеевна, жена Капицы, рассказывала: «П. Л. был очень мудрый человек. Он всегда хотел, чтобы наши „старшие товарищи“ что-то знали, что-то понимали, вот почему у него такая громадная переписка со Сталиным – пятьдесят писем, очень вежливые, очень тактичные, даже льстивые. Потому что по-другому он не мог заставить такого человека читать эти письма. Он должен был заставить его не только получать их, но читать. И оказалось, что Сталин читал не только все письма, которые он получал. Однажды Маленков сказал Петру Леонидовичу: „Пишите Сталину, он читает все письма, которые вы ему пишете, и все письма, которые вы пишете мне“. Поэтому, как я говорила, Петру Леонидовичу приходилось гладить его всегда по шерстке. Когда вы имеете дело с тигром, диким зверем, то надо гладить его по шерстке».

Ничего подобного в истории сталинского режима не было ни с кем, ни с одним корреспондентом. Думается, благодаря своей, казалось бы, безответной переписке Капице удалось реализовать проблему кислородной и автогенной промышленности. Он сумел освободить от ареста Ландау и Фока, по сути, спасти их. И наконец, обезопасить собственную жизнь. Неизвестно, как обошлись бы с ним самим, не превратили бы его в английского шпиона? Хотя выступления против Берии, фактически борьба с ним повлекли за собой, по свидетельству Анны Алексеевны, снятие Капицы со всех должностей, слежку, прослушивание...

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Борьба Капицы с Берией уникальна в истории советской репрессивной системы. И то, что Капица уцелел в этой борьбе, продолжал у себя на даче заниматься экспериментальной наукой, это была победа духа над силой, интеллекта над властью.

Белинский писал о Ломоносове: «Гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба».

Благодаря П. Рубиннику издан объемный том переписки ученого. Из него видно, что, подобно Ломоносову, который должен был писать без конца прошения Шувалову, Разумовскому, Орловым и прочим фаворитам, Капице приходилось тратить силы, время на переписку с советскими вельможами – Молотовым, Маленковым, Булганиным. После Сталина он также настойчиво «просвещает» новых владык – Хрущева, Андропова, Брежнева. «Не тот ученый, кто делает ученые работы, а тот ученый, кто не может не делать научных работ», – написал однажды Капица. Эта формула отличает просто талант, который делает то, что может, от гения, который делает то, что должен, подвластен задаче, которую ставит себе его творчество, не в состоянии отказаться от нее.

Однажды ЦК партии принял решение сократить объемы научных журналов из-за нехватки бумаги. В том числе «Журнала экспериментальной и теоретической физики». Главным редактором был П. Капица. Он добился, чтобы его выслушали на секретариате ЦК. Выступление заняло одну минуту. Он сказал: «Представьте себе, что вы приходите в магазин купить сливочное масло. Пожалуйста, говорят вам, сколько угодно, только у нас нет бумаги, чтобы завернуть его...» Неожиданный взгляд на эту проблему подействовал безотказно.

Незадолго до ломоносовского юбилея он сказал Хрущеву, что проблема омоложения научных кадров состоит в том, что трудно брать на работу способную молодежь: «Михаила Ломоносова, поскольку у него не было прописки, нельзя было бы оставить в Москве». фраза эта пошла гулять по стране, Хрущев рассердился, но дело сдвинулось.

Анна Алексеевна справедливо замечает: «...как всегда, Петру Леонидовичу говорили: „Ну, вам все можно... Это же вы“. И не знали, какими трудами, какими страшными ударами получено это „все можно“, как он с этой судьбой сражался, как он не поддавался ей».

Однажды замечательный наш генетик В. Эфроимсон дал мне почитать рукопись своей большой работы «Загадка гениальности». Изучая наследственные болезни, Владимир Павлович на огромном материале устанавливал биохимические стимулы, которыми отличались гении. На выходе, в результате действия этих стимулов, появлялась фантастическая целеустремленность. Автор приводит такие примеры: Бетховен написал в своем завещании, что не может уйти из жизни, не совершив всего, к чему предназначен... Особый склад творческой энергии гениев лучше, четче всех выразил гениальный Гете: «И если в тебе нет этого „Умри, но стань!“ – то ты лишь скорбный гость на мрачной земле...»

К сожалению, рукопись Эфроимсона до сих пор полностью не издана.

Тема роли социальной среды, научной общественности настойчиво повторяется у Капицы. В докладе о Резерфорде он показывает, что коллективные усилия не могут заменить личность гения. Качество нельзя заменить количеством, армия ученых не может побеждать без полководца. Творец – всегда личность, а не коллектив. Но величие Резерфорда – в школе, созданной им. У Ломоносова школы не было.

Капица ставит вопрос, который давно занимает историков, – каким образом время от времени в искусстве, в науке возникает скопление гениев. Вспомним созвездие: Микеланджело, Боттичелли, Тициан, Леонардо, Рафаэль, Тинторетто. Или: Тургенев, Толстой, Достоевский, Некрасов, Фет, Тютчев. Или: Максвелл, Рэлей. Томсон, Резерфорд – великие ученые-физики, которые, как указывает Капица, один за другим руководили Кавендишевской лабораторией в Кембридже. Причину Капица видит в том, что в Англии в то время существовала культурная научная общественность, «правильно оценивающая и поддерживающая деятельность ученых».

В чем состоял гений Резерфорда? Изучив его работы, Капица считает, что Резерфорда нельзя отнести к ученым с большой эрудицией. Решающими качествами были – творческое воображение, смелость в построении гипотез, интуиция.

Талант, гений – это врожденная способность, тут ничего не поделаешь. Но, спрашивается, кто знает свои способности? Конечно, гений – это, как правило, внутренний призыв, настойчивое требование души. Молодой наш пианист Гиндин признается: «Я родился для того, чтобы стать пианистом». Наследственность, гены – все это счастливый случай, кости, брошенные судьбой. Эфроимсон, например, исследует как признак гениальности подагру, которой болели и Петр I, и Бетховен, и Тургенев и т. д. Вероятная связь выглядит весьма убедительно.

Вряд ли достаточно заболеть подагрой, чтобы стать Александром Македонским. Я готов согласиться со всеми определениями гения: терпение, упорство, целеустремленность – все так. Даровитых людей много, и тот из них, кто использует полностью потенцию своего интеллекта, достигнет многого. Но на одну особенность гениальных умов стоит обратить внимание. Это способность увидеть в обыденном удивительное, новое. В падающем яблоке – силу притяжения. В атомных весах элементов – стройную систему. Драгоценная способность повернуть магический кристалл так, чтобы мир предстал непривычным:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

Сдвинуть магический кристалл, освежить мир, посмотреть иначе на наши проблемы, увидеть невидимое. Такой способностью обладают многие люди, пользуются же ею – редко. Увидеть отстранение от самого себя, как увидел Капица судьбу Ломоносова. Для этого нужна еще и смелость.

Человек не может подбирать себе гены гения, но и того, что он получил от рождения, не использует. Боится перегрузки? Увы, никто не перегружает мозг. Желудок – да. Ни памяти не перегружает, ни доброты, ни воображения... Люди живут, не распознав отпущенных им дарований. Ум все больше уходит в наживу, корысть – одним надо побольше хапнуть, другим выжить, изловчиться, чтобы просуществовать. Радость творческой жизни становится редкостью, доступной немногим. Мы тратим себя бездарно и непоправимо. Мы вступили в период упущенных шедевров, открытий, свершенных не у нас, а то и вовсе не свершенных. Пустое время, сухой жар его бесчеловечен. Но, может, кто-то уже видит его по-другому?

1996

Русский интеллигент уходит

Шел вечер памяти Булата Окуджавы. Переполненный зал, щемяще трогательные гитары, лицо Булата время от времени возникает на экране. Он тихо подпевает, улыбается, грустит, смотрит на нас как бы оттуда. Кто-то позади меня всхлипывает. Я оборачиваюсь: две девушки, я вдруг вижу зал, у многих слезы. Это о чем? Сразу не скажешь. Слезы благодарности – за то прекрасное, что было, за чувство единства, что когда-то соединяло нас, тех, кого обозначили шестидесятниками? И тех, кто приходил позже. В совместном этом чувстве была доля печали; не по Булату, разлуку с ним оплакали, пережили, тут было иное – прощание со Временем, с такими, какими мы были. Мы были лучше, чем сейчас, но была горечь оттого, что с этим временем уходит нечто большее, куда важнее, чем наше Время.

Уходит интеллигенция. Знаменитая русская интеллигенция. Ощущение было подспудное и неотступное.

Путаная двухвековая история нашей интеллигенции, по-видимому, заканчивается. Примириться с этой мыслью нелегко. Ее можно оспаривать, и надо оспаривать, но процесс происходит у нас на глазах, и деваться от этого некуда.

Рожденная Петром, она уже в XIX веке стала не совпадать и ушла из царских дворцов. С тех пор несоответствие с властью стало ее приметой.

Русская интеллигенция появилась как принадлежность сперва самодержавия, а затем социалистической системы, опять-таки тоталитарного режима.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Каждая власть старалась ее использовать, все винили ее в разных грехах, списывали на нее свои ошибки, общие беды и долги. В смысле долга перед народом. Крест неоплатного долга сама интеллигенция взвалила на свои плечи еще до революции. Коммунисты превратили этот долг в ярмо: ученые в долгу, писатели в долгу, кино в долгу. Народ легко приучили к тому, что интеллигенты чуть ли не нахлебники, вечные должники.

Впрочем, и до революции интеллигенцию ругали. Добрейший А. П. Чехов, сам воплощенная интеллигентность, нещадно бранил интеллигенцию за рефлексию, безволие. Большевики – за оппозицию, критичность. Ленин не стеснялся называть интеллигенцию говном и положил начало репрессиям над ней. Он пытался начисто избавиться от нее, выслав на пароходе лучших ученых, историков, философов и прочих гуманитариев. Увы, на их месте появлялись новые несогласные таланты, интеллигенцию не удавалось полностью приручить.

Большинство судебных процессов, проходивших в советское время, были процессами над интеллигенцией, начиная с «Шахтинского дела» и процесса «Промпартии». Культурная, а затем и научная интеллигенция быстро разочаровалась в революции. Несмотря на преследования, советская интеллигенция постепенно обрела более или менее четкую функцию инакомыслия, неявной духовной оппозиции, прежде всего нравственной, функцию несогласия с насильственными методами насаждения казарменного социализма, партийной идеологии.

Она не могла смириться с «лысенковщиной». Она поддерживала запрещенную генетику. Отстаивала «буржуазную кибернетику». Она, как могла, защищала А. Д. Сахарова от преследований. Все время ощущалось ее скрытое несогласие.

С началом горбачевской перестройки интеллигенция первая пылко поддержала новую политику. Можно вспомнить энтузиазм выборов в народные депутаты в 1989 году. Кого выбирали? Ведь это поразительно, какое количество писателей, художников, кинорежиссеров, крупных ученых повсюду побеждало на выборах своих конкурентов – партийных функционеров. А как проходили съезды народных депутатов! На каком высоком интеллектуальном уровне проходило разрушение стереотипов коммунистического мышления. Какие проходили обсуждения, митинги, дискуссии, как встречали нас, депутатов, при выходе из Дворца съездов! Надежды воодушевляли самых равнодушных. Солнце демократии вставало у всех на виду, обещая эру открытого общества. Интеллигенцию уже никто не бранил, она шла в первых рядах, неся знамена, впрочем непонятно какого цвета. Цензуру отменили. Выезд за границу упростили. Жизнь освобождалась от запретов.

От тех надежд осталась свобода, но и разочарование. Мы поверили в который раз. И нас опять обманули. Ныне политики в интеллигенции более не нужны, им нужнее банкиры. Интеллигенция, зачем она, она мало дает и много просит, какая от нее польза? Интеллигенция потеряла свою функцию, она уже не идет впереди, поскольку не знает, куда идти, да и позади у нее никого уже не осталось. Все разбрелись по движениям, партиям. Устали от споров и разговоров.

Как писал Твардовский:

«Говоренье – труд любимый,
Шевеленье языка,
Теркин мимо,
Теркин мимо,
Вслед за Теркиным – тоска».

По телевидению передавали концерт Евгения Кисина в консерватории. Он прилетел из США в Москву. Уже взрослый. Последний раз мы видели его за роялем совсем мальчиком. Гениальный пианист. Почему он уехал? Не было никаких гонений, никто и ничего не мешало ему играть. Не было тех указок, которыми донимали в брежневские времена Тарковского и Барышникова, Шемякина и Неизвестного. Евгений Кисин, казалось, был свободен – хочешь, играй Моцарта, а можно и Шопена. Чего же ему не сиделось на Родине?

Уехал потому, что иначе забрали бы в армию. Всем служить, и ему. Никаких исключений. Можно представить, с каким удовольствием его гоняли бы мостить дорожки на даче очередного хапуги-генерала, копать ямы, ставить забор, узнал бы, что почем.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Мы лишились на многие годы радости слышать его игру. И он правильно сделал, что уехал. И правильно сделал Шнитке, что уехал, и Губайдулина, и Майя Плисецкая, и Артемьев, и десятки талантливых наших художников, музыкантов. Им давали понять, что не нужны. Помню, как на очередном съезде народных депутатов будущий первый секретарь Ленинградского обкома партии Гидаспов сказал с трибуны про композитора Щедрина с искренним недоумением: «Какой-то Щедрин». Понятия не имел, кто это такой.

Иногда тоска берет и злость, как же так – они уезжают. Вроде вместе страдали, боролись, а теперь, когда стало свободнее... Погнались за комфортом.

А потом начинаешь понимать – неспроста это. Комфорт не все объясняет. Выдающийся в мире физик-теоретик Александр Поляков уехал в штаты и обосновался там. Теоретику не нужны ни лаборатория, ни оборудование. Есть, однако, глубинные причины, не столь явные, те, что при свободном выезде стали все энергичнее работать против нас.

То, что было нашим бесспорным преимуществом, то, что было нашей привилегией перед всем миром, уходит. Я имею в виду напряженную духовную жизнь, ту, что кипела и оправдывала все, – и бедность, и обиды. Наши сборища, страстные обсуждения вечных проблем. Интеллигенция имела свой мир, свою систему общения, радость и потребность такого общения. У нас не было клубов английского типа, зато были кухни, где происходили вечерние ассамблеи, над которыми мы сами посмеивались. Интеллигент – этот субъект не поддавался точному определению, но тем не менее точно узнавался. Особенно хорошо распознавали это сословие партийные функционеры. У них интеллигент всегда был антиинтеллигент. Себя они никогда не относили к интеллигентам, понимая, что и их никто бы к ним не причислил. Существовал как бы невидимый знак, тайная печать сообщества, раздражающая всех непримечательных. У аристократов имелись хотя бы официальные звания – барон, граф, а эти – они и жили кое-как. И должностей не имели, ничего им не светило. Почему же они не такие, как все, что им надо?

«А если, говорит, вы такой чересчур интеллигентный человек, то представьте удостоверение, в силу чего вам полагается отдельная площадь» (М. Зощенко «Не все потеряно»).

Наша интеллигенция, столичная, провинциальная в особенности, поколение за поколением, несмотря ни на что, сохраняла нравственные понятия и чести, и милосердия, и добросовестного труда, и порядочности, и, наконец, честности. Духовные ее заслуги перед историей бесспорны. Оппозиция, пусть внутренняя, существовала все годы, люди поддерживали друг друга в своем тайном сопротивлении. Интеллигенция не совпадала с властью – в этом была ее сила.

Зато с ней обращались без стеснений, порой мстительно. Гоняли на овощные базы перебирать гнилые овощи, на колхозные поля, на стройки, заставляя всех этих доцентов, исследователей заниматься черной работой. Годы застоя были и временами романтичными – стоит вспомнить, как читался, как распространялся самиздат, как мы передавали друг другу стопки машинописи на папиросной бумаге, плохо пропечатанные, со стихами Цветаевой, Бродского, романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», чьи-то статьи, рассказы.

Я вспоминаю об этом, получив недавно трогательный подарок – ветхий экземпляр моей повести «Наш комбат», тайно распечатанной в те годы. Тоже блуждала, передавалась из рук в руки.

Ныне функции интеллигенции кончаются – и позиции, ни оппозиции, и она начинает таять, растекаться, расходиться в разные стороны. Тысячи, десятки тысяч уехали за границу. Многие уходят в бизнес, в торговлю, в транспорт, в «челноки», другие – люмпенизировались, пребывают в растерянности, не умея приспособиться к новой жизни. Речь не идет о людях пенсионного возраста, усталостью поражено среднее поколение – инженеры, научные работники, преподаватели. Престиж образованных людей, ученых-естественников, да и гуманитариев, упал. Элитой стали другие люди. Это и пресловутые «новые русские», и чиновничество. Культ денег вышел на первое место, а вместе с ним и людей, умеющих их делать.

Может, такова историческая неизбежность преобразований? Когда-то с исторической сцены удалилось боярство, ушли дворянство и аристократия. Это были слои, много значившие в общественной жизни. Они ушли вместе со своим социумом, и ушли

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
безвозвратно. Что если также безвозвратно уходит со сцены славная русская интеллигенция? Что если нам предстоит то же, что имеет общество развитого капитализма в других странах, где нет интеллигенции, вместо них интеллектуалы. Совершенно иное качество. «Интеллектуал» – понятие сугубо личностное, не социальное. Интеллектуал – мыслитель, философ, социолог – это почти профессия. Как шутил Эйзенхауэр – «он пользуется большим числом слов, чем нужно, чтобы сообщить собеседнику больше, чем ему самому известно».

«Интеллигенция» – понятие социальное. Научная интеллигенция, начиная с 1960-х годов, когда физика, затем биология стали важнейшими условиями выживания страны и ее обороноспособности, стала для власти важнее чиновников и даже военных. С ними заигрывали, их лелеяли, им многое дозволялось. Физики в те годы сумели защитить нашу биологию от возврата «лысенковщины», да и от прочих лженаучных теорий. Своеобразие существования интеллигенции в Советском Союзе состояло в том, что режим автократии вырождался. Страна получала все больше свобод. Диссиденты подвергались репрессиям, но интеллигенция в массе своей могла группироваться вокруг журнала «Новый мир», выступать в «Литературной газете», устанавливать контакты, с Западом. Прорывы происходили не только в литературе, они происходили в кино, в музыке. Достаточно вспомнить Тринадцатую симфонию Шостаковича, песни Высоцкого, Окуджавы, Галича. Расширение вселенской свободы происходило неудержимо.

Интеллигенция много сумела сделать для очищения мозгов. В этом ее бесспорная заслуга, и потому так остро и болезненно воспринимается потеря ее места в нашей жизни. Тают все быстрее тиражи литературно-художественных журналов, этих традиционных очагов нашей культуры. Коммерческий азарт поглощает дома творчества, творческие клубы, померкла деятельность творческих союзов, они раскололись, они мало что значат и для писателей, и для художников, и для кинороботников. Есть много грустных примет. Как будет складываться жизнь нашего общества в ближайшие годы, не берусь предугадать, но думаю, надо иметь мужество трезво оценить происходящий процесс.

Есть люди, которые считают, что интеллигенция изжила себя и может удалиться со сцены. Как после нереста гибнут лососи, исполнив свое назначение. Такова, мол, историческая неизбежность. Я же плохо представляю себе Россию без интеллигенции. Без той культурной нравственной среды, где выросли мои дети и внуки.

Тем не менее факт, что среда эта пока что редет. И быстро. Исследовательские институты опустели. Научных работников я встречал в автопарках, рабочими на пивном заводе, монтерами в аэропорту.

Доктор наук, известный энергетик, который построил себе миллиардный особняк, сейчас находится под следствием. Адвокат, который защищал диссидентов, обслуживает мафиозную группировку.

Интеллигенция как социальное явление, как общественная сила может исчезнуть. Разумеется, это не значит, что исчезнут интеллигенты. Нина Сергеевна Бескровная возродила полуразрушенный мемориал музея Ярошенко в Кисловодске, сделала там культурный центр. Ее подвижность, ее личная интеллигентность никуда не денутся. Валентина Васильевна Томилина, выйдя на пенсию, с 1991 года занята тем, что организует в Петербурге бесплатные обеды для пожилых людей своего района. Бог знает каким образом в наше жесткое время ей удастся добывать спонсоров. Обед сопровождается концертом. Могу засвидетельствовать высокое качество и обеда, и концерта, главное же в нем – атмосфера доброты, уважения, того, чего так не хватает нуждающимся старым людям. Зачем она занимается этим? Она сказала мне: «Я не хочу, как опавший лист, валяться под ногами, я хочу быть».

Мощный слой научной интеллигенции истощал. Государство наше нерасчетливо лишилось бесценных специалистов, вместе с ними уходит накопленная культура отношений, моральных требований. Процесс распада был ускорен насильственно. Власть считала, что образованных людей у нас избыток, нужно будет – наготовим новых специалистов в любом количестве. Но университеты и даже академии интеллигентов не готовят. Интеллигент лучше всего растет в семье, во втором, в третьем поколении.

Традиции русской интеллигенции наращивали Радищев, Рылеев, Тургенев, Толстой, Чехов. Никто из них никогда не служил опорой власти. Менялась политика, менялись правители, но интеллигенция всегда знала, за что ей бороться. После революции

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
она опять оказалась несогласной, она сразу же выступила в защиту человечности – Короленко и Горький, Иван Петрович Павлов и Вернадский, так и шло вплоть до Капицы и Сахарова. Великие эти люди не были одиночки. Идущие за ними видели, что при любых режимах можно исполнять свой долг. Есть ли интеллигенция, не стало ли ее, все равно интеллигентность как качество личности будет существовать.

Что должно заменить эти душевные связи, общение, циркуляцию мысли? Чем будет питаться душа, не купюрами же? Что нас ждет – сытое одиночество, новые каналы телепрограмм, снижение цен на квартиры, что там еще обещано?

Мне говорят: интеллигенция уходит в бизнес – так это прекрасно, наш капитализм не будет таким диким, наша интеллигенция способна облагородить капитализм, разве это не светлое будущее?

Мне говорят: наша интеллигенция уезжает на Запад, и отлично, она быстрее обогатит мировую науку, современная наука едина. Где живет ученый сегодня, не так важно, если он «в Интернете».

Мне говорят: обществу сегодня нужно прагматичное мышление. Гуманистические идеалы уступают место технологичным устремлениям.

Все они правы, и от этого диагноз выглядит безнадежным.

Возможно, я преувеличиваю. Дай-то Бог. Но я вижу, как люди преображаются, уезжают, становятся чужими, меняются их интересы. Боюсь, что проблема существования нашей интеллигенции все же есть, но есть ли сама интеллигенция?

1997

Требуется будущее

На излете перестройки я беседовал с Даниилом Граниным. Речь шла о тревожных симптомах тех времен: стремительно падал престиж науки и ученых. В герои выходили рыцари первоначального накопления, удачливые добытчики новых миллионных состояний буквально из ничего, а также киллеры и путаны. И вообще, говоря его же словами (он при этом ссылаясь на Фромма): модус обладания начинал подавлять модус бытия. Что, как он считал, смертельно для науки, культуры, духовности общества. Это было ровно десять лет назад. День в день...

– Даниил Александрович! Прошло десять лет. И как сейчас у нас с модусом бытия и модусом обладания?

– То, что после известных социальных катаклизмов люди буквально рванулись в частную жизнь, естественно. Ведь в советском бытии общественные и государственные приоритеты, интересы коллектива отодвигали ее на вторые, третьи места, а то и подальше. Этот порыв совпал с совершенно новым, непривычным в предыдущие десятилетия местом денег. И в жизни общества, и в жизни отдельного человека.

В советские времена деньги мало что значили. Были другие вещи, заменявшие их, – власть, привилегии, должности, знакомства, блат. На деньги мало что можно было купить. Трагедия Остапа Бендера была неизбежна и символична. Сегодня «Золотой теленок» читается совершенно иначе. Стремление Остапа приобрести миллион, не заработав его, – нормальное состояние многих, если не большинства наших людей.

Мы все подверглись некоей бендеризации. И это чересчур. То, что мы когда-то осуждали в капиталистическом мире, – культ денег, власть «золотого тельца» – настигло и нас. Причем в яростном виде. Наш переход к нормальным общечеловеческим ценностям проходит болезненно, с теми пережестами, которые всегда были характерны для России, но еще и с переборами, характерными для раннего, бесчеловечного капитализма, от которого весь мир уже удалился на два-три века.

Большая часть этих проблем, невзгод, несправедливости досталась культуре и науке. Несмотря на то, что советское общество было устроено антиисторично, его

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
наука развивалась довольно эффективно. И – хотя, может быть, это и идет вразрез с нынешними стереотипами – культура тоже. Рискну даже сказать, что у нас был золотой период искусства. Он ведь во многом определяется его вершинными достижениями. Но разве не вершины Шостакович, Прокофьев, Свиридов, Дунаевский, Соловьев-Седой, другие замечательные авторы советской песни? Писатели – Зощенко, Пришвин, Платонов, Паустовский, Каверин, Катаев, Шолохов, Булгаков, Ахматова, Твардовский, Ольга Берггольц, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Левитанский, Межиров... Кино – Довженко, Козинцев, Трауберг, Хейфиц. Театр вообще золотой – Товстоногов, Эфрос, Ефремов, Любимов...

– Акимов, Рубен Симонов, Гончаров...

– Да, я считаю – все это имена золотого периода культуры. И между тем это тоталитарный режим. Как тут связать концы с концами? Каково взаимодействие между тоталитарным режимом и такого рода расцветом (ставьте его в кавычки или без кавычек, как вам угодно будет)? Тут есть глубокие, мало еще нами обдуманые, осознанные причины.

Идеологи тоталитарного общества немало сил прилагали, чтобы представить культуру и науку визитной карточкой, парадным фасадом, знаменем этого общества. И наука, культура действительно стали играть роль знамени, что вообще-то им несвойственно. Но, по природе своей призванные служить истине, они – непредсказуемо для тех, кто пытался наделять их идеологическими, пропагандистскими функциями, – нередко объективно становились как раз знаменем борьбы против лжи, казарменного, принудительного оптимизма, идеологического оболванивания.

Возьмите военную поэзию и прозу. Да, многое корежилось цензурой, было под запретом, ждало лучших времен в писательских столах. Но и в том, что печаталось, – сколько горькой правды! И «Спутники» Веры Пановой, и «Василий Теркин», «Дом у дороги» Александра Твардовского – это честные книги, пусть даже в них не вся правда о войне. «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова – безупречная правда. А ведь получили эти произведения Сталинские премии!

Конечно, надо трезво понимать, что кто-то получал Сталинские премии, но кто-то – лагеря, ссылки; что и культура, наука находились под гнетом репрессий; что генетика в конечном итоге была замучена лысенковщиной и идеологическим террором. Но надо помнить и то, что в 1920-е и даже 1930-е годы будущие лауреаты Нобелевской премии – генетики приезжали в СССР учиться у Николая Вавилова.

Ну а как сейчас? Сейчас уже едут не к нам, а от нас. То, как обращаются у нас с наукой и культурой в течение последних 10–12 лет, постыдно. Это правление привело, по сути, к изгнанию из страны огромной части творческой, талантливой, наиболее активной части интеллигенции – ученых, музыкантов, художников. Их буквально выталкивали – и материальными невзгодами, и отношением со стороны государства по остаточному принципу.

Мы до сих пор не хотим, боимся опубликовать данные, сколько же ученых, деятелей культуры покинули страну за последние десять лет. А это ведь тысячи, если не десятки тысяч.

А почему? Почему в самых фирменных вузах Петербурга – Политехническом, Электротехническом – профессор получает в десять раз меньше, чем какая-нибудь девица, у которой главная заслуга – ее бюст и которая сидит секретаршей в частном офисе или в канцелярии мэрии, приемной депутата? Ее зарплата начинается с 300 долларов, практически же она имеет все 500. А квалифицированнейший научный работник, стыдно сказать, – 50. Но, собственно, почему стыдно? То есть почему стыдно мне, а не нашей власти?

Может, потому, что у нас произошло совершенно недопустимое перераспределение престижа, приоритетов и ценностей. Вузовский диплом теперь можно купить в любом подземном переходе. Можно стать академиком, многие академии торгуют своим членством. Я уж не говорю о той открытой системе взяток и поборов, которые почти легализованы для поступления в университеты. Общество смирилось с этим, хотя речь идет о далеко не безобидной вещи: мы лишаем талантливых ребят возможности получить высшее образование, особенно из провинции, у которых призвание есть, но нет денег.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вот так обстоит дело с модусом бытия и модусом обладания...

– Мне дорог у вас рассказ «Наш комбат». В нем – личный моральный счет человека к самому себе без скидок на исторические и всякие прочие, не зависящие от него обстоятельства. Ну а наш с Вами современник, ответствен ли он лично за все, что случилось и еще случится со страной, или это все уже предопределено без нас с Вами?

– Проблема личной гражданской ответственности сегодня похожа на чесотку. Жизнь политизирована до предела. Хочется как-то вмешаться, исправить, повлиять на то, что делается в стране, а возможности нет. По сути, появляется она только в предвыборных кампаниях и на выборах. Раз в четыре года. И отсюда разочарование, пассивность, усталость людей. Понимание того, что от моей личной общественной активности ничего не зависит. Я вам больше скажу: связано это с тем, что у нас нет ясной цели, ясного будущего. Мы никак не хотим смириться с фактом: наше общество уже идет по капиталистической дороге. И утешаем себя какой-то особой миссией России, особым ее путем. Что это за путь, куда он ведет, никто толком не знает. Идея жизни сузилась до собственного кармана. Мы еле удерживаемся, чтобы не зарости шерстью, не рычать.

– Но что это за капиталистический путь, который выбрали нынешние российские власти, тоже ведь толком никто не знает. Та капиталистическая догма, которая сегодня навязывается России, она какая-то из XVII–XVIII веков, из периода первоначального накопления, а не из мировых реалий XXI века, не из опыта стран, где социальные проблемы, пусть с трудом, но все-таки решаются.

– И там внутренние конфликты есть. Но там, в Германии или Швеции например, есть ориентиры, нацеленность на улучшение жизни всего общества. При советской системе мы терпели коммунальные квартиры, карточное и талонное распределение, даже репрессии терпели во имя так называемого светлого будущего. То есть была пусть иллюзорная, но программа жизни. Сегодня такой программы не видно. Нет будущего. Требуется будущее! Но его поисками пока никто серьезно не занимается. Иметь идею будущего – значит понимать смысл исторической жизни.

Когда мы говорим о роли личности в истории, то имеем в виду всегда руководителей, вождей. Но какова при этом роль простого, рядового человека – главной в истории личности? И не когда-нибудь, а именно сегодня?

– У Вас есть ответ?

– Вы ко мне обращаетесь не по адресу, я не политолог, не философ.

– Я обращаюсь к Вам как к главной личности в истории – просто человеку.

– Я писатель, и мое дело – ставить диагнозы, а не давать рецепты. Я реагирую на боль.

– Даниил Александрович! XX столетие было в отечественной науке веком энциклопедистов. И вот уходят последние из них. Ушел Дмитрий Лихачев. Ушел Никита Моисеев. Ушел Борис Раушенбах. Дальше – пустота. Ощущение, точно переданное Анной Ахматовой: «Кто знает, как пусто небо на месте упавшей башни...» Страшно за будущее. Или – ничего страшного? Все нормально? Просто минуло тысячелетие энциклопедистов и наступает век Интернета?

– Вопрос трудный. Может, не пустота, а пауза. Гении «любят» появляться пачками или пучками.

Но вот что важно. Названные Вами ученые – все это личности с огромным моральным, нравственным авторитетом. Достижения Дмитрия Сергеевича Лихачева как текстолога или знатока древнерусской литературы для большинства людей мало ведомы. Он известен прежде всего как крупный ученый, который своей жизнью, своей непримиримостью в защите культуры заслужил огромный авторитет в народе. То же самое относится к Сахарову, Тамму, Моисееву, Раушенбаху. Есть ли сегодня место таким личностям?

Вы говорите: стало пусто. Ощущение пустоты – хорошее ощущение. Если общество осознает, что ему не хватает нравственных авторитетов, иными словами – святых, они рано или поздно появятся. Однако вопрос в том, нуждаемся ли мы в святых

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
сегодня? Хотим ли мы их иметь?

– А на каких уровнях эта потребность должна чувствоваться: у власти, у интеллигенции, в народе?

– Меня меньше всего интересует власть. Нынешних руководителей нашего общества, как и предыдущих, мало заботит судьба науки, культуры, нравственных авторитетов. Они сами для себя авторитеты. Власть не любит культуру. Не любит! Не видит в ней практической выгоды. Это раньше, во времена Возрождения, допустим, Папа Римский был счастлив и горд, что у него работали Рафаэль, Микеланджело. А сейчас...

– Но знаки внимания к деятелям культуры, науки и наши вожди обозначают.

– Лучше бы эти знаки внимания оставляли след в государственном бюджете!

– Когда-то мы со спокойным удовлетворением как должное воспринимали тот факт, что один за другим нобелевскими лауреатами становились наши соотечественники. А сегодня как национальный праздник, как подарок судьбы отметили Нобелевскую премию Жореса Алферова, для России единственную в области науки за последние 22 года. Что же с нами происходит? Мы настолько погрязли в катастрофах, дефолтах, заказных убийствах, что безмерно радуемся каждому лучику света в нынешнем темном царстве?

– Что ж, прежде всего «подарок судьбы» пал на личность, чрезвычайно того достойную. Это ведь не только свидетельство мирового уровня научных работ Жореса Ивановича. Мы, петербуржцы, свидетели того, как на протяжении последних лет он с отчаянным мужеством вытаскивал из тяжелейшего положения научную жемчужину России – Физтех имени Абрама Федоровича Иоффе.

Что же касается «национального праздника», так ведь наука для нас, для России, всегда была очень важной составляющей нашего самоощущения в мире. Россия со времен Ломоносова стремилась стать соучастницей мировой науки. И то, что нам удалось это сделать с конца XIX по конец XX века, вызывало, естественно, гордость за свою страну, свой народ. Ощущение нобелевской награды Алферова нашими людьми как своего праздника – из этого ряда.

– Академик Лихачев до конца отстаивал Декларацию прав культуры, считал ее даже важнее Декларации прав человека, ибо, по его мнению, без культуры не будет и прав человека. Не декларативна ли сама эта позиция?

– Дмитрий Сергеевич был очень дальновиден, когда придавал Декларации прав культуры такое решающее значение. Соединение народов, совершенно разных по религиозным, политическим, ментальным состояниям людей – сегодня важнейшая проблема. Ни религиозным конфессиям, ни политическим идеологам пока этого не удается. Коммуникативные средства в современном мире таковы, что пока лишь культура, искусство помогают людям находить общий язык.

Такие объединительные феномены, как, допустим, Интернет, – это всего лишь технология. Эти железки еще надо чем-то наполнить. И вот культура – то, что может наполнить Интернет высоким смыслом.

– Дано ли человеку прожить больше лет, чем ему отпущено судьбой, природой, генетикой, болезнями, если он способен в воображении, но почти физически осязаемо погружаться в действительность прошлых веков, проживая жизни людей этих веков? Как это, например, удалось одному из героев Вашего нового романа «Вечера с Петром Великим»?

– В какой-то мере я пытался коснуться этой проблемы, когда Интернета еще и не было, – в «Этой странной жизни», про биолога Любищева. Мне кажется, он прожил несколько жизней не только за счет того плотного распорядка, – того умения бережно обращаться со временем, которое он выработал. Но и за счет того, главным образом, что выработал для себя программу жизни. И это была программа высокой духовности. Ведь чем измеряется жизнь? Не прожитыми годами. Не количеством научных работ или написанных книг, сыгранных ролей, построенных домов. Интенсивность душевной, духовной работы («душа обязана трудиться...») – вот чем измеряется пространство, объем человеческой жизни.

Мы занимаемся космосом, историей, археологией, множеством интересных наук. Но

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
очень мало занимаемся изучением духовной жизни человека. Как рождается мысль, как рождается слово? Что такое душа? Существует ли предчувствие? Что, например, такое античный человек по сравнению с современным? Почему в маленькой Древней Греции, в Элладе, были такая интенсивная духовная жизнь и такая замечательная наука, а потом наступали века застоя, темноты?

Мы занимаемся другими мирами, а этот мир – душа человеческая – как она развивается, как работает, что производит? Только ли страдания? Совесть, мысль, сердце (в смысле сердечность, любовь), вся сердцевина человеческой природы – она для нас по-прежнему terra incognita.

– В беседе десятилетней давности я спросил Вас: не отрекаетесь ли Вы от себя самого, каким были, уйдя в сорок первом добровольцем на фронт? Вы тогда ответили: «Я лично не могу так вот запросто отречься от того мальчишки – себя самого, который зимой сорок второго на Ленинградском фронте вступал в партию. Хотя мы с ним – абсолютно разные люди, на многое смотрим противоположно. Но осудить, начать жить „с чистого листа“ – совесть не позволяет». Прошедшие десять лет стали для многих испытанием их жизненных взглядов, временем переосмыслений, прозрений, отречений. Как бы Вы ответили на тот же вопрос сегодня?

– Да, я не отрекаюсь от себя самого в сорок первом. Но тут все несколько сложнее. Мы разные люди с ним, хотя я сегодняшней и я вчерашней – это один и тот же человек в разные годы своей жизни. Стоим на разных позициях и не смогли бы друг с другом сговориться. Мне не хотелось бы сегодня встретиться с собой двадцатилетним, даже с тридцатилетним. Это свидание было бы и для него, и для меня очень тяжелым и печальным. Он увидел бы, во что я превратился, а я увидел бы: «Боже, каким я был!» Но все же что-то, например, этот порыв пойти добровольцем в армию или то, как я вел себя на войне, меня и поныне радует.

– А в героях ранних своих книг, в людях, «идущих на грозу», Вы не разочаровались?

– В моих нынешних взглядах на науку и людей науки гораздо больше скепсиса, чем во времена написания «Иду на грозу». Но, к своему писательскому счастью, я не чувствую стыда за этих героев. Ни за Андрея Лобанова, ни за Тулина, Сергея Крылова, ни за героя повести «Однофамилец», не говоря уже о персонажах более поздних книг – «Зубр», «Картина».

На протяжении всей жизни я встречал и до сих пор встречаю людей, работающих в науке, которые помнят первые мои книги. И даже говорят, что их привлекали в них романтика и поэзия научного поиска, новаторства, что это помогло им сделать свой выбор, найти себя и свое место в жизни.

Конечно, если бы я писал эти книги сегодня, то писал бы по-другому. Хотя и не уверен, что получилось бы лучше. Но исправлять прошлое даже в своих книгах считаю ненужным.

– Как у Пушкина...

– Да, «но строк печальных не смываю».

Беседу вел К. Смирнов
2001

Кризис власти – это кризис доверия

(Тактика выжженной души)

Идея сегодняшней встречи возникла в частном разговоре у нас с Александром Сергеевичем Запесоцким. Я подумал о том, что, в сущности, в течение последнего времени, когда происходили события, которые затрагивают каждого из нас, никто с нами не говорил, никто. Никто нам ничего не хотел объяснить, не хотел рассказать. И вот это ощущение – что мы лишние, что с нами никто не считается, –

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
ощущение недоговоренности родило мысль: а может быть, нам собраться и поговорить друг с другом, хотя это, возможно, не совсем то.

Я не берусь судить о состоянии экономики, финансов, политики. Я могу лишь говорить о состоянии души, то есть о душевном состоянии людей сегодня. Оно ныне, в октябре 1998 года, видится мне выжженной почвой. Когда-то здесь расцветали надежды, пробивались ростки нового поколения молодых предпринимателей, преобразователей российской жизни; сейчас здесь уголь, зола, обугленные корни. На этой земле ничего не растет и еще долго расти не будет. Как писал один журналист: «Общество погрузилось в уныние, создать возвышенное невозможно». Действительно, мы видим, что живые клетки выгорели. Сознать, что иллюзии погасли, может, и полезно, но жить с таким сознанием мы нынче не умеем. Жить, понимая, что так до конца нам не увидеть нового состояния российской жизни, российского порядка, нестяжательства, что все годы уйдут на малую работу, на вызволение из нищенской нашей жизни, что ни мы, ни дети наши не получат страны с человеческим лицом (а так и будет, перед нами харя хапуги), и лица этого человеческого, в сущности, еще никто и не видел. Как оно выглядит, что за черты у него, мы не знаем.

Ныне никто уже больше не настаивает на том оптимизме, который сопровождал нас в последние годы, неоткуда его брать. Нет, не стало позитивных идей. Да, еще существует какой-то минимум свобод, минимум демократии, существуют условия для предпринимательства, для гласности, мы можем еще что-то делать. Но все-таки мы должны знать и понимать, что же сейчас получили в результате кризиса. Мы потеряли всякое доверие, тотальное недоверие получили. Мы получили серию обманов, которые закончились общим государственным грабежом. Нас ограбила компания, где странно соединились банки, правительство, Дума, администрация Президента. Все они в какой-то мере участники того обмана, который произошел. Все они пока что сделали это безнаказанно. Вот это ощущение безнаказанности, ощущение всеобщего обмана в какой-то мере порождает нравственную катастрофу, которая постигла все слои населения.

Мы больше не верим никому. Обман и грабеж утверждаются для каждого гражданина ежедневно ценами на все товары и услуги, всем нашим бытом. И не осталось, если окинуть взглядом, почти никого из лидеров, кому персонально можно было бы верить. Может быть, поэтому не случайно никто не смеет выступить перед народом. За эти месяцы никто не обратился к людям с честным рассказом о том, что же произошло, никто не покался, никто не признался в своих ошибках. Правительство сменилось, всюду новые лица, всюду какая-то обстановка непричастности к событиям, и тем более растет и укрепляется недоверие в душах людей. Это неверие губительно для властей, но, возможно, оно имеет и нечто положительное, потому что оно вытравляет нашу глупую веру в то, что явится кто-то и все исправит, все решит. Не будет этого.

Мы потихоньку, рыдая и проклиная, ожесточаясь, начинаем искать в себе силы: никто мне не поможет, я должен сам извернуться, что-то придумать, сделать, найти, и государство это, похоже, обо мне думать не будет, оно обманывало и будет обманывать меня. Недавно я смотрел по телевидению пресс-клуб, на котором выступали вроде бы ведущие наши экономисты: Глазьев, Лацис и др. В течение полутора часов они не разбирали вопроса о том, кто виноват и что же случилось, они говорили (это было условие их разговора) о том, что можно предпринять, что надо сделать. И интересно, как противоречивы были их высказывания, как один опровергал другого. Вывод, к которому они пришли в результате этого разговора, был следующим: нам нужны власть и правительство без воров. Вот такое детское, наивное окончание этого разговора. Если разобраться, может быть, в этом и есть что-то коренное и существенное. В таком признании есть необходимость нравственных реформ нашей жизни, обновления нашего сознания.

Мы привыкли жить на каком-то принудительном оптимизме, питаться обещаниями и ложью (и не только старшее поколение, это продолжается и по сей день). Оголтелая демагогия и совершенно невозможные, неслыханные обещания сопровождают все выборы последних лет. Сегодня, чтобы стать депутатом, например, Законодательного собрания Петербурга, как мне объяснили, необходимо иметь примерно 200–300 тысяч долларов, чтобы раскрутить эту избирательную кампанию. Что значит «раскрутить»? Это значит подкупать, обещать и завлекать.

Одно из последствий нынешнего кризиса видится мне в том, что все поняли, насколько мы беззащитны. У обывателя нет ни общественных движений, ни механизмов

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
защиты. Правительство поступает безнаказанно: подкупив Думу, можно ни о чем не беспокоиться. Никто не взялся проверить, правильным ли было решение, связанное с тем обвалом рубля, который произошел, не было ли другого выхода, никто не посмотрел, никто не охраняет интересы миллионов вкладчиков до сих пор.

Есть еще одно последствие: мы увидели, что депутаты во время кризиса страховали прежде всего свое собственное благополучие. Мне недавно признался один из идущих наверх деятелей: «Да, я иду наверх, я тоже стесняться не буду. Наверняка я там долго не продержусь, надо успеть обеспечить семью. А что касается совести, она меня не тревожит, потому что государство обворовывало меня всю жизнь». Это довольно широко принятое признание, и с этим, именно с этим убеждением идут во власть многие люди. Откуда такая массовая непорядочность, такая повальная потеря гражданского чувства и гражданского стыда? Возможно, это следствие идеологического кризиса, но может быть и скорее всего это еще следствие отсутствия у нас частной собственности.

Дмитрий Сергеевич Лихачев совершенно точно считает важнейшим упущением ельцинского правления то, что оно не сумело провести земельную реформу, нет частной собственности на землю. Совершенно невыносимо видеть, когда едешь по России, эти запущенные земли, эти умирающие деревни, эту дичающую и уже одичавшую землю и поля.

И еще одна важная особенность есть, которую я хотел бы упомянуть. Акция протеста, которая была 7 октября, показала, по-моему, глубочайшую усталость нашего народа, людей, у которых главное чувство сейчас – безразличие ко всему, ко всем призывам, ко всем лозунгам. Я не имею в виду тех людей, которые вышли на улицу, я имею в виду тех людей, которые не вышли на улицу. Безразличие есть начало отчаяния. И сами призывы людей, которые вышли на улицу, отражают растерянность. Что такое «Ельцина в отставку!»? Ну хорошо, допустим, он сегодня уйдет в отставку. И что дальше? Дальше новая свалка, толкучка в борьбе за власть. Что может решить фигура нового президента, если нет никакой альтернативной программы? Мы потеряли ориентиры, и такое ощущение, что не знаем, как дальше жить, сидим и ждем, не появится ли что-то. У нас вообще отсутствует альтернативное мышление, мы мыслим однолинейно. Недавно в «Общей газете» было интересное выступление Юрия Николаевича Афанасьева о том, как мы избегаем видеть в истории многовариантность, как мы загородили свою мысль мифами. Мы не сумели использовать свободу для того, чтобы начать свободно мыслить, чтобы увидеть себя и понять, что мы уже не великая держава, что у нас нет особой миссии и нет особого пути, что мы должны выйти на общечеловеческий путь. Мы ничем не лучше других, а может быть, даже и хуже, потому что в головах у нас слишком много мусора, много холопства и много страхов. Посмотрите, как мы живем, наш народ – это почти больной народ, народ, страдающий туберкулезом, наркоманией, пьянством, курением. Посмотрите на деревни Новгородчины, Псковской области, Карелии, на эти гнилые покосившиеся заборы, на эти избушки, которые как стояли 200 лет назад, так и стоят до сих пор. Я слушал по телевидению выступления Кириенко, Черномырдина, Зюганова – и впечатление у меня было такое же, как от покосившихся гнилых заборов. Те же невозможность и нежелание власть имущих честно поговорить с народом, признать свои ошибки, поделиться своими сомнениями, попытаться понять, где же мы находимся, на каком участке исторической нашей жизни.

Да, это почти поголовное отсутствие совести относится не только к нашему правительству, но и ко всем нам.

Я был недавно в Ивангороде и Нарве. Два города, которые стоят рядом, разделенные только рекой. Какая разница в уровне жизни! Какие в одном грязь и запустение, в другом чистота, трудолюбие, желание и возможность, оказывается, жить по-другому, по-новому. Эти города, которые имеют в общем абсолютно равные условия. Я был еще в двух соседних городах: в финском городе Иматре и в Светогорске. Начальник администрации Светогорска дал мне ключ от туалета, потому что общим туалетом в этом учреждении пользоваться было нельзя. Проблемы нашего бытия, нашей культуры, может быть, начинаются с нужника, с сортира. О каком превосходстве нашей духовной жизни может идти речь, если мы не в состоянии иметь чистые сортиры?

Мне хочется быть оптимистом, но бывают времена, когда надо иметь мужество признавать поражение и свое банкротство. Время самообманов, по-моему, кончилось. Я думаю, что мы должны пережить отчаяние, чтобы начать искать разумный выход. И надо понять всю тщетность и пагубность наших прежних надежд. Извините, если я слишком заострил свое выступление, но мне очень хотелось вызвать вас всех на

1998

Освобождение от культа власти – благодетельное чувство

Как вы понимаете, у меня нет подготовленного итогового текста. Подводить итоги нашему Конгрессу – дело чрезвычайно трудное и неблагодарное. Я могу лишь отметить следующее: уровень выступлений, которые я старался внимательно прослушивать, по сравнению с прошлым конгрессом стал, по-моему, выше, актуальнее, значительнее. На это есть много причин, в частности постоянная деятельность Конгресса интеллигенции.

Мне кажется, что у нас в обществе роль интеллигенции за прошедшее время снизилась, так же как снизилось «производство» доброты, так же как снизилась значимость гуманитарных наук, гуманитарной составляющей нашего общества. Временно это или нет – трудно сказать, но у меня есть некоторые соображения по этому поводу. Они сводятся вот к чему. Я, как и вы, недавно слушал выступление, диалог между Явлинским и Чубайсом. Он на меня произвел удручающее впечатление. Это пощечина всей интеллигенции, наш стыд и позор. Я считал, что Явлинский и движение «Яблоко» все-таки близки к интеллигенции, к лучшей части интеллигенции. Но использование им бранной лексики уводит от существа тяжелейшей, труднейшей, большой проблемы современности – чеченской войны. Такое выступление лидера «Яблока» произвело не просто тяжелое впечатление, в нем отразился кризис нашей демократической жизни, тяжелый кризис, когда два близких, казалось бы, движения абсолютно не в состоянии найти компромисс и возможность объединиться.

У меня иногда возникает вопрос: есть ли у нас вообще ясное представление о том, кто из наших руководителей более или менее страдает за Россию? Кто? Я спрашиваю себя – и не нахожу ответа. Это процесс потери доверия к власти, опасный процесс, хотя, с другой стороны, в чем-то и полезный. Мы освобождаемся от старинной, еще досоветской веры во власть.

Мне, например, надоела наша постоянная тема и бесконечные дискуссии: власть и интеллигенция, интеллигенция и власть. А что такое власть? Власть – это всего лишь наемные служащие, которые должны управлять нашими учреждениями и не более того, а мы их рассматриваем как помазанников божьих. Освобождение от этого культа власти, я думаю, – это благодетельное чувство, это переход к тому, что мы начинаем понимать и верить только в себя, в наши собственные усилия, в наши собственные возможности. Под словом «наши» я имею в виду и интеллигенцию. Раньше власть нуждалась в интеллигенции. Почему Горбачев собирал интеллигенцию? Почему Хрущев собирал нас? Потому что они нуждались в нас. Сейчас, похоже, в первую очередь нуждаются в военных, журналистах, в интеллигенции не нуждаются. Но это заблуждение. Приходит время, когда технология, наука все настоятельнее занимают свое место в жизни нашей страны, и власти придется прибегать к помощи интеллигенции. Нравственным состоянием общества должен заниматься не шоу-бизнес. Только мы можем это сделать, больше никто.

Недавно я прочел на стене одного дома на Московском проспекте такую надпись: «Хочется иметь хоть какое-нибудь будущее». Меня поразила эта надпись, она об очень многом мне говорит. Мы живем без будущего, во всяком случае наше обыденное сознание нацело лишилось представления о будущем: куда мы идем, какие перспективы у нас, чего добиваемся, чего хотим. Это ненормальное состояние жизни не только для общества, но и для каждого человека. Вот почему, мне кажется, так значительна и необходима роль Конгресса интеллигенции.

Мы начинаем понимать необходимость ответа на вопрос: что нас ждет, чего мы хотим от себя, от других и от судьбы нашей страны. Мы впервые живем без каких-то ясно ощутимых дальних и больших надежд. Я думаю, что конгресс – это не просто разговоры, это потребность в той циркуляции мысли, в которой мы все настоятельнее сегодня нуждаемся. У нас нет другой возможности, я уже не верю больше тем разговорам, которые происходят на экранах телевизоров и страницах газет. Я начинаю подозревать, что там работают нанятые или завербованные теми, кому это надо, люди.

С огромным удовольствием я слушал сегодня все выступления. Лучше или хуже, но

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
они были выражением своего собственного, искреннего, выношенного за это время. Не вызывает сомнений необходимость обмена такими мнениями для каждого из нас, чтобы понять: я не один, есть еще другие люди в разных уголках страны, с которыми мы можем идти вместе, жить и действовать. Вот за это я благодарю вас всех.

Хочу поблагодарить в заключение Сергея Александровича Филатова, который собрал нас с таким трудом. Ведь не так-то просто собрать такой Конгресс. Я хочу поблагодарить нашего хозяина Александра Сергеевича Запесоцкого за его гостеприимство и за то, что он нам предоставил помещение и устроил этот своего рода праздник.

1999

Трагедия непрочитанной книги

Рад всех вас видеть. Не буду тратить время на комплименты в ваш адрес, в адрес вашей работы, такой необходимой. Хочу поговорить о проблеме, которая занимает меня последнее время, – о трагедии непрочитанных книг.

Вы знаете, что есть книги вроде бы достаточно известные, вроде бы мы их читали. Но фактически эти книги находятся вне нашей жизни, они так и остались по-настоящему не прочитаны. А без них жизнь человеческая обесцвечена.

Таких книг несколько. Одна из них – Библия (или Евангелие). Думаю, мало кто читал Библию полностью, но Евангелие, Новый завет – эта книга совершенно необходима для того, чтобы понимать жизнь, чтобы вообще знать, в каком мире мы живем. В литературном отношении это таинственная книга. Она посвящена, в сущности, жизни одного человека, но без нее нельзя понимать ни живопись, ни мифологию, ни театр. Это книга, о которой все знают, но мало кто ее читал по-настоящему, для себя.

К таким же важным книгам можно отнести, например, произведения Гомера, Пушкина, Лермонтова.

Чем, например, мое поколение отличается от поколения Дмитрия Сергеевича Лихачева и его сверстников, с которыми я имел счастье общаться? Их речь всегда была насыщена литературными цитатами, образами, тем, что почти исчезло из нашей жизни. Наши литературные заимствования, которыми мы пользуемся, взяты либо из эстрады, либо из популярных песен. А то, что составляет прелесть и высоту человеческой мысли, цитаты, которыми раньше была усыпана речь, рассказы, просто разговор старшего поколения – это ушло. Ушли цитаты из Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гончарова, Тютчева. Вся русская классика была в обиходе, а кроме того, была еще латынь, был Шекспир и многое другое, что придавало особую прелесть и разговору, и мысли.

В те времена книга входила в жизнь человека всем своим существом, проникала в его мышление, в его быт. Сейчас, к сожалению, не так. Думаю, это большая утрата и для культуры людей, и для образа мышления, и для образования. Я не знаю, как это достигалось, почему прежнее образование было достаточно ярким и сильным. Сколько лет Пушкин учился в лицее? Шесть. Это все его образование. Шесть лет и у большинства его сверстников-лицеистов. А как отпечатались латынь, мифология, вся мировая литература того времени в их мышлении, в их жизни! Как такое достигалось, я не знаю, но это было, это наложило печать на всю жизнь этих людей.

Вернуть былое отношение к книге – задача не только наших преподавателей, нашего образования, это и задача библиотекаря, который может или не может приучить к чтению и научить любить книгу, показать необходимость жизни с книгой.

И еще. Мне бы хотелось ответить на два вопроса, полученные от этой аудитории.

«Как Вы относитесь к нынешнему состоянию нашего города, его внешнему облику?»

Представьте себе бывшую аристократку, даму благородных, может быть, даже королевских кровей, совершенно обнищавшую, которая ходит в стоптанных ботинках,

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
в старом платье, не может себе вставить зубы, – вид страшный. Но если ее помыть, причесать, дать ей хорошее платье, провести через косметический кабинет, то это будет прелестная женщина. А так на нее смотреть очень грустно. Примерно такое впечатление у меня от нашего города. У него замечательное происхождение, родословная, но он ужасно запущен.

Какие дома, какие кварталы, построенные после войны, заслуживают такого же восхищения, как центр города? Мы строили и строим довольно безобразно. И в то же время в городе 500 дворцов и особняков, а ухаживать за ними по-настоящему мы не в состоянии, для этого нет средств. Поэтому все весьма печально. И до тех пор, пока не изменится экономическое положение, город будет находиться в таком трагическом состоянии. А ведь Петербург – это лучшее, что есть в России и, может быть, один из лучших городов мира.

«Что Вы думаете о событиях в Югославии? Какова должна быть роль России?»

Я не политик, но думаю, что та линия и политика, которую ведут президент и отчасти премьер, мешая и всячески препятствуя втягиванию нас в этот конфликт, правильная. И чем дальше, тем больше и мы, и весь мир убеждаемся в том, что роль России в поисках возможности ликвидации этого конфликта будет возрастать. Но в связи с этим хочется сказать следующее: Россия должна заниматься Россией. И не вмешиваться ни в дела Ближнего Востока, ни в дела Балканских государств. У нас жизнь настолько сложная, что нет возможности брать на себя роль великой державы, которая наводит порядок во всем мире.

1999

Возвращение старой науки, которая заставляет гордиться своими предками или стыдиться их поступков

Маленький Ваня Аверинцев, когда его спросили: «Что такое человек?», сказал: «Это тот, у кого есть папа и мама» и потом добавил: «И бабушка и дедушка». В его добавлении – то, что не хватало, та самая истина, которую умеют изрекать дети.

Наверное, его слова можно было поставить эпиграфом к Международной генеалогической конференции, которая происходила в Санкт-Петербурге, в сентябре-октябре 1992 года.

Животные не пользуются понятиями бабушек и дедушек, это привилегия человека, память о своем прошлом есть отличие человека.

Советские люди на протяжении жизни уже двух, а то и трех поколений старались не вспоминать свое реальное прошлое. Прежде детям рассказывали про дедушек, прадедушек и пра-пра, в советское время сведения эти родители тщательно скрывали. В роду могли оказаться чиновники, дворяне, купцы, священники, офицеры, кулаки, заводчики да мало ли еще кто. Лучше было происходить из массовидно-безликого, утратить индивидуальность. Семейные архивы уничтожались. В анкетах ввали, прятали свое прошлое.

Организатор конференции Игорь Васильевич Сахаров, энтузиаст генеалогии, положивший на восстановление этой науки все силы, с горечью признавался мне, что он также вырос без бабушки и дедушки, а ведь именно бабушка и дедушка создают коренную культурную среду.

...Забыть, забыть! – и успешно забывали, и пришло время когда некого спросить о своих предках. Корни отрублены, неизвестны. Наступила коллективная всеобщая амнезия. Люди хотят и не знают, как искать, где найти свое прошлое.

Сейчас множество людей устремилось в архивы, к источникам истории собственной семьи, своего рода, произошел взрыв интереса к генеалогии – любительского интереса, но интереса.

Атмосфера генеалогической конференции резко отличалась от прочих конференций, конгрессов, на которых мне приходилось бывать. Взволнованность и соучастие всех присутствующих, один доклад заманчивей другого. Почти не было просто слушателей, все были участниками. Хотелось побывать на всех секциях.

350 человек предложили 400 докладов. Если кто не мог приехать, особенно из Сибири и Дальнего Востока, то потому, что оказалось это не по средствам, учитывая нынешние цены. И все же было 250 участников из двадцати пяти городов. Состоялось двести докладов! Приехали из Татарстана, Украины, Коми, Беларуси, Латвии, США, Швейцарии... Все были в полном смысле хозяева, ибо у каждого живой интерес. Большинство выступало с конкретными сообщениями. История облекалась в судьбы отдельных людей, обретала фамилии.

Для меня генеалогия представлялась до сих пор наукой исключительно об истории дворянских родов, то есть сугубо специальной, элитарной и, честно говоря, малонужной. То было расхожее представление, сразу опровергнутое программой конференции.

На конференции работали секции по генеалогии крестьянских родов, генеалогии священников, ученых, промышленников, военных... В сущности, охвачены были все сословия, все слои общества, генеалогия открылась как самая демократическая наука.

Аркадий Ступников, ученый-ветеринар, сделал, например, насыщенный фактами доклад о генеалогии государственных крестьян. Он занимался этим двадцать лет на материалах своей родной вятской деревни.

Генеалогия татар и башкир. Происхождение купеческих фамилий. Семейные усыпальницы как источник генеалогической информации. Генеалогия в общественном сознании России. Пушкин и генеалогия. Пензенские дворяне такие-то. История рода такого-то и такого-то, Бенедиктовы, Лермонтовы, Аксаковы, Четверухины, Шевелевы, Флоренские – какие только фамилии не мелькали!

Историю нам всегда преподносили как историю масс, массовых революционных движений. Здесь, на конференции, она обретала фамилии, судьбы.

Безликий фон исторического процесса, гомогенная среда оживала, распадалась на конкретных людей с портретами и характерами. История России наполнялась красочной жизнью, не классов, даже не сословий, а жизнью отдельного рядового человека, его предков и потомков, его родословной, в которой бурлила, творилась история Отечества. Замелькали лица, формы, появились Христофор Колумб, появились Бурбоны, гербы.

Конкретная история рода не укладывалась в концепции наших историков. Ах, не укладывалась, мешала – значит, ее выбрасывали. Личностей опасались. Современники опасались предков. Историки опасались потомков.

Слушая некоторые доклады, я убеждался, что генеалогия имеет отдельный этический ход к человеческой душе. Генеалогия заставляет гордиться своими предками или стыдиться их поступков. Она заставляет вспоминать о традициях фамильной чести, трудолюбия, храбрости.

В нормальном обществе люди хранят память своих трех-четырёх поколений. Они соблюдают родственные обязанности и связи – дяди, племянники, двоюродные братья, сестры. Поздравляют друг друга с днем рождения, семейными праздниками. Сложная, разветвленная сеть родичей создает этические обязательства. С детства учат любить родных хотя бы только за то, что они родные. Любить и по горизонтали, и по вертикали. Помогать им, отвечать за них, за то, что мой родственник плохо обращается со своими родителями, за то, что опозорил фамилию. В таком сообществе ответственность за личное поведение, опасения – как оценит родня тот или иной поступок.

Жена Сахарова, Наталья Юрьевна, вспоминает, как ее дед, депутат двух государственных дум, не подавал руку черносотенцам-антисемитам. «Может быть, я бы не научилась так уважать другие народы, если бы мне с детства не рассказывали о моем деде». Она выросла на рассказах о своих родных. Так возникают понятия рода и его традиции.

Генеалогия семьи, где соединились армяне, русские, грузины и абхазы, поразила актуальностью в разгар национальных распрей, когда повсюду обостряется отношение к инородцам.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вот русский человек, и он убежден, что полностью русский, имеет чистую кровь. Но генеалогия отучает от такого примитивного взгляда, ибо на самом деле у каждого есть примесь чужой крови.

Тысячи родословных предо мной проходят, говорит Игорь Васильевич Сахаров, и даже в самых антисемитских семьях часто есть еврейская кровь, они об этом не знают, в аристократических семьях есть, например, связи с Шафировыми, которые породнились с десятками семей, или с французскими графами, у многих петербуржцев есть шведская, немецкая кровь, у многих татарская. Это ведь то же самое, что быть христианином. То есть это значит всего лишь назвать себя христианином. Быть русским – значит назвать себя русским. В этом есть великая радость для страны, что кто-то назвал себя русским. Генеалогия учит не столько биологическому родству, сколько широте и духовному выбору.

Сам перечень докладов примечателен. Не знаешь, что предпочесть. Стоит упомянуть хотя бы некоторые из них.

Доклад внука Павла Флоренского об учении его деда о назначении рода, то есть какой замысел вкладывает Господь Бог в понятие семьи и рода. Генеалогия армян, генеалогия белорусских семей. Династии горных инженеров, в том числе знаменитая династия Карпинских. Преподавание генеалогии. Наследственные профессии. Пушкин как генеалог. Архив гениальности, то есть предки русских гениев. Взаимоотношения генетики и генеалогии. Рассказ о четырех поколениях работавших в одной газете «Петербургский листок». Доклады о купеческих родах, где позавчерашний мужик становится купчиной, а в следующем поколении – негоциантом, в следующем уже интеллигент, покровитель искусств, сам ученый. Мобильность русского купечества типична и дает примеров куда больше, чем те, что вошли последнее время в обиход известных фамилий.

Доклад, где прослежены истории репрессированных советской властью более чем двадцати представителей фамилии Бенуа.

Родословная Короленко.

Курские купцы.

Отец Александр Сорокин сделал доклад о генеалогическом аспекте в практике поминовения усопших в православной церкви. Он открыл, как система поминовения формирует генеалогическое сознание людей.

Доклад за докладом, как на Высшем суде, свидетельствовали о том, что все люди братья. Так или иначе они перевязаны между собой родственностью, о которой они часто ничего не знают. Это наглядно представало на секциях. Вдруг оказалось, что генеалогия – какая-то всепроникающая наука, она полна тайн, лукавства, сквозь ее магический кристалл иначе видятся история и собственная жизнь, свои необъяснимые пристрастия и поступки. Скрытые их источники обнаруживаешь где-то в глубине веков.

– Мой предок был мурза Тенишев, – рассказывала мне Наталья Юрьевна Сахарова. – Это открыл мне муж, который занялся моей генеалогией. Один из предков крестился в начале XVIII века. Так что религиозная нетерпимость для меня невозможна. Да и для всех почти, ибо мы где-то в прошлом и мусульмане, и католики, и протестанты. Некоторые люди думают, что генеалогия подтвердит их русские корни, чуть ли не социальные и биологические привилегии. Генеалогия разрушает этот миф. Чем дальше я уходила в свое прошлое, тем более пестрая картина возникала. На уровне прапрапра все мои предки разъединились по разным местностям, сословиям, вероисповеданиям. Прапрапрадед был губернатором Казани, его вторая жена была из крепостных. Моя бабушка – болгарка, из рода Каравеловых, ее дядя был премьер-министром Болгарии, их предки были разбойники, настоящие разбойники с большой дороги, и грабили, и бились с турками. Нельзя из родословной выбирать только престижное или модное. В меня входит все, синтезируется.

Рассказ Сахаровой я привожу потому, что она занималась своей родословной. Подобные открытия, несомненно, ожидают каждого. Доклады на конференции доказывали, что у всех людей корни неожиданны, удивительны и по горизонтали и по вертикали.

Генеалогия причудливо смыкалась с генетикой. Известна, например, легенда про

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
полководца Сципиона Африканского, победителя Ганнибала, что он был шестипалый.
Его потомки, итальянские дворяне Де Кампо Сципионе, до сих пор, уже пять
поколений, имеют шестипалость как наследственный признак.

В одной старинной летописи говорится о некоем слепом витязе из рода Рюриковичей,
который храбро воевал и во время боя потерял «золотую луду». Какой-то предмет на
голове, никто не может объяснить, что это такое. От этого витязя пошли
Воронцовы-Вельяминовы. В роду их до сих пор есть наследственная болезнь
«поникость». Это когда не держатся веки, чтобы видеть, надо их придерживать.
Предполагают, что «луда» было приспособление, которым витязь придерживал веки.

Отечественная генеалогия. Науку эту, в сущности, репрессировали. Специалистов
увольняли, сажали, память о них истребили. Чернопяттов умер от голода, Артемьев
эмигрировал, Григорьев, который составил родословные костромских семей, провел
двадцать лет в лагерях. Сейчас не просто восстанавливать генеалогию как
концепцию. Она пока развивается как бы на эмпирическом уровне.

Семейные легенды, изустные предания – каким-то чудом люди сумели пронести сквозь
лагерь, ссылки, страхи. Можно лишь поклоняться энтузиазму ревнителей этой науки,
еще никак не престижной, не приносящей ни выгод, ни доходов, ни званий. В
Казани, Саратове, Великих Луках, Тернополе, Каменец-Уральске подвижники
генеалогии извлекают из небытия родственные связи, образы и облики ушедших,
восстанавливают порванную связь времен.

Некоторые из докладчиков представляли здесь свои роды – Тенишевых, Сумароковых,
Лобач-Жученко, Благово, Шаховских. Как на старинных портретах, проступали в этой
обстановке спокойствие и благородство. Может, действовало мое воображение, но
было ощущение алмазного фонда России, заблестевшего огнями.

Генеалогия оживает, возрождается, обретает все больше старателей. Создан
Российский институт генеалогических исследований. Ему надо помочь. Генеалогия
обладает способностью затронуть каждого человека, кем бы он ни был, пробиться к
нему сквозь безверие и цинизм, это счастливая наука. Казалось бы погибшая, она
вдруг вынырнула из пены морской, возродилась, полная любви и братства, желая
связать всех людей родственностью.

1992

В защиту Сталина

Мы изжили культ Сталина посредством Ленина. Сталину противопоставляли Ленина,
ленинские нормы законности, ленинский гуманизм, ленинскую честность. Считалось,
что если бы Ленин не умер так рано, история советской власти пошла бы иначе, без
репрессий, без насилия и тиранства, продлился бы нэп и началось бы постепенно
наше блаженное социалистическое процветание. Мирно уживаются частные лавочки,
крестьяне всех категорий. Рабочие контролируют заводы, спецы работают с ними в
тесном союзе, а дедушка Ленин со счастливой улыбкой благословляет: «Правильной
дорогой идете, товарищи».

Все испортил Сталин, захватил власть и начал искажать и нарушать заветы вождя.

В 1989 году книга о Сталине «Триумф и трагедия», написанная Волкогоновым, имела
читательский успех. В заключение на последней странице автор написал: «Сегодня
на Сталина и сталинизм мы смотрим с высоты иного понимания истории (?). Думаю,
спустя десятилетия, с большей временной дистанции эти мрачные страницы летописи
советского народа, полные подвижничества, трагизма, обманутых надежд, будут
видеться глубже, основательнее, вернее».

Волкогонов полагал, что потребуются десятилетия, но прошло всего лишь пять лет,
и книга о Сталине во многом устарела. Ленин же, на которого опирался автор, для
него самого перестал быть опорой. Автор сам полностью пересмотрел свой взгляд на
него. Подземный крот истории роет нынче куда быстрее, чем мы полагали. Оценки
прошлых деятелей меняются почти так же быстро, как репутации современных
руководителей.

В книге о Ленине с честностью, не частой у наших историков, Волкогонов

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru признается в своем заблуждении и судит себя первый, раньше своих критиков. Вообще эта книга вся написана с опережением. Оно оказалось невелико, еще через три-четыре года она тоже одряхлеет.

Перед историками открылись архивы, они рванулись туда в погоне за новостями и захлебывались от ошеломляющих открытий, которые не успевали осмыслить. Они торопились публиковать свои находки. И слава богу, что торопились, когда подумаешь, сколько лет в горбачевское время было потеряно в робком хождении вокруг да около ленинских архивов, партийных архивов, сколько людей так и не дождалось правды о своем времени. Никак современникам не удастся узнать, что же на самом деле происходило в их жизни: «Я люблю тебя, жизнь, но не знаю, что это такое», – если переиначить знаменитые строки Ваншенкина. В книге о Ленине Волкогонов воспользовался возможностью и привел (впервые!) выдержки из протоколов заседаний Политбюро ЦК КПСС времен Брежнева, Горбачева как примеры продолжения ленинских традиций.

Я принялся за чтение книги «Ленин», знал, что о ней появились отрицательные рецензии, написанные с неприкрытой злостью, ясно было, эта книга раздражает – партократов, начетчиков, возмущенных развенчанием последнего оплота.

В истории человечества Ленин стал международным воплощением народного вождя, создателем всемирного учения, более универсального, чем учение Христа. Карьера ленинского мифа удивительна, еще удивительнее, как обожествление скрыло ото всех подлинную личность Ленина. Пропаганда, партия, идеология создали из крови, жестокости, насилия, бессердечия власти нечто возвышенно чистое, идеал революционера. Из бесовщины сотворен был святой. Есть в этом что-то иррациональное, необъяснимое. Если бы это был единичный, исключительный случай. феномен Ленина был повторен в Сталине, и масштаб был более грандиозен. Масштаб зла и масштаб мифа, который не считался с этим злом. Как это превращение происходит, как происходит ослепление, какова природа культа личности?

Нынче Сталина изображают как монстра, исчадие порока. Роберт Конквест в своей книге «Сталин. Тот, кто нес гибель народам» пишет: «Сталин был воплощением чрезвычайно мощного начала, противоречившего человечности и реальности, подобного лишь отдаленно напоминающим человека существам, троллям или демонам, пришедшим из сферы, где действуют иные физические или моральные законы, и пытающимся навязать Земле свои порядки».

Книга Конквеста – один из лучших портретов Сталина, исследование глубокое, серьезное. Писатель до этого создал классические работы: «Большой террор», «Скорбная жатва: коллективизация в Советском Союзе и террор – голод». Книга о Сталине издана в 1991 году, насыщена новыми материалами и знаменует современный этап знания и понимания этой «чудовищной и дьявольской личности», как пишется в одной из рецензий на эту книгу.

Конквест развивал общезападное удивление феноменом Сталина – исключительное, демоническое злодейство, перед которым историки замирают, втайне восхищенные загадкой этой исторической личности.

Они, по сути, отказываются дать моральную оценку явлению Сталина. Они пытаются нырнуть в глубины этой души, разыскивая в ней мучения совести.

«...Сталин, может быть, на самом деле считал, что у него есть высшее оправдание в глазах человечества. Или же сознание того, что он осуществляет террор, могло сочетаться у него с идеей высшего оправдания», – пишет Конквест. И далее: «Неразрешимый характер имеет вопрос, который всегда встает в таких случаях. Если человек искренне убежден в том, что творимое им творится во благо, он освобождается от мук нечистой совести».

У любого злодея имеется система самооправдания, система самозащиты. У больших злодеев она довольно прочная. Факты показывают, какой Сталин последовательный ученик Ленина. Сталин всего лишь повторяет ленинскую доктрину массового беспощадного террора, он добросовестно усвоил уроки лжи, фарисейства, коварства в отношении своих союзников, даже друзей. Сталин научился у Ленина принципиальной аморальности. Исследование того же Волкогонова снимает со Сталина ореол исключительности. Он лучший из всех продолжатель Ленина, теперь ясно, что немногое изменилось бы в истории СССР, если бы Ленин прожил еще десять лет. В том-то и дело, что явление Сталина нельзя ни рассматривать, ни изучать отдельно

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
от Ленина, Сталин прежде всего продолжение Ленина, развитие Ленина, его
произрастание, приспособление к следующей эпохе. События сталинской эпохи вполне
укладываются в ленинский стиль руководства. Можно было бы логически продолжить
ленинские начинания, его политику, и эта экстраполяция, думаю, совпала бы и с
насильственной коллективизацией, и с ликвидацией нэпа, и с 1937 годом.
Физиономия событий у Ленина отличалась бы немного – бородкой, галстуком и
большим разнообразием бранных слов. Та же безудержная властолюбия предопределяла
бы действия Ленина, да и привычные ему способы – террор, демагогия, репрессии.

Волкогонов в биографии Сталина говорит о его природной жестокости. В книге о
Ленине он фактически приходит к тому же, правда, там получается не столько
природная, сколько идейная жестокость. Но, в конце концов, и то, и другое в
большой степени домыслы, мы можем лишь догадываться о подземных истоках,
результаты одинаковы.

Одинаковы методы, да и масштабы те же, неизвестно еще, кто кого пережеголял.
Явление Сталина, попав в следующую историческую эпоху, обрело своеобразие. И это
своеобразие многое объясняет.

Болезнь, близость смерти позволила Ленину отстраниться и увидеть смутные
очертания созданного им монстра, чудовищный режим однопартийной системы. После
смерти Ленина культ Сталина рос беспрепятственно, создавался и снизу, и сверху.
Уже в апреле 1925 года Царицын переименовали в Сталинград (!). Современники
сороковых-пятидесятых годов, мы были и свидетелями, и участниками этого культа.
Считается, что он творился средствами агитпропа, ТВ не было, делали культ
«вручную». Он насаждался печатью, радио, партаппаратом, но отнюдь не насильно.

На уровне местных партийных комитетов он встречался с восторгом. Это была та
конкретность идеологии, которая понятна, она удовлетворяла потребность людей,
лишенных религии, лишенных монарха, лишенных возможности персонифицировать свою
веру в социалистическую утопию, к тому же весьма смутную. При Ленине Симбирск
стал Ульяновском, при Ленине распространились портреты вождя, значки. Посылали
верноподданнические телеграммы, приветствия, писали брошюры о нем, складывалась
вся оснастка культа. Шла она с мест, из российских губерний, партконференций.
После смерти Ленина все это тут же переключилось на Сталина, поощрялось и
развернулось с невиданной силой. Охватила все организации, все области, вузы,
вплоть до детских садов.

В 1994 году в Русском музее открылась выставка «Агитация за счастье». Когда я
вошел в вестибюль, меня встретило красочное панно: во всю стену восседал
президиум какого-то праздничного заседания. За длинным столом сидели Сталин и
его соратники: Калинин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Микоян, какие-то уже
полузабытые лица, и перед ними зал, ряды, ряды, затылки огромной аудитории, в
которую включился и я. Торжественность исходила от происходящего. А сбоку, на
другой стене, тоже на огромном полотне шли на меня знатные люди страны Советов,
я узнавал Чкалова, академика Шмидта, Пашу Ангелину, Папанина, Стаханова, за ними
теснились еще десятки, сотни людей, они шли ко мне сияющие, счастливые, с
букетами цветов, что-то пели, впрочем не что-то: в зале звучала музыка и песни
тех предвоенных лет.

В следующих залах висели картины тех лет, портреты и бюсты вождей. Исполненные
разными художниками, от Петрова-Водкина до Налбандяна, они являли образы
заказные, казенные, то чисто парадные, то выписанные искусно, с мастерством
Лактионова, и были сделанные вдохновенно, с любовным чувством. Портреты Ленина,
а еще больше Сталина, исполненные с душой, меня они удручали искренностью.
Сталин в них олицетворяет силу, мудрость, надежду, все лучшее, что связывал
художник с личностью этого человека. Картины висели в интерьере тех лет: кабинет
начальства; плакаты, книги, вазы, танцплощадка. Погружение заставило вспомнить
многое, о чем не вспоминалось, потому что память этого избегала, обходила,
старалась забыть. Мы ведь не зрители, а соучастники. Чувства, которыми мы жили в
те годы, сегодня выглядят глупо и постыдно. Сознание тщательно вычеркивает их из
автобиографии. Выставка Русского музея, хотели того устроители или нет, уличала
меня. Но разве одни художники творили культ? Еще больше, чем портретов и
монументов, было создано монографий и диссертаций. Истории партии, истории
России; философы, педагоги, экономисты, языковеды, социологи защищали
диссертации, кандидатские и докторские, посвященные сталинским трудам и его
жизни. Сколько научных статей было написано о его революционных делах, о военных
заслугах. Как горячо они доказывали гениальность этого человека, мудрость его

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
решений, их блестящие результаты. И то, какое историческое значение все это имело.

Маститые ученые во всех республиках Советского Союза, во всех странах Европы, социалистических и капиталистических, возводили Вавилонскую башню сталинизма. Литература о Сталине превзошла то, что делали шекспироведы, пушкинисты. Среди авторов были карьеристы, были служаки, основной же поток был охвачен живой верой в новое всепобеждающее учение. Невозможно было устоять перед этим потоком рядовому гражданину, как-то обойти поклонение. Наверное, любая человеческая психика поддавалась этому напору. Что уж говорить о самом Сталине при его ненасытном тщеславии.

Профессиональный историк может проследить, как культ Сталина укрепляла партийная бюрократия. Ей было выгодно иметь абсолютно непрерываемого вождя. Партийные чиновники многомиллионной партии составляли сотни тысяч активных людей, это была весомая часть народа. Сталин стал произведением ленинской системы, неизбежным ее созданием. Личные его качества – коварство, актерство, садистская жестокость и так далее, заложенные в его характере, достаточно ужасны, но партаппарат не смягчал их, не приглушал, а позволял разрастись от чудовищной безнаказанности.

Вскоре после XX съезда собирались опубликовать некоторые материалы партархивов, письма к Сталину от деятелей культуры и искусства. Мне показывали некоторые из них. Восторженные панегирики слали известные люди. Они ничего не просили, они высказывали переполнявшие их чувства поклонения. Страх, лакейство, верноподданничество, густая смесь всего «чего угодно». Читать было стыдно. Многие из них еще были живы. Письма эти не стоило публиковать. Наверное, правильно. Хотя бы потому, что это частные письма. Но кроме этих писем существовали кипы, тюки писем от рядовых граждан – пылкие признания в любви, полные обожания, неподдельного умиления.

Называйте это ослеплением, холуйством, наваждением, как угодно. Во всяком случае Сталин имел право воспринимать их любовь, их признания как народную любовь. Сам он презирал этот народ, весь народ, без разбора национальностей и сословий.

У Льва Толстого есть удивительная фраза: «Он не любил никого и поэтому все любили его».

Стоит внимательно всмотреться в кадры старой кинохроники: лица демонстрантов, идущих мимо мавзолея, где стоит Сталин со своими соратниками. Какой восторг на лицах, как пылко приветствуют вождя. Нескончаемая колонна движется часами перед трибуной, и улыбки, радость тысячекратно повторяются у старых и молодых, такие же, как у немцев, приветствующих Гитлера (в фильме «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма).

Речь идет о массовых чувствах, не о тех единицах, которые сомневались, ненавидели, знали цену диктатору.

Не они и не заключенные ГУЛАГа определяли настроение тех лет. Сталину приписывали все достижения, все результаты, вплоть до Победы. Терялось чувство народного достоинства, самоуважения. Из года в год доказывали Сталину, что он гений. Доказывали крупные специалисты, потрясенные его мудрыми замечаниями по поводу моторостроения, самолетов, танков, металлургии и т. п. Его подняли выше Ленина, его убедили, что все, что он делает, правильно, все благо.

В его примитивных работах ученые выискивали мудрость, которой там не было, тратили на это свой, порой незаурядный, талант. Светлые умы страны не желали видеть в Сталине ничего плохого, вера их не терпела сомнения. Ныне все это золото и драгоценности, как в сказке, превратились в черепки. На черепках легко резвиться нынешней молодежи и удивляться тому, как лучшие умы были ослеплены. Сталина славил такие поэты, как Твардовский и Исаковский, Янка Купала и Пастернак, не говоря уж о тогдашних молодых. Это не в укор им, это для того, чтобы понять общее состояние культовой психики.

Есть личные преступления, но пособником преступлений был весь наш народ. Народ создал обстановку верноподданности и несет ответственность за сталинизм. Партия? Партия, имеющая 18 миллионов членов, это тот же народ.

История культа – это позорная история добровольного унижения народа. Народ не

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru обманули, он сам упорно обманывал себя на протяжении тридцати лет сталинского режима, он боялся взглянуть правде в глаза. И после смерти Сталина, после разоблачения культа всеобщего прозрения не наступило. Чары не спадали. Десятки лет еще догорала вера в сталинского идола, и ныне она чахнет угаром. Сталин не служил примером героической жизни или примером святой жизни, его не воспринимали как революционера, нет, это был скорее патернализм, этому всего лучше соответствовало выражение «отец народов». Требуется мудрый всезнающий вождь, без него мы не можем сами жить, без указки, без призывов, и не хотим, и не умеем.

Что бы Сталин ни изрекал, миллионы верили ему безоговорочно. Волкогонов в книге о Сталине «Триумф и трагедия» писал, что не удалось обнаружить в архивах малейших следов публичного несогласия с вождем. Патерналистское мышление основано не на страхе, а на абсолютном авторитете отца-покровителя.

Вина Сталина очевидна, вина его окружения безусловна. Но есть еще и вина наших народов, вина поколения. Ее-то мы не хотим установить, признать, а между тем без этого трудно осознать историю и страны, и сталинского культа.

Мы сами породили и монстра, и демона, и злых духов. Сами под руководством партии выходили, вырастили культ Сталина, превратили его в дракона, укрепили слепую веру, с которой бороться уже никто не мог. Сталин – наш общий грех. Загадка Сталина – это не психическое явление личности.

Горбачевская гласность обернулась прежде всего против Горбачева. Насмешка, издевка над всеми властью имущими была как бы разрядкой. Заполыхало освобождающее чувство разочарования, в огне которого спалили всех кумиров прошлого: Молотов, Калинин, Ворошилов, Берия, Каганович, Маленков, Булганин..., а с ними и настоящего. На действующих министров, мэров, губернаторов с мстительным чувством вешают все беды, не щадят никого, вплоть до президента. Чего только ему не приписывали! Похоже, что не осталось никого, кого бы почитали, кому бы верили. Монументы свергнуты. Божества превратились в болванов. Жертвы также оказались злодеями или ничтожествами (А. Кузнецов, Попков, а до них С. Киров).

Пространство авторитетов опустошено. Опустошено или расчищено для новых кумиров? Свергнуть – не значит избавиться. Цинизм и скепсис молодых когда-то должен уступить место нормальной потребности кому-то отдать любовь и уважение. Не обернется ли это опять поклонением, бездумной верой?.. Приобретем ли мы иммунитет, сможем ли спокойно воспринимать избранных нами людей как земных, со всеми их слабостями и достоинствами, требуя от них понимания, что все они, каждый, должны быть умнее любой власти.

2000

Страх, который больше страха смерти

Много лет назад Даниил Гранин в книге «Страх» описал состояние человека, которому довелось жить в сталинскую эпоху: «Что это был за страх, трудно себе ныне представить. Нечто мистическое, страх, который больше страха смерти, страх, от которого цепенела мысль... Олицетворением такого страха был Иосиф Сталин. Он внушал почитание, преклонение и ужас одновременно, как в демонологии Самаэль, злой дух, глава всех сатанов». Выветрился ли из нас самаэлевый дух, или же мы и спустя полвека продолжаем пребывать под гнетом былых напастей, по-прежнему цепеная от ужаса при воспоминаниях и ожидая прихода нового «отца народов»? Об этом – разговор с живым классиком отечественной литературы.

– К 50-летию со дня смерти Сталина социологи приурочили очередной опрос, и оказалось, что более половины россиян с симпатией относятся к вождю, положительно оценивают его роль в истории, поддерживают проводимую им политику. Цифры – упрямая вещь, Даниил Александрович. Выходит, Сталин жил, Сталин жив, Сталин будет жить?

– Не знаю, на результаты какого опроса вы ссылаетесь, но у меня иное представление о состоянии умов соотечественников. Сталин, на мой взгляд, доживает. Или отживает, если угодно.

– Что дает Вам основания так думать?

– Например, то, что страха в обществе стало меньше. Иногда его даже не хватает.

– Как-то Вы написали: «Скажи мне, чего ты более всего боишься, и я скажу, кто ты. Человек, лишенный страха, был бы страшен». Правда, Вы не обозначили, чего именно следует бояться.

– Закона, собственной совести, дурной славы... Существует множество страхов – естественных, здоровых, патологических, индивидуальных: страх перед толпой, страх перед неизвестностью, страх политика потерять популярность, страх бизнесмена лишиться капиталов... Страхи определяют время, историю и личность. И, кстати, неправда, будто страх только разрушает. Он может быть и созидательным.

– Вы много боялись в жизни?

– Конечно. Наверное, впервые по-настоящему испугался, когда выслали моего отца. Он стал лишенцем, человеком без гражданских прав.

– За что его так?

– Тогда не спрашивали: за что? Отец работал лесничим. Наверное, обвинили в порче народного имущества или чем-то подобном. Точную формулировку не помню. В ту пору многих отправили в ссылку. Отец попал в Бийск, где снова занялся привычным делом – уходом за лесом.

– Вам было страшно за отца или за себя?

– Тот страх не делился на составляющие, он поглощал тебя полностью. В нашем классе родителей большинства ребят посадили, расстреляли. У моего близкого товарища Толи Лютера сначала забрали и казнили отца, потом пришли за семьей... Никто никаких вопросов не задавал, люди исчезали без объяснений, и от этого становилось еще страшнее. Когда меня отказались принимать в комсомол, я почувствовал себя изгоем, неполноценным человеком. Поступил в электротехнический институт, но меня исключили оттуда из-за отца. Пришлось идти в другой вуз, где не было специальностей, связанных с военными секретами... Этот жуткий комплекс непонятой и непонятной вины сильно отравлял организм; со временем от него можно было избавиться, вылечиться, но это отнимало массу сил. Впрочем, освободиться от тяжелого морального груза удавалось далеко не всем, а если учесть, что болезнь поразила значительную часть нашего народа, станет понятно, какую травму обществу нанесла сталинская эпоха. Вдумайтесь: с 1935 по 1941 год было арестовано и сослано в ГУЛАГ двадцать миллионов человек, семь миллионов расстреляно! Добавьте жен, детей, иных ближайших родственников «врагов народа» и получите астрономическую цифру изувеченных сталинизмом людей, которым так и не удалось реализовать себя.

– Это ведь не могло не привести к изменениям в сознании на генетическом уровне, верно?

– И все-таки время – лучший лекарь. Каждое последующее поколение избавлялось от страхов, которыми были отягощены мы. Хотя, безусловно, у любой медали две стороны. Недавно ко мне приходил ваш коллега, корреспондент уважаемой газеты. Должен сказать, с некоторых пор я отказываюсь от большинства интервью, но тут меня уговорил главный редактор. Словом, пришел молодой человек и начал расспрашивать о Великой Отечественной, о том, почему я ушел на фронт добровольцем, хотя работал на Путиловском заводе и имел броню, освобождение от призыва. В тоне журналиста было такое снисхождение, неподдельное удивление и неприятие, что я не стал ничего отвечать. Все равно он не понял бы. Более того, я почувствовал, что и сам не хочу говорить о долге, патриотическом порыве. Эти слова и чувства понятны представителям моего поколения, даже дочь и ее ровесники никогда не спросили бы меня ни о чем подобном, а вот нынешней молодежи вряд ли возьмусь растолковывать, почему записался в народное ополчение и попал в окопы с бутылкой зажигательной смеси в руках. У меня даже винтовки не было, не говоря уже про автомат, но я шел вперед и без колебаний умер бы за родную страну. Хотя умирать, конечно, не хотелось...

– Но «За Родину! За Сталина!» кричали, Даниил Александрович?

– Легенды! Да, поднимаясь в атаку, люди орали от страха, себя подбадривали,

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
врага испугать старались. Одни матерились в голос, другие вопили: «Ура!», третьи молились, четвертые вспоминали родных... Но не товарища Верховного главнокомандующего. Во всяком случае я подобного ни разу не слышал, а только читал. У нас выпускалась окопная газетка, которая так и называлась – «За Родину, за Сталина!»... Но продолжу рассказ про Вашего молодого коллегу. Может, и нет ничего плохого в том, что он не понимает меня. Новое поколение про тоталитарное государство и сталинские репрессии знает лишь из учебников истории и соответственно относится, воспринимая все, словно факты из прошлого, почти столько же древнего, как монголо-татарское иго. Осуждать молодежь за это глупо. Вопрос в ином. Работая над романом о Петре I, я постоянно ловил себя на мысли, что судить о людях минувшей эпохи, оценивать их поступки можно только по законам того времени. Сделать это чрезвычайно сложно. Существует колоссальный риск подмены понятий. Проще простого, глядя на мир из 2003 года, пригвоздить Сталина к позорному столбу истории. Только что это даст? Надо вернуться лет на семьдесят назад и попытаться ответить на вопрос: предполагало ли то время иной стиль руководства, нежели избранный «отцом народов»? Убежден, Сталин – верный продолжатель дела Ленина, он довел до логического конца построение системы, фундамент которой закладывал вождь мирового пролетариата. Другого не могло быть в условиях диктатуры одной партии и одной идеологии, когда любое инакомыслие и даже намеки на оппозиционность карались. Система позволила Сталину добиться того, к чему он стремился, о чем мечтал, – единоличной абсолютной власти. Сперва были уничтожены оппоненты, потом объявлены «врагами народа» вчерашние соратники, все, кто мешал движению к цели.

– Иными словами, Даниил Александрович, если бы на месте одержимого маниакальной жадной власти Сталина оказался другой человек, рек крови, пролитых Виссарионовичем, – все равно было бы не избежать?

– Вы ведь знаете: история не терпит сослагательного наклонения. Полагаю, не забыли и то, что она, история, не бывает плохой или хорошей. Сталин оказался наиболее последовательным и целеустремленным, он четко представлял, чего хочет, и по трупам шел вверх. Культ личности оградил его от посягательств на трон, исключил появление любых соперников. При жизни Сталина никто не смел даже думать о смене лидера. Более того, и после его смерти от Хрущева потребовалось, полагаю, колоссальное мужество, чтобы осмелиться на антисталинский доклад на XX съезде партии. Без сомнения, это был героический поступок.

– И мотивы, которыми при этом руководствовался Никита Сергеевич, Вас не смущают?

– Это не имеет значения. Хрущев разрушил культ, который строился, казалось бы, на века. Я не историк и могу говорить о собственных ощущениях. В 1956-м году я пережил настоящий шок.

– Закономерен вопрос о трансформации Вашего, Даниил Александрович, отношения к Сталину.

– Вопрос закономерен, но ответить на него трудно... Я сказал Вам о потрясении после доклада о развенчании культа личности, но ведь тремя годами ранее смерть вождя тоже казалась мне катастрофой, личной трагедией. Удар был невероятный. Услышав по радио страшную весть, я тут же отправился на Дворцовую площадь Ленинграда – она тогда называлась площадью Урицкого. Все огромное пространство было заполнено рыдающим, растерянным, потрясенным народом. Никто не проводил митингов, не произносил речей – нет. Люди интуитивно собрались вместе, чтобы заслониться, спрятаться от горя. Слишком страшно, жутко казалось остаться в такую минуту одному. С Дворцовой мы с женой пошли на Московский вокзал, я хотел во что бы то ни стало поехать в столицу и лично проститься с вождем, участвовать в похоронах. Билетов, разумеется, не оказалось, пробиться в Москву было невозможно, и все равно я не мог представить, как жить дальше, что делать, во что верить. Внутри сидело ощущение, будто мир рухнул, всему пришел конец. Сталин умер! Пока это не случилось, почему-то никому в голову не приходила банальная мысль, что он, как и любой другой, – смертен, что тело его бrenно. Наверное, это результат работы советской пропагандистской машины, не допускавшей отношения к Сталину как к равному. Он был высшим существом, богом.

– И Вы на него молились?

– О том и речь, что смерть вождя меня потрясла, но сомнения в сталинском гении появились задолго до марта 1953-го.

– Когда?

– Пожалуй, с первых дней Великой Отечественной. Как увидел, что мы абсолютно не готовы к войне, так и задумался. Точнее, нашелся человек, меня надоумивший. Это был мой однополчанин, сосед по землянке. Однажды мы выпили, и он вдруг заговорил, что не понимает сталинских слов о вероломности Гитлера, о внезапности нападения фашистов, якобы и предопределивших их успех на первом этапе войны. Мол, а где же наша разведка, где сталинские соколы, которые с воздуха должны были все увидеть и доложить в Кремль? Вопросы наивные, но я услышал их и подумал: а ведь и правда, странно все получается... И все равно какое-то время мне продолжало казаться, что это нелепая случайность и только на нашем участке фронта не хватает танков, орудий и самолетов, а везде они есть. Прозреть я начал постепенно. Приступы сомнений, критического отношения к поступкам и словам Сталина стали повторяться, учащаться. Когда мы вошли в Германию, я совсем загрустил. Оказывается, загнивающий капитализм выглядел совсем не так, как нам о нем рассказывали.

– Захотелось «погнить» вместе с буржуями?

– Нет, но веры в честность произносимых с высоких трибун речей уже не было.

– А когда Вашего отца арестовывали и отправляли в ссылку, дурных мыслей, выходит, не возникало?

– Случившееся мы восприняли как личное горе, но никому и в голову не пришло предположить, будто отца взяли из-за того, что в репрессиях нуждалась система. Подобное допущение означало бы, что мы сомневаемся в главном. Нет! Как и миллионы других, мы верили в светлое будущее, во имя которого терпели коммуналки, голод, бытовые неудобства, идеологическую жандармерию и много чего еще. Мыслить иначе было страшно.

– Подробнее об этом страхе я и хочу поговорить, Даниил Александрович. Вот цитата: «Страх, который внушал Сталин, образовался не сразу, понадобился жесточайший террор, начиная с 20-х годов, надо было высылать людей в Соловки, на Колыму, в Магадан, надо было раскулачить лучших крестьян, сослать в Сибирь, нужны были расстрелы дворян, оппозиции, спецов, а затем и беспричинные расстрелы во всех республиках, городах, надо было уничтожить миллионы и миллионы советских людей. Это на их трупах вырос Страх, и на его вершину взобрался вождь всех народов. При тоталитарном режиме в атмосфере страха прожило несколько поколений».

– Да, это мои слова. А в чем вопрос?

– Изжили ли мы былой страх или продолжаем пребывать в нем?

– «Мы» – это кто? Между Вами и мной стоит несколько поколений. Люди старшего возраста, мои ровесники, наверное, никогда полностью не оправятся от травм, полученных десятилетия назад, но чего бояться вам, для которых Сталин – история?

– Повторения пройденного.

– Не думаю, что подобное возможно. Конечно, в сталинизме и культе личности виноват не только объект поклонения, но и весь народ. Покорность, готовность подставить шею под хомут, а спину под розги глубоко сидят в русских людях. Нельзя исключать, что в нас вновь взиграет тяга почувствовать на загривке сильную руку хозяина-барина. Но бездумной веры, которая позволила Сталину столько лет безнаказанно издеваться над страной, больше нет – значит не стоит бояться возвращения тоталитаризма. Откуда ему взяться, на чем он будет строиться? Мы другие, страна другая. Люди научились мыслить, надеяться на себя, это главное. Да, никто не застрахован от ошибок, но, как говорил Горбачев, – «процесс пошел». Он болезненный, тяжелый, но идти вперед необходимо. Чем больше вокруг будет личностей, тем меньше угроза реставрации диктаторского государства. Вы сами это поймете, если попытаетесь сравнить среднестатистического гражданина середины 40-х годов прошлого века с его ровесником из дня сегодняшнего. Это совершенно разные люди.

– В чью пользу сравнение?

– Конечно, нашего современника!

– Неужели Вам не хочется, Даниил Александрович, побрюзжать для приличия, мол, «были люди в наше время, богатыри, не вы»?

– Искренне считаю: сегодня человек гораздо более раскрепощен и свободен, нежели прежде. Раньше нас вынуждали слепо поклоняться неким идеологическим догмам, зазубривать коммунистические постулаты, а сейчас каждый волен самостоятельно выбирать жизненные ценности и идеалы. Кто-то верит в себя, полагается на свои силы, кто-то предпочитает ждать чуда. Повторяю, вольному воля. Умный человек обязан рано или поздно задаться вопросом: зачем он пришел в этот мир? А уж какой найдет ответ... Тут подсказок быть не может.

– По-вашему, любая идеология – зло по определению?

– Универсальная формула счастья вызывает у меня сомнения. Не понимаю, как можно разработать единую идеологическую схему для всех. По-моему, это профанация, если не ловушка.

– Значит, и национальная идея, которую так искал Борис Ельцин, а потом, не найдя, завещал все Владимиру Путину, западня?

– Это другое. Помимо среды обитания, общей территории, где проживают представители одного народа, должно быть еще нечто объединяющее людей. Возможно, это вера в страну, в завтрашний день. Недавно ехал в Петербурге по Московскому проспекту и обратил внимание на надпись, сделанную нитрокраской на стене дома. Дословно не процитирую, но смысл таков: хочется иметь хоть какое-то будущее. Я задумался, что может заставить человека написать это на стене.

– И что же, по-вашему?

– Не национальная идея, точно. Людям нужна уверенность, гарантия стабильности. Раньше мы все были солдатами, решение принимали отцы-командиры. Они же несли ответственность, случись что не так. Сегодня переложить вину на чужие плечи сложнее, приходится самому отчитываться за содеянное. Да, у многих возникло неприятное ощущение, вызванное отсутствием ясной цели впереди. Куда идем, зачем? Но, может, важнее даже не это, а то, как общая идея будет связана с конкретной жизнью каждого.

– Спрашиваете себя о подобном?

– Да, но ответа не знаю, не нахожу его. И это хорошо.

– В самом деле так считаете?

– Конечно. Поиск продолжится, движение не прекратится.

– Но не все ведь готовы посвятить жизнь разгадыванию секретов бытия. Людям хочется чего-нибудь попроще.

– Это объяснимо, желания понятны – гарантированная зарплата, достойная старость... Вот мы говорим про Сталина. Был ли народ счастлив при нем? Не думаю. Счастливее ли он теперь? Сомневаюсь. Увы, сегодня государство не выполняет возложенные на него обществом обязанности, законы плохо работают, власть слаба и чувствует это, чиновники подобны саранче... Как говорится, паны жируют, а народ голодует. Наступила эпоха безнаказанности, возмездие перестало быть неотвратимым.

– Вот я и спрашиваю: нужен новый Сталин?

– Нет, правопорядок, дисциплина! Этого можно добиться не только кнутом. Посмотрите на мир, на страны демократии. Там вполне обходятся цивилизованными способами.

– Мир нам не указ. У него – своя правда, у нас – своя.

– Терпеть не могу разговоров об особом пути России! Все эти досужие рассуждения об избранности, соборности и прочей белиберде вызывают у нормального человека

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
лишь раздражение. Как, впрочем, и утверждения, будто русские умеют только водку пить, матом ругаться да на печи валяться. Право, стыдно повторять штампы, не имеющие ничего общего с действительностью. Нельзя одним цветом рисовать коллективный портрет народа. Мы умеем работать – и много, и умно, и талантливо. Правда, если есть интерес. В нас столько всего намешано... Вспомним, к примеру, Великую Отечественную...

– Перебью Вас, Даниил Александрович, но, на мой взгляд, ссылки на войну не вполне корректны. Это все-таки исключительная, экстремальная ситуация.

– Именно в ней проявляются лучшие и худшие качества, позволяющие понять и народ в целом, и конкретного человека! В бытовой, рутинной повседневности главное увидеть порой трудно. Зря, по-вашему, Толстой в «Войне и мире» писал об отступлении русской армии, а не о ее победе? Лев Николаевич на этом примере решил показать историю страны и черты, присущие русскому человеку.

Но договорю прерванную мысль. Вспомните Великую Отечественную и мощнейшее партизанское движение, подобного которому не знала ни одна страна. Разве людей кто-то силой гнал в лес? Нет, они шли добровольно. Или, допустим, случаи массового героизма на фронтах. Разве это не характеристика народа? Объективно говоря, мы должны были проиграть немцам – по всем параметрам. Но победили, ибо вели справедливую борьбу за родную землю, за национальное достоинство. А вот в Афганистане потерпели поражение, поскольку правда была не с нами. И в чеченской кампании порой сложно уловить логику, понять, чего в действительности добивается федеральная власть. Очень уж мерцающий смысл у всего происходящего. Иногда вроде бы проясняется, а потом болотная ряска опять все затягивает...

– Кое-кто советует ее разогнать, разобравшись с Чечней по-сталински.

– Депортировать народ? Вряд ли у кого-то это получится. Да и казахские степи теперь за граница... Если же говорить всерьез, сегодня методы 1944 года абсолютно неприменимы, что косвенно подтверждает: возрождение сталинизма в подобной форме практически исключено.

– А в иной?

– Нет и еще раз нет! Железный занавес поднят, мы становимся полноценной частью европейского сообщества, а для тоталитаризма закрытость, самоизоляция являются обязательными условиями. Нам удалось настолько интегрироваться в окружающую среду, что мы научились иногда видеть разницу между Старым и Новым Светом!

– И все равно между нами и остальным цивилизованным миром пока лежит дистанция огромного размера.

– Не преувеличивайте. Все не столь страшно, хотя, не спору, уродливые черты прошлого нет-нет да проявятся. Скажем, искренне ненавижу стукачество, но это позорное явление по-прежнему живо. Оно, признаю, в традициях нашего общества. Впервые масштаб доносительства смог оценить в конце 1950-х, когда из зон стали возвращаться реабилитированные и наружу начали выплывать имена стукачей. Эти люди остались безнаказанными, они соорудили целую систему самооправдания, как-то даже умудрялись отмыться в глазах близких, знакомых... Строго говоря, одна половина наших сограждан стучала на вторую... Слабым утешением может служить и то, что доносительство развито и на Западе. Там законопослушным и добропорядочным гражданином считается тот, кто без колебаний закладывает соседа, припарковавшего машину в непопозволенном месте или бросившего окурок мимо урны.

– Нет, у нас если уж подставляют, то по-крупному. Штрафом не отделаешься. И ладно бы стучали по делу, а то ведь все больше из зависти.

– Хуже всего, когда завистливым оказывается человек при власти. Сталин попросту убирал тех, к кому приревновал. Известна история, как Мейерхольд сперва впал в немилость, а потом был уничтожен. Началось же все с того, что однажды зал долго аплодировал великому режиссеру стоя. Как можно? Подобных знаков внимания заслуживал Сталин и не кто иной...

– А Вам лично приходилось сталкиваться с доносами?

– С чего бы я их в противном случае так ненавидел? Не люблю об этом говорить.

- И о том, как Ваш, телефон долгие годы прослушивался?
- Это не предмет моей гордости...
- Все же ответьте, нет ли у Вас ощущения, будто возвращаются времена, когда фраза: «Давай об этом не по телефону» – снова становится популярной?
- Сегодняшний страх не сравнить с прежним. Раньше опасались государства, КГБ, а теперь того, что добытая незаконным путем информация о частной жизни попадет в руки криминалитета. К сожалению, в обществе отсутствует доверие к правоохранительным органам.
- И у Вас?
- А чем я лучше? Не верю милиции, но у меня другой нет...
- Бардак всех достал, вот и вспоминают Сталина. Мол, при нем был порядок.
- Мы ведь уже обсуждали: тот режим держался на репрессиях. Мы отучились уважать закон, и это одно из самых подлых последствий сталинизма. Люди обращаются к прошлому не из тоски по диктатору, нет. Все идет от безысходности. Безнаказанность в самом деле всех возмущает.
- Где же выход, Даниил Александрович? Если обратиться к истории, получится, что Россия добивалась наибольших успехов при правителях-диктаторах, будь то Иван Грозный, Петр Первый или Сталин. Может, в самом деле нашу страну надо держать в узде?
- Нет такой узды! И при Сталине царил произвол. Да, мы много построили, но еще больше разорили. Погубили деревню, подрубили Церковь, свели в могилу наиболее инициативную, трудовую, творческую, смелую часть народа. Нет, единственный выход – научиться жить в условиях демократии.
- Научимся?
- Вариантов не остается, если хотим сохранить Россию как государство.
- А что опыт подсказывает, Даниил Александрович?
- Не знаю. Я не оглядываюсь.
- Предпочитаете смотреть вперед?
- Нет, не вперед. Внутрь...

Беседу вел А. Ванденко
2003

Если бы я встретил себя 30-летним

Что есть мудрость

Во мне всегда боролись два желания: желание писать и желание жить. Не могу сказать, что это взаимоисключающие понятия. Но мешающие друг другу – это точно. Одно время у меня был такой лозунг: нельзя работать за счет жизни. Но потом я убеждался, что нельзя жить за счет работы. Не знаю, можно ли считать мои года моим богатством.

Конечно, есть кое-какой опыт. Хотя порой совершаешь те же ошибки, что и в молодости. И новые умудряешься совершать, что самое обидное. Человек не обретает особой мудрости. Ее, наверное, вообще нет, этой мудрости. Но зато есть опыт. В чем он заключается? В осторожности, в терпимости, с которыми ты начинаешь

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
относиться к людям. Убеждаешься, что у всех есть свои причины, чтобы поступать так или иначе.

Я понял важную вещь: надо придерживаться принципа сочувствия. Попробовать понять точку зрения своего противника. Умею ли я властвовать собой? Умею. Не думаю, что это большая мудрость. Это скорее умение стареть. Не жаловаться, не рассказывать о болезнях, не навязывать советы и не щеголять своим жизненным опытом.

Мне уже 80. Или еще 80? Черт его знает, много это или мало. Физически я иногда ощущаю свой возраст. А душой по-прежнему молод. Человек ведь внутри меняется гораздо меньше, чем снаружи. Если бы я сейчас встретился с 23-летним лейтенантом Граниным, то вряд ли нашел бы с ним общий язык. Если бы я встретился с собой 30-летним, то стал бы этому человеку врагом.

Но если бы встретился с собой ребенком, когда я, например, жил с отцом на лесопилке, то с этим мальчиком мы стали бы друзьями. Так что человек – это не только то, что он собой представляет сегодня.

Советские слоны – самые...

Мыслей о том, что Россия – проклятая страна, у меня никогда не было. Что несчастная – были. Хотя это все довольно условно. Распалась огромная страна под названием СССР, но обошлось без гражданской войны и кровопролития. Нас постоянно пугают голодом, чуть ли не мором, но все обходится. Мы выиграли мировую войну. Это все относится к графе «везет». А насчет «не везет»...

Могли, например, остановиться на февральской революции. Не повезло нам с Николаем II. Мог бы быть более умный царь. Не повезло со Сталиным, Лениным. Владимир Ильич для меня – одна из главных загадок истории. Человек, почти полжизни проведший за границей, по идее, должен был воспринять демократические традиции тех стран. А он оказался абсолютно не демократом. Никогда не интересовался музыкой, театром. Кстати, никогда не забуду свою первую поездку за границу. Это было году в 1956-м. Для нас все было откровением. Мы ошарашенно смотрели друг на друга и не могли понять: где же тот самый прогнанный Запад, где человек человеку волк? Мы всюду искали контрасты их жизни. Боже, какая была радость, когда увидели какого-то нищего! Какие-то идиотки из нашей делегации, когда два старика на Капри стали петь нам песни, громко заявили, что советские певцы поют лучше. Мы заметили, что певцы, может, и лучше поют, но старики-то не певцы. «Зато наши мужчины – лучшие любовники, чем итальянцы», – не сдавались они. Им надо было хоть чем-то оправдать нашу нищенскую жизнь.

Никому ничего не должен

Я не жалею о том, что был в свое время народным депутатом СССР. Тогда мне казалось, что депутатство – это возможность изменить нашу жизнь, сделать ее лучше. Тогда ведь было очень романтическое время. Но потом понял, что писатель не должен идти во власть. Это безнадежно.

Не думаю, что художник должен непременно находиться в оппозиции к власти. Когда пишу, у меня с властью нет никаких взаимоотношений. Для меня важны взаимоотношения с моими героями. Есть знаменитое письмо Льва Толстого писателю Боборыкину. Боборыкин призывал Льва Николаевича написать о земском движении. На что Толстой категорически возразил: «Я и часа не потрачу на это. Но я готов потратить всю свою жизнь, чтобы писать о любви, о жизни и смерти». Нас тоже власти все время призывали писать на злободневные темы – раньше о коллективизации, сейчас об экономических реформах. Нам все время заявляли, что мы в долгу перед шахтерами, электриками, врачами. На самом деле писатель никому ничего не должен.

1999

Непереводимое слово

Даниил Гранин (родился в 1919 г.) – выдающийся российский писатель и
Страница 47

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru общественный деятель. Выпускник Ленинградского политехнического института, ушедший на фронт ополченцем с Кировского завода, он начал литературную деятельность после войны. Многим поколениям читателей известны его романы «Искатели», «Иду на грозу», «Однофамилец», «Картина», «Зубр», «Блокадная книга» (в соавторстве с Алесем Адамовичем), «Эта странная жизнь», «Вечера с Петром Великим». Человек, отмеченный столькими наградами (Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и России, кавалер орденов Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени), мог бы забронзоветь, облачиться в тогу пророка. Гранин держится просто, честен в своих книгах и в жизни, органически не приемлет парадности и фальши. Он по праву считается духовным лидером города. В нынешнем году наш собеседник был назван Почетным гражданином Санкт-Петербурга. В сознании подавляющего большинства земляков он давно уже Почетный гражданин, а законодатели наконец-то оформили решение на этот счет.

– Даниил Александрович, на рубеже 1980-х Вы возвратили в наше общество понятие «милосердие» Сейчас страна вновь ожесточилась: массовое обнищание, война в Чечне, теракты, сводки с «криминального фронта» сделали людей привычными к чужому горю. Как теперь вернуть милосердие?

– Это один из вопросов, на которые я не могу ответить. Вернуть милосердие – это вернуть нравственность, вернуть понимание своего долга, понимание, что у нас есть общество, народ, а не население. Я думаю, чувство сострадания, милосердия пришло из русской деревни. Помощь голодающим, погорельцам, дурачкам, блаженным, нищим – все это было неотъемлемой частью деревенской культуры, на которой во многом держалась русская культура. Не стало деревни – не стало и культуры. А город – он прагматичен, жесток.

Мой отец был лесничим. На Новгородчине, где мы жили, во многих избах были лотки. Прохожий мог постучать по этому лотку, оставаясь невидимым для хозяев, и туда спускали печеную картошку, кусок пирога или просто хлеб. Как тогда говорилось, «чтобы хозяин не гордился, а нищий не стыдился». Эта анонимность – признак высокой культуры благотворительности. Для нынешних меценатов, спонсоров почти немыслимо помогать безымянно. В России милосердие было развито до революции, существовало много домов призрения. Благотворительность была традицией царского двора. Практически все великие княгини занимались делами милосердия, и не от случая к случаю (как жены наших руководителей), а повседневно.

– Но из истории, которую Вы глубоко изучали, – истории Петра Великого, видно, государь-то был крут. Не он ли заложил жестокое отношение к маленькому человеку во имя высших интересов государства?

– Распространенное мнение о том, что Петр был жесток, – это мнение противников Петра. Две вещи, которые они приводят, – расправа со стрельцами и с сыном. Я считаю, поступить со стрельцами иначе Петр не мог – любого человека надо судить по законам его времени. Сами стрельцы на глазах десятилетнего мальчика творили ужасные злодеяния. Бунт за бунтом, заговоры. Что касается сына, – это дилемма, которая стояла перед Петром, очень тяжелая – и мучительная. Прояви он слабость, и дело, которое он затеял – втащить Россию в Европу, – могло погибнуть.

Был ли Петр милосерден? Думаю, редко, хотя он мог миловать, он не был таким изувером, как Иван Грозный. Просто этого понятия для царя тогда не существовало. В деревне среди простых людей бытовало сочувствие, сострадание чужому несчастью. Потому что каждый крестьянин понимал, что завтра и он может стать погорельцем или случится неурожай. Сосед помогал соседу, крестьянская община брала на свое иждивение сирот или, допустим, деревенских дурачков. Так на Руси было всегда, и в петровские времена тоже.

– Исключая советские времена, когда милосердие отменялось как мелкобуржуазное чувство! Почему Вы решились напомнить о нем – волею случая, потому что неудачно упали на улице и ни одна живая душа не помогла Вам, истекающему кровью, добраться до дома? Или были другие причины?

– Да нет, это и была главная житейская причина. Именно тогда я на своей шкуре ощутил, до чего мы дожили, в каких равнодушных, черствых особей превратились.

А стоило об этом задуматься, как вспомнилось исконно русское, российское

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
понятие, которое на тот момент вообще было запрещенным, вытравливалось из сознания. И знаете, когда мы начали создавать общество «Милосердие», меня не только официальные идеологи обвиняли в «абстрактном гуманизме». Я получал письма от рядовых граждан о том, что милосердие унижительно для советского человека. Он-де не нуждается в подачках частных лиц – о нем заботятся партия и правительство. Было очень трудно изменить это представление, воспитанное нашей партийной пропагандой.

– В Вашем эссе «Милосердие» описано, как ночью в больнице пожилая женщина попросила Вас присесть рядом, держала Вашу руку в своих и умерла. Этой женщине как раз такая, частная помощь и была нужна.

– Конечно, ведь милосердие – это милость сердца. Слово, между прочим, почти непере译имое на другие языки. В итальянском, например, есть *miserecordia*, но оно носит религиозный характер. Русское «милосердие» отличается своим чисто личностным порывом. Ни испанское, ни французское, ни немецкое «милосердие» не совпадает с русским, сугубо интимным, – любопытна эта особица. Она не обязательно в деньгах выражается.

И вот когда наши волонтеры стали работать в больницах, особенно в домах престарелых, знаете, о чем просили пациенты? Не столько приносить еду, ухаживать за ними, менять белье – то, что нам казалось актуальным. Нет, о другом, – разговаривать, общаться с ними. Рядом с нами очень много одиноких людей. Мы все, в сущности, одиноки.

– Вы пишете о том, как в блокаду ленинградцы поднимали на улице упавших от голода абсолютно незнакомых людей. Как в окопах было немисливо пройти мимо раненого – неважно, из какой он части. Неужели это всеобщий закон: человек, попавший в беду, более чуток и отзывчив к чужому страданию, чем сытый и благополучный?

– К сожалению, это так. На фронте мы были добрее друг к другу, чем сейчас. Возможное объяснение состоит в том, что сегодня для достижения коммерческого успеха надо уметь работать не жалея ни конкурентов, ни собственный персонал. В рыночных отношениях люди ожесточаются. Я не говорю про мошенничество, аферы. Я имею в виду, что даже честный предприниматель вынужден довольно жестокими методами зарабатывать успех.

И что получается? Тот, кто не вовлечен в рыночную борьбу или несостоятелен в бизнесе, имеет больше шансов сохранить человеческие чувства, но не настолько богат, чтобы материально поддержать слабого. С другой стороны, от богатых людей и предприятий можно ожидать помощь социальной сфере, они считают себя как бы в долгу перед культурой, но хотят помогать в обмен на пиар.

– В долгу или «как бы в долгу»?

– Как бы в долгу. На самом деле их щедрость во многом продиктована стремлением «засветиться», для них это рекламная акция, а чистой, альтруистической заботы о культуре и ее творцах недостает. Но пусть это будет помощь по расчету! Пусть государство примет законы о поддержке меценатской деятельности, одними призывами тут не обойтись.

– Вы считаете, на рынке вовсе нет места для милосердия?

– Многое зависит от человека. Вот, для примера, Игорь Дмитриевич Спасский, сочетающий талант ученого, организатора с энергией бизнесмена. Он академик, руководитель КБ «Рубин», загружен выше головы делами государственной важности.

Тем не менее пришел к нам в благотворительный фонд Д. С. Лихачева. Я пригласил его просто в силу наших добрых отношений, рассказал, чем мы занимаемся, – к тому же он знал Дмитрия Сергеевича.

А вскоре выяснилось, что после этой встречи Спасский по собственной инициативе разослал влиятельным людям из мира бизнеса письма с рассказом о фонде и с просьбой помочь в его деятельности. И, представьте, некоторые откликнулись на его призыв. Что это было? Я Вам скажу: редкий, но очень приятный пример милости, идущей от сердца, то есть милосердия.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

– Вам тоже приходится обращаться к разным «денежным мешкам» за помощью для деятельности фонда и для других нужд. Справляетесь с ролью просителя?

– Ломать шапку из-за денег – тяжелая обязанность. Иду на поклон без особой радости, только по необходимости. Те, у кого просишь, делятся на две категории. Представители первой, более многочисленной, говорят: да, это важно, подумаем, проконсультируемся, обсудим на совете директоров. На этом обычно все заканчивается. Но есть по-настоящему деловые люди, которые, в знак уважения к Лихачеву или осознав значение программ фонда, идут нам навстречу.

Нам ведь что мешает? Отношение к фондам сегодня подозрительное. Появилось довольно много структур, «благотворительных» только по названию, которые и себя дискредитировали, и бросили тень на других. Те, кто в них поверил, сотрудничал с ними, разочарованы, раздражены. Попробуйте-ка переубедить человека, потратившего деньги впустую! Все это настолько затрудняет нашу работу, что иногда хочется махнуть на нее рукой и отказаться. Она и без того требует много времени и сил, отвлекает меня от литературных занятий.

– К Вам наверняка обращаются с личными просьбами: одолжить денег на лекарство больному ребенку, на билет?.. Как реагируете?

– Если двести – триста рублей – могу дать. Если больше... Знаете, литератор сегодня в материальном плане – совсем не то, что в советское время, когда мои книги выходили миллионными тиражами. Нынешний писатель, издающийся тиражом в три-пять тысяч экземпляров, жить на литературный заработок почти не может. Мне помогает пенсия. А пенсионер как меценат – это не фигура.

– А нищим подаете в подземных переходах?

– Раньше всегда подавал, меня отец к этому приучил. Он никогда не проходил мимо нищего, чтобы не дать ему какую-то мелочь. Особенно в маленьких городах, где прошло мое детство, – Старая Русса, Пестово, Боровичи, Анциферово, – там это было принято, и нищих-то было немного, – обычно они на церковной паперти стояли. А здесь, в Питере, к сожалению, жизнь отучила давать милостыню. Наша пресса так долго и успешно разоблачала городских попрошаек, показывая, как эта организованная система зарабатывает на жалости людей, что доверие к нищим было подорвано. Вы им верите?

– Очень выборочно.

– Наверное, потому, что невозможно отличить действительно нищего от жулика. Я думаю, то, что делает наш фонд организованным порядком, эффективнее. Мы ведем научно-исследовательские и просветительские программы, опекаем Дом призрения для девочек-подростков, Покровскую общину, больницы, госпиталь. Это реальные люди, которым нужна помощь, – и мы ее оказываем.

– Насколько милосердие связано с религией?

– На это я тоже пока не могу ответить. Мне кажется, трудное дело милосердия легче дается людям, верящим, что Господь видит их усилия. Неверующим сложнее: о том, – что они делают без огласки, известно только их совести. Точно знаю одно: когда помогаешь другим, самому становится легче.

С философской точки зрения жизнь человеческая не имеет смысла. Какой, в самом деле, смысл, если все неизбежно кончается смертью? Как писал Державин, «река времен в своем теченье уносит все дела людей...» Небольшой, частный смысл жизни можно найти в том, чтобы помогать другим. Любить их, сочувствовать им – в этом все-таки назначение человека. Ничего другого не остается.

Занимаясь обществом «Милосердие», я видел, как ребята-волонтеры сутками дежурили в больницах. Или сколачивали деревянные помосты, чтобы помочь инвалидам-колясочникам попасть в театр, в музей (тогда не было лифтов ни в Русском музее, ни в Эрмитаже), а потом развозили их по домам. Это была тяжелая работа за «спасибо», хотя даже элементарной благодарности они иногда не получали. Но у них возникало чувство самоуважения: они сделали что-то доброе, полезное, пусть анонимно. Это очень хорошее чувство, которое трудно объяснить, его надо испытать. И тогда захочется повторить этот опыт.

2005

Во власти нет людей, болеющих за Россию

Многие поколения ленинградцев выросли под будоражащим гражданские чувства «гнетом» романтической эпитафии – «великий город с областной судьбой», – которую даровал Ленинграду писатель Даниил Гранин. При этом предполагалось, что областную судьбу великому городу прописала советская власть.

Советской власти уже 15 лет как нет, и вроде бы времени для того, чтобы реализовать потенциал величия, Петербургу было дано предостаточно. Однако...

– Даниил Александрович, на Ваш взгляд, что показало «вскрытие»: действительно ли это был «великий город с областной судьбой» или же в данном случае судьба оказалась адекватна тому, что представлял из себя Ленинград – Петербург к исходу XX века?

– Ну, вскрытия не было, слава богу! А что касается судьбы города, то ее можно трактовать и так, и так. Можно считать, что город по многим параметрам остается еще на уровне хорошего крупного областного города, но можно видеть в нем уже нечто другое: город изменился. Его стали знать в мире.

– Вы считаете, его до этого не знали?

– Не знали.

– Но ведь весь мир знал о революции 1917 года, которая произошла в Петрограде, знал о блокаде Ленинграда...

– Да, но революция давно осталась в прошлом, а блокаду уже знали далеко не все. Нам кажется, что наш город должны знать. Жители каждого областного центра так считают...

– Но Петербург широко присутствует в западной культуре: в песнях, кинофильмах...

– Что говорить, если уж и Москву-то не знают! Я был вместе с москвичами в одной испанской деревне. Они говорят: «Мы из Москвы». А им: «А что такое Москва? И где она?» Но я считаю, что сейчас Петербург гораздо более известный город по всем показателям, чем несколько лет назад. Он гораздо более известен, чем даже до 300-летия. В Петербурге растет количество туристов, город приобрел более пристойный внешний вид и известность. Конечно, когда ко мне приезжают в гости москвичи, гости из других стран, они не обращают внимания на вещи, которые для меня лично как для петербуржца очень существенны – например, на то, что на мостовых, на многих улицах вместо асфальта появилась плитка и т. п.

– А Вас не смущают «встречные тенденции»? Например, новая концепция охраны культурного наследия, которая принята городским правительством и которая содержит ряд скандальных моментов, позволяющих широко вторгаться в архитектурную среду исторического центра? Уже сегодня в разгаре целый ряд чудовищных проектов – например, «увенчание» архитектурного ансамбля Росси на площади Островского «шедевром» г-на Сопромадзе...

– Да, это все неприятно. Но, признавая это, я не могу не признать и появившейся за последние годы положительной динамики в развитии города. Строят новые дома, и многие из этих домов вполне пристойной архитектуры (например, на улице профессора Попова, на Мичуринской улице), есть новые дома, которые выглядят прилично по сравнению с «коробками» прежних лет. Многие городские дворы-колодцы, которые безобразили город, становятся приятными «интимными уголками» внутри жилых кварталов. Преобразились даже интерьеры внутри домов, подъезды. Взять хотя бы подъезд в моем доме – он стал гораздо приличнее! И хотя в моем доме с советских времен жила литературная элита, я не могу назвать его «элитным», поэтому нынешние позитивные изменения очень заметны: поставили газовые модули-автоматы, сменили трубы. И это делается по всей нашей улице...

– Я не оспариваю этот позитивный перечень, но разговор мы все же начали с другого – с проблемы «величия», а не муниципального комфорта. Благоустроенных,

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
притом гораздо более чем Петербург, городов в мире множество. Но далеко не все они задают стиль окружающему пространству. До революции Петербург был городом, который влиял на процессы во всем мире, – собственно, поэтому здесь и произошла революция...

– Величие Петербурга произошло из петровского замысла, он рожден столицей, окном в Европу.

– Способен ли сегодня Петербург хоть в чем-то вырваться вперед, или он обречен плестись в хвосте процессов, локомотивами которых являются другие города, страны и регионы?

– Не думаю, что это корректный вопрос. Потому что как только мы начинаем сравнивать с заграницей, то все становится неисторичным. Если Вы хотите говорить о значимости областного города, то его надо сравнивать с другими городами России.

– Но Ваше определение, данное Петербургу, – «великий» – предполагало, что этот город получил «областную судьбу» по недоразумению...

– По сравнению с другими городами России Петербург, конечно, сейчас выделяется гораздо больше, чем раньше. Что же касается термина «величие», то это очень опасный термин. Если величие города определяется такими кризисными ситуациями, какой, например, была блокада Ленинграда... Во время блокады город показал свое величие, но не дай нам бог еще таких кризисных ситуаций! А в каких еще ситуациях город может и должен показывать свое величие?

– Великим был Древний Рим – и не только когда гуси спасали его от нашествия галлов. Он был великим потому, что «все дороги вели в Рим», потому что Рим был средоточием цивилизации. До этого был великий город Афины. Сейчас тоже есть великие города: Нью-Йорк, Париж, Лондон и т. д.

– Да, все это так. Но ведь в этом смысле можно и Петербург как-то приласкать, не обязательно к нему относиться свысока. Эрмитаж и Русский музей за последние годы стали куда более великими музеями, чем были. То же самое касается и филармонии. За последние 20 лет были приведены в лучший вид замечательные пригороды Петербурга – Царское Село, Петергоф, Стрельна. Сейчас работы проводятся в Ораниенбауме.

– Но если бы деньги, потраченные на новую резиденцию Путина в Стрельне, были направлены на спасение исторического центра Петербурга...

– Ну так, понимаете, можно было бы говорить обо всем и во все времена...

– Согласен. Наверное, в Древнем Египте поступили правильно, построив пирамиду Хеопса. Но все-таки мы живем в другую эпоху, и предполагается, что и ценности уже иные, чем в эпоху Древнего царства...

– Но тем не менее мы с удовольствием пользуемся теми ценностями, которые, к примеру, оставила нам царская Россия.

– Вы предлагаете вернуться в ту же систему координат? Давайте начнем тогда строить гробницу Путину – может, восьмое чудо света соорудим!..

– Нет, я ничего не предлагаю. Я говорю о том, что сделано. И знаете, я хочу рассказать Вам одну любопытную вещь. В 1945 году, вместо того чтобы восстанавливать разрушенный Ленинград, который был в ужасном состоянии, начинаются работы по возрождению Пушкина и Петергофа. И если бы тогда не начали эти работы, то потом было бы гораздо труднее восстановить развалины, отколовшиеся фрагменты которых были бы, возможно, навсегда утеряны. И когда везли по городу восстановленную фигуру Самсона, весь город толпился на улицах, все плакали, были очень растроганы – это, по-моему, было в 1949 году...

– У Вас нет ощущения, что сегодня горожане стали гораздо равнодушнее относиться к архитектурной судьбе Петербурга? Когда власть проводит более чем спорные решения, почти никто не протестует. Может быть, все-таки что-то изменилось в самосознании горожан за эти десятилетия? Или Вам кажется, что не стоит на это обращать внимания?

– Нет, мне так не кажется. Но мне кажется, что Вы противоречите самому себе. С одной стороны, Вы говорите о сохранении исторического центра, но с другой – забываете о том, что это требует больших материальных затрат. Ведь если строить, не уплотняя ничего в городе, строить где-то на периферии, в новых районах, это выйдет гораздо дороже. Увеличение объема городского строительства тем более оправданно сейчас, когда речь идет о том, чтобы ликвидировать коммунальные квартиры, которых в городе свыше 100 тысяч, – это ужасное наследие прошлого!

– Но ведь расселение коммуналок никак не связано ни со строительством Константиновского дворца, ни с уплотнительной застройкой. Город ни одной коммуналки за счет бюджета, насколько я знаю, не расселил – он просто выделяет, притом за очень большие деньги, «пятна» застройщикам... Однако я предлагаю уйти от жилищно-строительной темы и вернуться к тому, с чего мы начали. Вы перечислили несколько великих культурных очагов, сохранившихся в Петербурге. Но это академическая часть петербургской культуры, та, которая в известном смысле «залакирована» и изменениям не подлежит, ибо ее главная задача – сохраниться. Есть ли в этом городе хоть что-то, что не только «продолжает традиции», но порождает их? И не только в сфере культуры, но и в других сферах общественной жизни. Есть ли хотя бы одно семечко, из которого впоследствии могло бы вырасти великое дерево новейшей петербургскости?

– Я буду перечислять только те вещи, которые знаю, – связанные с театром, литературой, кино. Здесь за последние 15 лет, конечно, не так уж много достижений, но все-таки есть такие, как балет Эйфмана, театр Додина, есть прекрасные театральные постановки. Существует и художественная жизнь: открыто много выставок, галерей. С кино дела обстоят чуть хуже, но и оно еще есть. Конечно, литературные журналы Петербурга находятся в том же плачевном состоянии, как и вся литературная жизнь в современной России. И здесь мы ничем не отличаемся ни от Москвы, ни от других городов. Но все-таки не погасли ни «Звезда», ни «Нева» – пусть в жалком состоянии, но они имеются.

– Да, но это все какие-то «остатки былой роскоши». А я спрашиваю про ростки чего-то нового, которые бы позволили с умилением заглянуть в будущее. Или мы обречены все время с умилением заглядывать в прошлое?

– Какой-то у Вас такой пессимистический, предвзятый взгляд... Конечно, можно все это считать «остатками былой роскоши», а можно относиться к этому по-другому. Я, например, очень доволен, что журналы «Звезда» и «Нева» продолжают существовать. Я очень доволен тем, что в Петербурге появилось много хороших книжных магазинов, – таких, например, как «Буквоед».

– Хорошо, зайду с другой стороны. Может ли великий город (или, по крайней мере, претендующий на какую-то значимость) с населением в пять миллионов человек жить в условиях абсолютного отсутствия общественной и политической жизни?

– Вот это вопрос правильный! Полное отсутствие общественной и политической жизни – это болезненная черта Петербурга. Ну а чего Вы хотите – чтобы город в этом отношении выделялся из того общего состояния, в котором находится сейчас вся страна? Вряд ли это возможно...

– Но не кажется ли Вам, что все-таки стартовал наш город в эпоху перестройки с более обнадеживающих позиций? Тогда на общем фоне он резко выделялся в лучшую сторону...

– Когда-то и Верховный Совет, и первая Государственная Дума стартовали с огромным энтузиазмом и энергией, надеждами и активностью! И во что все это в итоге превратилось?! Да, то, что творится сейчас в Петербурге, назвать общественной жизнью нельзя. У нас нет общественной жизни! Более того, у нас нет общества. И когда говорят о том, что надо создавать гражданское общество, у меня возникает вопрос: из кого его создавать? У нас нет граждан. У нас есть только население – пять миллионов человек. А общества, – интеллигенции, настоящих гражданских организаций, клубов – ничего этого нет.

– А как же те, кто работает в театрах, пишет в журналах, – это разве не интеллигенция?

– Это – интеллигенты. Нет интеллигенции – как функции, как серьезного

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
общественного слоя, который раньше выступал на российской социально-политической арене. Когда-то наша интеллигенция протестовала против поворота рек, и это было большое общественное движение. Я участвовал в нем: помню, какая это была резкая, бурная и острая политическая кампания!

– Но ведь и сейчас порой раздается коллективный голос представителей интеллигенции. Скажем, в 2003 году больше 50 деятелей культуры Петербурга подписались под письмом в поддержку кандидата в губернаторы Валентины Матвиенко. Правда, на сей раз интеллигенты сорганизовались не против власти (как это было 15 лет назад), а в поддержку власти...

– Ну, не в поддержку власти, а в поддержку кандидата...

– Хорошо, кандидата от власти.

– Да.

– В поддержку приговора Михаилу Ходорковскому тоже высказались более 50 деятелей российской культуры.

– Да, но ведь какая-то часть деятелей культуры выступила и в защиту Ходорковского.

– Очень малая.

– Да, я сам выступал, так что знаю, что малая. Но это как раз и говорит о том, что гражданская жизнь прекратилась и интеллигенции как общественной функции не стало! Сохранились какие-то ее бедные остатки. Интеллигенция занята борьбой за собственное существование, она обнищала. Из кого состояла интеллигенция? Научные работники – они находятся в нищем и униженном состоянии. Писатели, врачи, учителя – точно в таком же. Раньше интеллигенция состояла из людей, жизни которых были объединены какой-то единой заботой, каким-то социальным протестом...

– Но если бы сегодня хотя бы те 50 человек, которые подписались под письмами в поддержку власти, поставили бы свои подписи под диаметрально противоположными по содержанию документами и назвали бы вещи своими именами, Вы считаете, это не имело бы никакого резонанса?

– Имело бы.

– Почему же этого не происходит?

– Потому что нет людей, готовых на это.

– Но вот Вы же есть, есть Додин, есть Пиотровский, есть Гусев. Что мешает вспомнить, что два года назад Вы вместе с ними выступали в защиту Российского государственного исторического архива, судьба которого по сей день плачевна? Но Вы молчите. Почему?

– Вы не хотите понять – потому что я остался просто как я, а Гусев – как Гусев. Остались интеллигенты, интеллектуалы. Интеллигенция, которая собиралась, организовывалась, чтобы действовать, выступала против бездумных, загадочных решений власти – исчезла. Нет этой среды, нет этой идеологии. Идеология протеста существовала как функция интеллигенции, а интеллигенция существовала как принадлежность тоталитарной системы или ее остатков. А сейчас нет той ярко выраженной тоталитарной системы. И нет интеллигенции – она или уехала, или ушла в бизнес, или спилась, или борется за свое нищенское существование. А Вы выдергиваете «изюминки»: Додин, Гусев, Пиотровский... Да, мы можем собраться – человек 10, – но это ведь совершенно не нужно, не об этом же идет речь!

– Но почему 10 человек собираются для того, чтобы поддержать власть, и эти же 10 человек не собираются для того, чтобы сказать о власти что-то нелицеприятное?

– Может, потому, что мы никогда не собирались так. Мы не диссиденты, никогда ими не были и не были заговорщиками. Этот Ваш вопрос – правильный. Просто я не могу на него ответить... Я знаю, что раньше существовал большой слой людей – моих единомышленников, – с которыми я выходил на митинг; когда они мне звонили по телефону, мы вместе писали протестные письма; мы чувствовали себя реальной

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
силой, которая ответственна за происходящее. Сейчас – нет. Вы спрашиваете – почему? Я не знаю. Может быть, нас осталось слишком мало. Мои физики, биологи, генетики – они все исчезли. Половина из них – наиболее энергичная и талантливая – уехала...

– И несмотря на то, что Вы только что констатировали самый настоящий социально-культурный мор, Вы говорите о положительной динамике в жизни нашего города?

– Да, в жизни города появляются какие-то материальные вещи, которым я радуюсь. И есть какая-то моральная, духовная пустыня...

– Получается, что вот стоят руины прекрасного древнего храма, а на его стенах растут какие-то кусты, мхи, лишайники, грибы... И Вы говорите: «Посмотрите, жизнь-то продолжается!»...

– Нет. Такая картина меня не устраивает. Вы утрируете и где-то искажаете мое представление. Вы берете разные области жизни: одно дело – жилищное строительство, архитектура и благоустройство нашего города, его культура, а другое дело – общественная жизнь.

– Но если общество мертво, как может жить культура? Это же нонсенс! Если нет общественной жизни, – значит, нет жизни в принципе, потому что все остальное – это производная от общественной жизни...

– Общественная жизнь – это еще не вся культура.

– Общественная жизнь – это почва, на которой появляется культура.

– Культура куда независимей, чем Вам кажется, ее почва – просто жизнь. Художник, который работает в своей мастерской, или я, который сидит и пишет, – мы просто работаем. И не зависим непосредственно от общественной жизни, которой, повторяю, в Петербурге нет. Культура есть: выставки, концерты, живопись. А общественной жизни нет. Конечно, это ненормально для нашего города, который всегда в чем-то был заводилой, инициатором многих вещей. Но сегодня это нормально в масштабе страны. И это, конечно, вызывает очень тяжелое ощущение...

– Но ведь корни того «моратория гражданственности», который оказался наложен на Россию и на Петербург в частности, уходят... в Петербург! Ведь общественная жизнь страны перестала подавать признаки пульса с того момента, как к власти пришла команда петербургских младореформаторов и младочекистов во главе с нынешним президентом...

– Я думаю, происхождение правителей не играет никакой роли. И считаю, что это грешно – возлагать на Петербург вину за то, что творится в стране. Это неправильно!

– То есть Вам кажется, никакой связи между тем, что и как делает Путин и его команда, и тем обстоятельством, что они пришли из Петербурга, нет?

– Это уже расизм какой-то! Потому что это не связано с Петербургом. Нет такого «петербургского реакционного сознания», которое было пересажено в Москву и теперь владеет всей нашей политикой. Если принять Вашу логику, то курс Ельцина окажется «екатеринбургским», а курс Горбачева – «ставропольским». Но ведь это абсурд! Другой вопрос: чем объясняется то, что сейчас происходит в стране? Это вопрос, в который мы упираемся на любом отрезке нашей истории. Это вопрос о произволе. А еще точнее, это вопрос об отсутствии альтернативы произволу. Вот возьмите тех, которые уезжали из нашей страны... Они что, уезжали для того, чтобы найти какой-то другой путь развития страны? Ничего подобного! Они никогда ничего не предлагали. Они только критиковали. Или вот с какой альтернативой выступает сегодня КПРФ – единственная живая партия в России? Ни с какой привлекательной альтернативой она не выступает. И все остальные – тоже ни с какой. Мы живем в безальтернативное время.

– Семь лет назад мы с Вами говорили о вполне конструктивной альтернативе: о необходимости эмансипации регионов России, о том, чтобы регионы все больше и больше становились независимыми от Москвы и каждый бы искал свой путь в будущее.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Мы тогда выступали под Вашим знаменем за отделение Петербурга от России.

– Это был радикальный вариант той же регионалистской идеи.

– Но это нереально!

– Вы знаете, Каталония только что получила вполне реальную автономию. Страна басков также стремится стать независимой. И это реальность. Нереальность – существование в каком-то угрюм-бурчеевском государстве, в котором история в какой-то момент попросту «прекращает свое течение»...

– Если Каталония получила какую-то автономию, – значит, созрели социально-политические и экономические силы. К слову, у меня нет никакой уверенности, что Россия останется цельным государством. Но я не могу сегодня выступить с конкретным предложением. У меня даже внутри нет какой-то реальной альтернативы, которую я мог бы серьезно предложить для обсуждения.

– Но неужели Вы, окидывая чисто художественным взором писателя все, что сейчас видите по телевизору и на улице, не задаетесь мыслью, что так не может продолжаться сколь бы то ни было долго – этот театр абсурда?

– Да.

– Так, может, стоит использовать тот ресурс влияния, который у Вас есть, чтобы громко и своевременно назвать вещи своими именами, а не ждать, пока все начнет сыпаться как снег на голову?

– Знаете, было известное Вам выражение Герцена: «Мы не врачи. Мы – боль». Литература – не врач, она не может предлагать никаких рецептов. А как боль она выступает. Или, во всяком случае, должна выступать. Недавно я выпустил телевизионный сериал на «Культуре», где рассказал об этой ужасной боли – трагедии «Ленинградского дела»...

– Но это все же боль полувековой давности, а речь идет о сегодняшнем дне...

– Что значит «полувековой давности»?! «Война и мир» тоже была полувековой давности. И «Хаджи-Мурат» тоже. Боль не зависит от времени. Нельзя рассуждать так!

– Но Лев Толстой, кроме того, «не мог молчать» и по поводу военно-полевых судов образца 1906 года...

– Я говорю про литературу, а не про публицистику. Это разные вещи.

– Но почему Вы сегодня не используете тот ресурс влияния, который у Вас есть?

– Очень простой напрашивающийся упрек, в том числе и ко мне: «Почему Вы не выступите и не расскажете про абсурд нашей жизни?» Но для того, чтобы выступить, я должен сказать: а что я хочу взамен того, что есть сейчас? Что я предлагаю взамен? Ничего... Я могу сказать только о безобразиях, которые, я вижу, творят наша милиция, наши суды, наша музыкальная и телевизионная культура. Но я не знаю, как это изменить, что предложить... Что изменится оттого, что я назову своими именами вещи, которые и так уже всем известны? Мы живем со всем этим ужасом уже 10–15 лет. Что, к примеру, в Чечне убивают и на всем Кавказе наши войска творят произвол – это всем известно...

Я думаю, самая главная наша проблема, боль, мерзость нашей жизни состоит в том, что у нас нет во власти людей, болеющих за Россию. У нас есть люди, которые занимаются либо заботой о своей карьере, либо заботой о своей власти, либо заботой о своей корысти. К сожалению, мы с этим сталкиваемся уже много лет. Я не верю никому из наших правителей. Ни министрам, ни председателям правительства, ни деятелям этой единой партии и т. д.

– Вы тактично обошли президента...

– Знаете, при всей критике у меня есть сомнения... Вот если взять сейчас и заменить президента на другого. И что будет? Понимаете, вот если бы была

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
какая-то другая интересная, важная, серьезная идея нашей жизни, нашего устройства, которая могла бы конкурировать с нынешней, можно было бы говорить об этом. Но конкурентоспособной идеи, на мой взгляд, нет.

– Идея «Великого Кремля» всегда будет противостоять только одна идея – идея «Великого Города». Или «Великого Региона» – как угодно. Вы сами родоначальник этой идеи применительно к Петербургу. Но теперь Вы ее не видите. Почему?

– Я не уверен, что она жизнеспособна... У нас нет гражданского общества, нет парламентаризма. Конечно, проще всего попрекать интеллигенцию. Но наша интеллигенция – это лучшее, что было создано в советское время. И мы лишились этого. А всем остальным сословиям на самом деле плевать...

Беседу вел Д. Коцюбинский
2005

Как стать добрее

Чтобы провести встречу с Д. Граниным, в Центральном доме работников искусств СССР не искали какого-либо повода – скажем, торжественной даты, выхода очередной книги... Если бы у писателей, как у шахматистов, регулярно подсчитывался своего рода рейтинг, Даниил Александрович Гранин оказался бы среди тех, кто постоянно занимает одну из первых строчек.

Вступительное слово гостя:

– Как будем общаться? Думаю, моя судьба – отвечать на ваши записки, устные вопросы. Естественно, было бы интереснее, ежели разговор получит уклон в литературу, но за последнее время я убедился: нынче люди спрашивают писателей о чем угодно, меньше всего о литературе. Это огорчительно, ибо ни в экономике, ни в политике, ни в истории я не специалист. Может, начнем?

Вместо пролога. Я ленинградец, моя сознательная жизнь прошла в городе на Неве. С одной стороны, ничего особенного – все как обычно, с другой – я подумал сейчас – полная случайность. Все зависит от точки зрения: под каким углом рассматриваешь свою жизнь.

После школы я хотел учиться в университете, стать историком, но мать отсоветовала: «Это ненадежная специальность. Надо зарабатывать деньги – будь инженером». В то время отец мой, лесник, уже был сослан в Сибирь по так называемому «делу Промпартии».

Закончив Политехнический институт, пошел работать на «Красный путиловец» (ныне Кировский завод). Тут началась война. И я ушел в народное ополчение, потом в армию, провоевал с первых дней Великой Отечественной до конца 1944 года. Закончил войну командиром танковой роты. Это тоже было, как я теперь понимаю, невероятной случайностью – уцелеть, особенно в 1941 году, в народном ополчении, – оно несло огромные потери... И моя специальность, и война остались важными не только в биографии, но в моих взаимоотношениях с окружающими, с собственной жизнью.

Меня демобилизовали, когда понадобились специалисты для восстановления энергетики. Работал в Ленэнерго, затем поступил в аспирантуру, после ее окончания – в НИИ. Сразу же после войны я начал писать (тайком – по вечерам, по ночам), никак не считая себя писателем, – просто меня тянуло в литературу...

– Что такое перестройка в литературе и лично для Вас?

– Насчет «перестройки в литературе» – не очень понимаю. По-моему, человека, который быстро и послушно перестраивается, вряд ли можно назвать писателем. Тем не менее у нас есть такие – они сразу перестроились. По первому же призыву. Конечно, гласность, демократия действуют на всех, мне тоже живется и чувствуется сейчас иначе... Велика заслуга тех писателей, которые, несмотря ни на что, в

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
1950–1960–е и 1970–е годы прокладывали бескомпромиссную дорогу к истине, старались и говорили правду. Они спасли честь нашей литературы, многое сделали, чтобы нынешние времена могли настать.

– Перестройка и гласность пришли в наше общество «сверху». Есть ли гарантии, что они так же «сверху» не закончатся?

– Знаете, если перестройка и гласность и дальше будут расширяться только «сверху», тогда, действительно, никаких гарантий нет и не будет. Все теперь зависит, по-моему, от нас. Дождь приходит сверху, важно – куда он падает.

– Часто ли Вы общаетесь с широкой аудиторией?

– Такого рода выступления, как сегодняшнее, скажу откровенно, большая нервная нагрузка. Да и вопросы обычно стараются задавать позаковыристее – посмотрим, как он ответит. Существуют, мне кажется, более плодотворные формы общения с людьми: читательские конференции или просто личные встречи, знакомства... Я думаю, пресловутая формула: писатель должен быть поближе к жизни – понимается примитивно. Можно привести немало примеров: Тургенев, Гоголь подолгу жили за границей и тем не менее хорошо чувствовали, понимали Россию. Вам никогда не приходило в голову, почему Лев Николаевич Толстой ничего не написал об отмене крепостного права, о земском движении? А ведь это были большие события для России – мечта многих поколений. Можно ли считать, что он был далек от жизни? Так что применительно к литературе (как и к любому творчеству) подобные формулы, наверное, следует употреблять осторожно. У таланта свои способы познания жизни. Восторги по поводу того, что писатель пошел работать на завод или в колхоз, еще ничего не означают.

– Как Вы относитесь к тому, что наряду с преступлениями Сталина говорят о его достоинствах? Разве что-то может оправдать гибель невинных людей в годы массовых репрессий?

– Не может. Ничто не может. Михаил Сергеевич Горбачев правильно сказал, что «вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений».

– Почему же многие люди Вашего поколения боготворят Сталина?

– Почему только моего? Есть и вашего. Тому, я думаю, много причин. Не могут так быстро и легко исчезнуть последствия чугунного культа личности. Но если перейти на научный уровень, то мы сталкиваемся с тем, что наши историки и философы до сих пор не разобрались, какова роль личности в истории. В этом мы до сих пор находимся на уровне работ Плеханова. Мы должны осознать: что личность определяет? Что определяет ее роль? Обстоятельства? Или, наоборот, она сама определяет их? Что она может в условиях нашего общества? А ведь эта проблема много значит и для нашего времени.

– Расскажите о последнем периоде жизни Ольги Берггольц. Почему, выстояв войну, она оказалась слабой в мирные годы?

– Я бы не назвал ее слабой. Она ни в чем не отступила – ни от справедливости, ни от главных принципов всей своей жизни. Ее ни в чем нельзя обвинить, она никогда не шла ни на какие сделки с совестью. Слабой, может, она оказалась в смысле физическом. Но на то были весьма и весьма существенные причины: когда она, будучи беременной, сидела в тюрьме, там ее ребенка и сгубили. Однако до последнего дня своей жизни она оставалась бескомпромиссным человеком, настоящим коммунистом, писателем. Она вела дневники, которые, надеюсь, будут когда-нибудь опубликованы.

– Были ли Вы знакомы, с Клавдией Вилор?

– Да. Но написал о ней не сразу. Жизнь Клавдии Вилор тоже сложилась во многом трагично. Для меня ее судьба была важна не только потому, что эта женщина так воевала, так вела себя в плену, в оккупации, но и потому, что через ее судьбу я рассказал о людях, побывавших в плену.

Участники войны знают, как тяжело жилось этим людям. Да, известны факты

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
трусости, непорядочности, измены Родине, но в плен попадали целые воинские части – и люди не виноваты в этом: тяжело складывалась война в первые годы. Через судьбу Клавдии Вилор я попытался рассказать, как наши соотечественники чрезвычайно мужественно – чаще всего – вели себя по другую сторону войны, в плену.

– Мы с напряженным интересом читали вашу «Блокадную книгу». Все ли было сделано во время войны, чтобы избавить от мучений ленинградцев?

– Вопрос этот чрезвычайно больной. Конечно, сейчас, после войны, да еще через 43 года, можно предъявлять всякого рода претензии, придирки и к ленинградским властям, и к Верховному командованию – вовремя не были созданы запасы, вовремя не началась эвакуация населения... Но все это не будет исторично. Надо видеть, понять ту обстановку, где были и несомненные ошибки. Но было и другое – в июне 1941 года в Германию шли эшелоны с продовольствием, а когда началась война, Анастас Иванович Микоян (он тогда курировал эти вопросы) стал заворачивать эти эшелоны, предлагая транспортировать их в Ленинград. Жданов отказался, заявил, что город не располагает достаточным количеством складских помещений. В конце концов эти эшелоны были повернуты назад, в глубь страны, а Ленинград остался без запасов.

Вообще, я думаю, роль Жданова в дни блокады нуждается в критическом осмыслении.

– Скажите, пожалуйста, почему нет города Шостаковича? Почему писатели Ленинграда не требуют отмены постановления об Ахматовой и Зощенко?

– Прежде всего почему – «писатели Ленинграда»? Это касалось и касается всех. Зощенко и Ахматова – писатели не ленинградские, а советские, мировые. Практически этого постановления давно не придерживаются. Но формально оно существует. Конечно, правильнее было бы его отменить. (Голос из зала: «Партийные решения не отменяются. Помните ли такое?») Почему же? В свое время отменили постановление ЦК о музыке...

Что касается города Шостаковича, я вам так скажу: не мечтаю о нем, как и о городах Мусоргский или Чайковский. (Голос из зала: «Чайковский есть в Пермской области».) Безусловно, гений Шостаковича нуждается в увековечении – например, необходимо поставить памятник, которого пока нет.

А страсть к переименованию? По-моему, это не обязательно. Сейчас многие ленинградцы выступают за то, чтобы «снять» с Ленинградского университета имя Жданова, и одновременно хлопочут о присвоении ему имени Менделеева. Может, ничье имя не присваивать? Просто оставить – Ленинградский университет.

– Учитывая большой успех «Зубра», не собираетесь ли Вы написать о Николае Ивановиче Вавилове?

– Думаю, вопрос о выборе героя не решается таким образом. Поиск и выбор героя – интимное, сложное дело, особенно если речь идет о документальном произведении.

Для меня Зубр – Тимофеев-Ресовский – был человеком, которого я лично знал, любил, даже был влюблен в него. Не думая писать о нем, просто ходил за ним разинув рот, слушал его и только после его смерти (не сразу – через несколько лет) решился написать эту повесть. Не в силу личных взаимоотношений – меня стала возмущать несправедливость по отношению к великому ученому и человеку: клевета продолжала тяготеть над ним, его памятью, судьбой...

Что сохранилось из архива научного наследия Вавилова? Много. Есть прекрасные архивы в Ленинградском институте растениеводства, где он работал. Судьба Вавилова чрезвычайно интересна, личность эта, как и Зубр, тоже поразительная (не только трагическая – мы находимся под впечатлением его смерти, его конца), счастливая и удачливая, грандиозная – по своему размаху, по тому, что он успел сделать...

– Каково отношение Тимофеева-Ресовского к расистским теориям?

– Во времена «лысенковщины» Тимофеев-Ресовский был одним из главных противников того, что творилось у нас в генетике. Позднее лысенковцы стали распространять утверждения, а лучше сказать, слухи, что он, когда жил в Германии, чуть ли не по

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru заданию Геббельса занимался разного рода расистскими исследованиями. Это клевета. Я тщательно изучал этот вопрос, опрашивал всех сотрудников его лаборатории в Германии, мне показывали и рассказывали, как все военное время шла работа с дрозофилами по проблемам классической генетики. Никаких публикаций по расистским проблемам у него не было и быть не могло, потому что в лаборатории занимались только мухами. Ему предъявили единственное обвинение – невозвращение на Родину в 1937 году. За это его и судили.

Есть десятки свидетельств его антифашистского поведения, в том числе его коллег – академика Ханса Штуббе, почетного президента Сельскохозяйственной академии ГДР, академика Роберта Ромпе, крупного физика, члена ЦК СЕПГ, которые сейчас живы-здоровы.

Тем не менее до сих пор вся эта клевета упорно поддерживается. Среди тех, кто рассылает письма в ЦК партии (в 1950-е годы и сейчас, после публикации «Зубра»), – ярые лысенковцы, например профессор Логачев из Кемерово. Обвинения строятся по старому, испытанному лысенковцами методу: если человек в войну работал в Германии, значит, он работал на фашистов, выполнял задания расистов. Доказательства не приводятся. Но система обвинений, созданная в 1930-е годы Вышинским, в результате которой погибли тысячи людей, действовала когда-то безоговорочно: «Докажите свою невиновность!» Это было элементарным нарушением юридического права, принятого еще в Древнем Риме.

– Явно чувствуется Ваша ностальгия по таким личностям, как Тимофеев-Ресовский. Одну из своих повестей Вы назвали «Еще заметен след». Означает ли это, что цвет народной интеллигенции сильно «побледнел» и сейчас подобных личностей нет?

– Совсем наоборот. Это – повесть о людях, которые воевали и которые, к сожалению, уходят из жизни, и память о них и о многом, что было в военные годы, стирается. Есть люди, которые воплощают лучшие черты нашей интеллигенции и сегодня, например Дмитрий Сергеевич Лихачев. Другое дело, что таких людей мало, не хватает! Я бы сказал, что это беда нашего времени, большая беда – не хватает кого любить. Некого любить. Хочется любить, поклоняться, а некого, некому.

– Как Вы пришли к Любичеву в повести «Эта странная жизнь», а от него проложили «дорогу» к Тимофееву-Ресовскому?

– Когда я встречаю людей интересных, для меня это праздник: я наслаждаюсь ими, записываю за ними, но без особого расчета на будущее произведение. Просто впрок собираю, радуюсь красоте человеческой души. Так было с Александром Александровичем Любичевым. После его смерти пришли его ученики: «Смотрите, сколько архивов осталось!» Я стал знакомиться с бумагами и тогда решил писать...

Безусловно, я не мог оценить исследования и фигуру Любичева в науке, он – большой ученый. Я писал о той стороне его жизни, которая лично меня взволновала: о системе наших взаимоотношений со временем. Мы живем в потоке времени – и нередко так бездарно его расходуем, так не умеем обращаться с ним, оно проходит впустую!.. Меня больше всего поражало в Любичеве его умение ценить время, способность насытить делом каждую минуту, каждый час. Оказалось, эта проблема волнует не только меня, некоторые даже переняли систему Любичева.

Я не могу (как в вопросе) утверждать, что от Любичева пришел к Тимофееву – Зубру, что, мол, специально занимаюсь биологами. Хотя биологи из всех представителей науки мне по сей день наиболее симпатичны. Когда-то мне очень нравились физики, технари, но я в них разочаровался... В биологии, в ее использовании сильна гуманность, гуманизация жизни. Этого, может, не хватает другим наукам. Не хватает чувства удивления перед тайной мироздания, перед красотой и совершенством природы.

– Как Вы считаете, у нас по-прежнему будут преследовать за смелые и правдивые выступления или гласность все-таки восторжествует?

– По-моему, автор записки несправедлив именно к сегодняшнему состоянию гласности. Мы в своем нетерпении все время обгоняем, недооцениваем то, что произошло и происходит. Попробуйте сравнить себя, свою информацию, впечатления, свою свободу мнений и разговоров нынешних и трехлетней давности. За эти два-три года проделан колоссальный путь: мы сегодня говорим о таких вещах, о которых раньше старались даже не думать.

Наша культура – литература, кино, театр – все это сейчас выросло и чрезвычайно обогатилось. Как же можно относиться к этому с небрежением?

– На основании каких размышлений появилось Ваше мини-эссе о Брежневе в «МОСКОВСКИХ НОВОСТЯХ»?

– На основании жизни. В юбилейном номере «МН» от 7 ноября 1987 года публиковались фотографии и лаконичный текст, посвященные каждому десятилетию. Редакция попросила меня написать о 1970-х годах. Там была помещена фотография: Л. Брежневу вручают вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза. Я написал то, что думал по этому поводу, как потом наградили его третьей и четвертой Звездами, орденом Победы. Для меня, фронтовика, это, конечно, всегда было странно и больно. Я знал, что значит заслужить на фронте медаль, орден Красной Звезды, не говоря уже о звании Героя Советского Союза...

– Сейчас остро стоит проблема ИТР, повышения производительности труда. Ваше отношение к инженерно-техническому корпусу?

– Следует поднимать престиж инженера – тогда и будет отдача. Недавно у меня была творческая встреча в Ленинграде, ко мне обращались из зала: «Почему Вы прекратили борьбу против дамбы в Финском заливе – она продолжает строиться?» Люди задавали этот вопрос мне, словно человеку, виноватому перед всеми ленинградцами, словно именно я отвечаю за возведение этого объекта. Гражданские выступления наших писателей в связи с поворотом северных рек, с Байкалом, Ладогой стали восприниматься как некая обязанность писателей.

Я ответил: «Почему вы обращаетесь к нам, ко мне? Почему сами ничего не делаете?» Все считают, что мы, писатели, обязаны отвечать за все экологические и экономические огрехи, ошибки, допущенные в годы застоя. Но писатель должен прежде всего писать! У нас так получилось – на то были свои причины, и хорошо, что писатели выступали и будут выступать по всем наболевшим проблемам. Но это, по-моему, никак не снимает боль, заботу и ответственность с остальной общественности, в первую очередь научной и технической. Нельзя превращать такого рода инициативы в прерогативу и обязанность писателей.

То же самое и с инженерами. Оттого, что будут написаны романы или повести о престиже их труда, вряд ли многое изменится: необходимо принять, очевидно, радикальные и непростые меры, чтобы будничная работа инженеров превратилась в творческое занятие.

– Каково Ваше, коммуниста и писателя, мнение о деятельности бывшего первого секретаря Ленинградского обкома партии Романова?

– Мое мнение отрицательное. Думаю, что его деятельность отмечена типичными чертами застойного времени. Ленинград потерпел урон от его самоуправства, урон экологический, культурный, моральный, такова, в частности, тяжкая история с дамбой в Финском заливе, которую решили возвести для защиты города на Неве от наводнений. Подтвердился предостережения тех специалистов, которые предупреждали: это строительство чревато тяжелыми экологическими последствиями для Ленинграда, Финского залива. Экологической проработки проекта не было, многое решалось волевым способом, без публичного обсуждения общественностью. Протесты, что время от времени прорывались в печати, результатов не дали, – строительство дамбы продолжается. При этом запаздывают сроки возведения очистных сооружений, получается: дамбу построят, а девать нечистоты по-прежнему некуда. Сейчас трудно найти выход. Мы завязли с этим.

– Не считаете ли Вы, что необходимо учредить фонд помощи малооплачиваемым людям?

– Думаю, что в наших условиях надо дать больше возможностей собесу и спрашивать с него. Одно дело – Детский фонд, куда перечисляются деньги для помощи детским учреждениям. Что такое фонд культуры, тоже более или менее ясно, но нельзя строить помощь малообеспеченным за счет пожертвований трудящихся... Возникает вопрос: на какие деньги может и должен существовать такой фонд? Вновь собирать со всех по 10 копеек или по рублю?..

Сейчас в Ленинграде создается общество милосердия, для помощи больным, инвалидам... Помощь личным участием, трудом, общением. Приходят люди, семьи: «Мы

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
хотели бы месяц или две недели поработать – помочь кому-либо». Есть немало молодежных групп доброты, которые работают и очень деятельно.

После моей статьи в «Литературной газете» о милосердии я получаю письма, посвященные этой проблеме. Подавляющее большинство людей поддерживает меня, но были письма, авторы которых считают: милосердие ушло из нашей жизни – значит, оно не нужно.

Проблема смягчения нравов стала чрезвычайно больной в нашем обществе.

Мы много говорим о нравственности, а из чего она состоит? Кроме всего прочего, из отзывчивости, чувства сострадания, сердечности. Учащиеся педагогического, медицинского, других училищ ходят к старым, больным людям, убирают в их квартирах, покупают для них продукты.. Но главное – половина времени у ребят уходит на общение! Масса людей, особенно преклонного возраста, страдает от одиночества, от сознания своей ненужности. А эти мальчики и девочки самоотверженно, бескорыстно занимаются, одновременно с учебой, добровольно взятым на себя делом, причем изо дня в день – деятельность некоторых групп продолжается уже два-три года.

Мне хотелось рассказать об опыте одной из таких групп на телевидении – ребята отказались от всякой публичной шумихи: «Мы против, потому что люди, за которыми мы ухаживаем, могут подумать – вся наша помощь ради славы».

Группа молодежи, назвавшаяся хиппи, регулярно посещает один из детских домов: ездят с ребятами за город, играют с ними на гитаре... Я спросил: «Почему вы этим занимаетесь?» – «Не только потому, что детям мы нужны, – рядом с ними ощущаем свою необходимость». Радует это движение «снизу», которое развивается словно в знак протеста против жестокости, черствости, грубости в нашей жизни. Пример этих ребят взбудоражил окружающих – к будущим медикам пришли соседи из ПТУ: «Дайте и нам адреса – мы тоже хотим кому-то помогать». И не только старым людям – заботятся о детях с проблемами двигательного аппарата, заботятся и о бедных...

Да, среди наших табу есть и такое: мы редко говорим или не говорим вообще, что есть бедные люди. Бедные! Нельзя, невозможно прожить на пенсию в 40 рублей! Вот эти ребята и стараются облегчить их долю, их жизнь... Для многих взрослых и солидных людей это стало открытием – сейчас многие жаждут хоть как-то приносить пользу людям.

Чтобы ответить на часто задаваемый вопрос: «как стать добрее?» – важно запомнить классический пример: человек выходит из метро и придерживает за собой дверь, идущий сзади поступает так же, словно передавая эстафету, а если человек не придерживает за собой эту дверь, то и сзади идущий так же поступает... Своеобразная цепная реакция. Люди порой не знают, как стать добрее. Личностный пример важнее всех статей и телепередач, потому что движение «Милосердие» не терпит (и этим оно еще раз замечательно!) никакой демагогии, красивых выступлений, пустопорожних разглагольствований. Критерий настоящего милосердия – только личная помощь, трудная, часто неблагодарная, но отвечающая потребностям человеческой души.

1988

Интеллигенция в отсутствие Аполлона и райкома

Прошел такой слух, что с нашей интеллигенцией покончено. Я даже прочитал об этом в газетах. Не будет больше в России интеллигенции, «ликвидированы условия ее существования». Интеллигенция была сугубо сперва русским, потом советским явлением. Европа и прочие культурные страны не имели никакой интеллигенции. У них были интеллектуалы и остальные, уже необходимые слои общества. Интеллигенция же не являлась необходимостью; поэтому теперь, когда Россия приобщается к европейскому опыту, у нее будет, как у всех, – интеллектуалы, то есть люди, занятые интеллектуальным трудом. И хватит этого.

Некоторые вопросы у меня при этом возникли. Что значит, например, «ликвидированы условия ее существования»? Их и не было никогда. Что при царе, что позже

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru интеллигенцию не привечали. С какого-то времени ее попросту уничтожали, выкапывали, точно сорняк. Ей доставалось и от властей, и от народа. Ее бранили и Чехов, и Горький, Ленин называл дерьмом; время от времени с ней заигрывали, ее покупали, ее воспитывали. От Сталина и Хрущева до Андропова и Горбачева. Держалась она стойко, лишения и давление делали ее тверже, жизнеспособность ее поражала всех. Среднеевропейский интеллектual не выдержал бы в таких условиях. А советский интеллигент существовал, размножался, творил и придавал даже некоторый духовный налет нашему обществу.

Советский интеллигент формировался на кухонных посиделках, на чтении самиздата, туристических поездках за рубеж, на постоянных работах в колхозах, в овощехранилищах.

Словом, было на чем уразуметь и прочувствовать. Вроде все было понятно, и все же некоторая загадочность интеллигентного племени оставалась. Никак не давалась дефиниция: что это за штука – интеллигентность, кто может называться этим именем? Некоторые считали это звание похвальным, другие употребляли его как мягкое ругательство. Из года в год проводились дискуссии, симпозиумы о роли интеллигенции, о ее задачах, публиковались статьи, исследования, сборники и пособия, как обращаться с интеллигенцией и как ею пользоваться. Работы эти, однако, не остановили надвигающийся кризис.

Собственно, теперь, задним умом, когда кризис наступил, понимаешь, что с чего началось. То были отдельные позорные эпизоды, которые стали происходить в последние годы то там, то тут. Вышел, например, в Ленинграде сборник срамных частушек. Поражает в нем не лексика, слава богу, ругань нашему уху вещь привычная, да и проза последних лет хорошо потрудились на поле брани. Поражает смакование похабщины. Эти частушки не имеют отношения к фольклору, не имеют ни озорства, ни словесной игры, ничего того, что свойственно русской частушке. Сборник этот – самоделка густой матерщины, в угоду подлому вкусу, во имя рыночного успеха. Ну вышла и вышла, мало ли пакостей сейчас печатают. Но внимание мое привлекла фамилия составителя. Известный мне, недавно активист-демократ, зычноголосый участник митингов и собраний, как он топтал тоталитарный режим, коммунистическую идеологию, как ратовал за демократические свободы и роль интеллигенции. Боролся что было сил, победил, взшел на некоторое кресло и, сидя на нем, получил возможность не столько печататься, сколько печатать, что, оказывается, его больше всего прельщало. И вот понес беспрепятственно свою культуру в массы. Если бы ради идеи, а то ведь чисто корысти ради. Подзаработать на матерщине, пока есть спрос.

Ладно, думаю, печальная случайность. Но тут попадаете другое произведение, на сей раз действительно неплохого поэта, продолжение знаменитой поэмы Баркова. Но продолжение, лишенное и остроумия, и лихости, и всякой поэзии. Остался лишь унылый перебор непристойщины, подробности акта. Однообразные упражнения этого поэта способны привлечь разве что воспаленную чувственность подростка. Чего ради это было написано и издано? На сей раз явно ради заработка. Никаких поэтических достоинств опус сей не несет и ничего общего с доброй поэтической репутацией автора не имеет. Жить-то надо, а жизнь для поэтов пошла плохая, вот и пускаемся во все тяжкие. Примерно так оправдывали друзья поэта сию уступку.

Оглянулся я окрест и увидел, что уступок таких полно, они выскакивают, как пузыри в дождь. Показывают мне пьесы драматурга Волохова. Если убрать в них матерщину, то актеры превратятся в мимов. Я не про чистоту языка, а про интеллигентность. Что же получается, все делаем ради наживы? К чему же тогда были долгие споры, страдания по русской культуре, стремление сохранить себя, свою духовность? Сохраняли, сохраняли, и что? Пустили все в распродажу. Ну, конечно, приправой снабдили: свобода выражения, раскрепощенность, опрокинем остатки подцензурной мысли и прочие условности долгой.

А вот другие варианты, более сложные, той же болезни. Зазвучали выступления некоторых критиков и литераторов. Обличают, разоблачают, уличают. Но кого же? А не много не мало Михаила Зощенко, Михаила Булгакова, Анну Ахматову, Марину Цветаеву, Бориса Пастернака. Да в чем же? В угодничестве перед властями. Вытаскивают то их рассказ о Ленине, то пьесу о Сталине, стихи, где поэт славил советскую власть, или что-то подобное: «Вот я какой принципиальный, ничего не боюсь, ради правды-матки отца родного не пожалею».

Отчаянные эти новоявленные Павлики Морозовы в прежние опасные годы жили

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
бесшумно. Литератор Н. был кроток, ласков и послушен. Поскольку ни Аполлон, ни райком не требовали от него «священной жертвы», он тихонько зарабатывал себе на жизнь благополучными очерками. В добровольных подлостях замечен не был. Ныне его невестребованное прошлое превратилось его же стараниями в доблесть и геройство. Но ведь хочется свежей славы, и он добивается ее, потрясая обывателя храбрыми наскоками на великих и любимых, утверждая, что он стоит рядом с ними, не Моська, а судья.

Адвокат, который помогал в трудные годы диссидентам своими советами и сделал немало доброго, сейчас пошел служить, как сам признается, мафиозной организации. Платят хорошо, почему бы нет, снова живем. Мне кажется, что бывший интеллигент – вещь неестественная, не бывает бывшего слона или бывшей овчарки. Недавно у интеллигенции была идея противостояния режиму, чудовищной советской идеологии. Идеологии не стало – и противостоять некому. Это, между прочим, проблема не только нашей интеллигенции, это проблема западного общества, ибо его спланировала идея антикоммунизма.

Мой адвокат противостоял государству, а противостоять рынку не смог. И поэт, и демократ тоже не смогли. Новые искусства, выходит, посильнее прежних. Государство, партком – те подступали с угрозами, настаивали, требовали. С ними можно было бороться, существовали определенные приемы борьбы. Рынок предъявляет иные, незнакомые требования. Интеллигенция не может еще найти на рынке своего места, во всяком случае, достойного места. Да и неизвестно, есть ли оно. Рыночные отношения требуют специалистов-профессионалов. Писатели? Нужны, но кого будут покупать? Художники? То же самое. Диктуют потребитель, мода, спрос, прибыль – называйте, как хотите. Идти жаловаться, но кому? Хлопотать, но перед кем? Вдруг стало невозможным критиковать издательскую политику, как делалось на собраниях Союза писателей. Собрания интеллигенции творческой и «нетворческой» потеряли смысл. Союзы художников, кинематографистов, писателей занялись главным образом дележом имущества, судебными тяжбами.

Собираться как бы уже и не тянет. И на кухнях не засиживаются, где, пусть уродливое, придушенное, но все же изготавлялось общественное мнение. Некогда оно поддержало Твардовского, редактора «Нового мира», и неприязненно отнеслось к Кочетову, редактору журнала «Октябрь». В последние годы общественное сочувствие привлекает новый редактор «Октября» А. Ананьев и, наоборот, осуждение вызвала мракобесная злоба «Нашего современника».

Теперь-то мы видим, что общественное мнение годами противостояло партийной пропаганде. Оно расставляло свои оценки, создавало свои репутации. Одних определяло как порядочных людей, других считало подхалимами, черносотенцами. Такое впечатление, что сейчас составлять это мнение как бы некому. Люди реже собираются, часто жизнь замыкается в семейной раковине, разобщенность снимает часть ответственности. Интеллигентность нуждается в среде, среда же интеллигентная тает, рынок вымывает ее, разносит по ларькам, лавкам, биржам, банкам, набирая себе людей с безжалостной хваткой. Духовность и прочие качества как бы отодвинуты (могу оговориться – пока что отодвинуты). Превращение идет быстро. Посмотришь, и там, где были благородные, светлые, а может, исполненные печалью и раздумьями лица, торчат свиные рыла.

Утечка мозгов на Запад не так тревожна, как утечка душ и духовности на нынешний дикий рынок. Цивилизованный бизнес, конечно, нуждается и в морали, и в интеллектуальных профессиях, и эта потребность назревает. Возьмем то же издательское дело. На прилавках впервые появились такие замечательные книги, как «Улисс» Джойса, «Закат Европы» Шпенглера, работы Лосева, Ильина – серьезные, хорошо изданные вещи, прежде недоступные широкому читателю. Казалось бы, здоровый процесс должен возобладать, но коммерческая жизнь все жестче предъявляет свои права, и сопротивление ей многим не под силу.

Ни статистика, ни социология не могут, наверное, ответить, редуют ли у нас ряды интеллигенции и как редуют. Оставаться порядочным в советской жизни всегда было трудно, но с годами интеллигенция как-то приноровилась к советскому строю. Оставаться порядочным сейчас стало еще труднее. Так что некоторые интеллигенты с облегчением сбрасывают с себя свою интеллигентность и старую шкуру. Те же, кто не может сбросить, у кого это – органическое качество, те мучаются.

На днях я услышал по телевидению привычный вопрос, обращенный к одной поэтессе: какова сегодня роль интеллигенции? Я подумал о том, что никакой роли у нее

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
сегодня, слава богу, нет. Я вспомнил, как мы были депутатами; большая группа физиков, актеров, врачей, писателей, режиссеров, как мы сидели на съездах, в комитетах, а некоторые в Верховном Совете, выступали. Какое это все было дилетантство! Милое, полезное, но дилетантство. И мы старательно играли роль политиков. Сегодня ясно, что парламент нуждается не в представителях свободных профессий, а в профессиональных политиках, юристах и экономистах. Интеллигенция должна не роль играть, а просто быть, как нравственное, духовное бродило общества.

Именно в нынешних условиях идейного обнищания, да и морального тоже, хочется верить в примеры людей, живущих во имя идеалов добра, имеющих жизнь честную, скромную, самоотверженную, в примеры любви к человеку и труду своему. Не единичный, не назидательный пример, а пример того, как может жить обыкновенный человек, отвергая для себя путь наживы, но отвергая вместе с ним и прежнее брезгливое отношение к деловому человеку. Понемногу, конечно, создастся совершенно новая интеллигентность деловых людей. Их еще мало, но бизнес отчаянно нуждается в них. Достаточно ли этого, чтобы сохранилась интеллигенция России? Есть ли ей место в новой жизни? Честно говоря, не знаю. Русская интеллигенция – явление уникальное, да и не только русская, вся советская интеллигенция. Но то положение, в котором она пребывает, в котором пребывает учитель, профессор, врач, журналист, литератор, уязвимое, критическое и невозможное. Считают, что никуда они не денутся – и учителя, и врачи, и прочие. Но если появляется врач, который продает больничные лекарства, то с кого за это спрашивать, с него? А может, не только с него? Есть врач, который ни за что не пойдет на это, есть тот, который не устоит, и есть тот, кто охотно пользуется случаем. Но трагедия в том, что интеллигенцию, и прежде всего интеллигенцию, сегодня ставят в такие условия, когда давление жизни выдержать все труднее.

1993

Я чувствую себя чужим

«Конечно, переделать прошлое нельзя, но передумать – то можно». Эти слова героя повести «Наш комбат» – сокровенная мысль самого Даниила Гранина, замечательного писателя, вызволяющего замурованную правду из ледяной толщи блокадной зимы, из-под глыб запутанной истории, призывающего нас научиться прощать – и друг друга, и своих врагов.

Кто виноват: человек или эпоха?

– Даниил Александрович, один из героев Вашего последнего романа «Вечера с Петром Великим» говорит, что всегда виноват человек, а не эпоха. Это и Ваше мнение? Большая часть Вашей жизни попала на сложные и жестокие годы. Первые рассказы опубликованы в журнале «Резец» в 1937 году, который стал символом ужаса. Какими были Ваши отношения с этим временем? Как желание писать сочеталось с тотальной цензурой, не допускавшей к публикации ни одного слова правды? Или же Вы искренне смотрели на происходящее так, как того требовала власть?

– Никаких больших проблем тогда у меня не было. Я просто хотел писать. Что писать – все равно. Просто писать. Я столкнулся с эпохой лоб в лоб, когда у меня в 1934-м отца выслали в Сибирь. Все это как-то сочеталось с хорошим детством, с хорошей школой. Очень хотелось вступить в комсомол, а в комсомол меня не принимали как сына сначала высланного, потом – лишенца. С большим трудом добился, чтобы приняли в кандидаты в комсомол. Зачем это надо было, сейчас уже не понять.

Несмотря на то, что нам с мамой приходилось трудно, не хватало денег, я жил с восторгом. Пятилетки, днепрогэсы – это все воспринималось в масштабе один к одному. Без поправок. Я поступил в Электротехнический институт. Потом там начались какие-то военные кафедры, сверхсекретные специальности, и меня исключили. Мне удалось перейти в Политехнический, где не было таких секретов. Еще одна пощечина. Но это тоже не воспринималось как катастрофа, не озлобило – наверное, так надо, таков порядок жизни. Мои личные огорчения, несчастья, неудачи не имели отношения к жизни страны.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Это было неумное, глупое ощущение. Потому что в нашем классе у одного за другим происходили такие же события. Мой друг Толя Лютер. Его отец был латышским большевиком. Отца арестовали, а потом и Толю с братом выслали из Ленинграда. Вообще люди один за другим просто исчезали, в том числе ребята из нашего класса. Это воспринималось болезненно, тяжело, но опять же не вызывало никаких размышлений: что за порядок такой? Что за государство?

– А Вы не можете сегодня, задним числом, объяснить этот психологический механизм?

– Я думал. Я не могу полностью объяснить этот механизм. Самая сложная проблема для историка – уметь судить людей по законам того времени. А законы того времени (я имею в виду не юридические законы, а нравственные) восстановить чрезвычайно трудно. Как я это все-таки объясняю. Первое: была идея – мы строим социализм-коммунизм, мы первые, мы – единственное в мире государство, которое строит справедливую систему, при ней все люди будут друг другу родные, все будут счастливы... Это была та идея, во имя которой мы терпели коммунальные квартиры, карточки, ордера, очереди, весь этот ужасный быт, который был не менее страшен, может быть, чем в лагерях. Второе: человек практически не мог противостоять пропаганде. Сажали миллионы людей, но все эти миллионы были преданы советской власти. За ничтожным исключением. Я знакомился с биографиями людей чрезвычайно независимого мышления, вроде Любичева, – дневники, переписка довоенного времени. Там были его размышления по поводу Демокрита, по поводу ошибочности каких-то исторических шагов России в царские еще времена, но совсем не было явных или даже скрытых сомнений в правильности той системы, в которой он жил.

– Но была ведь Лидия Корнеевна Чуковская. Она еще в 1930-е годы написала повесть «Софья Петровна». С абсолютно ясным пониманием происходящего.

– Не знаю. Я всегда сомневался в этих вещах.

– Вы сомневаетесь в том, что повесть была написана в 1930-е годы?

– Я не имею права так говорить, не могу. Но я не знаю критически настроенных людей из моего окружения, за исключением тех, кто эмигрировал и окунулся совершенно в другую идеологию и состояние души, или же тех, кто в сознательном возрасте пережил события 20-х годов, когда все в обществе было полно возмущения. А дальше – нет. Никто из тех, кого я знаю, не мог противостоять этому идеологическому прессингу. Люди типа Федора Раскольникова, который написал письмо Сталину, – исключение.

– Тогда получается, что фраза Вашего героя – это некое романтическое благодушие. И не прав Маркс, который, кажется, говорил, что человек отвечает не только перед своими убеждениями, но и за свои убеждения.

– Виноват человек. Хотя наш человек был поставлен в особые, в тяжелейшие условия: он рождался внутри этого общества и жил в нем без всякой возможности что-либо сопоставить и сравнить. Люди, которые жили до революции, имели возможность оценить происходящее, а мы... Мы все не сумели понять того, что происходило. Для меня понимание началось с войны.

Зачем я пошел на войну

– В июле 1941-го Вы ушли ополченцем на фронт.

– Да. Но вот тоже... Зачем я пошел на войну? Зачем? У меня была броня, я хлопотал, чтобы сняли эту броню. Это был порыв, пафос. Но уже года через полтора-два я сам себе удивлялся.

Приехал получать танки в Челябинск. А в Челябинске был тогда мой Кировский завод. Ребята, которые начинали вместе со мной, стали уже старшими инженерами, заведующими отделов. И я видел, как много они сделали за это время для фронта. А я что? Вшей кормил, валялся в грязи в окопах. То есть, даже рассуждая рационально, это был неправильный поступок.

– И на что Вам война открыла глаза?

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

– Война с первых же дней потрясла меня и открыла, что все было ложью. Мы пошли на войну с учебными винтовками, у которых были просверлены стволы. Нам вручили только бутылки с противотанковой жидкостью. Все разговоры о Суворове, об упреждающем ударе... О чем говорить? Мы совершенно не были готовы к войне. Шли с голыми руками. Недельку упражнялись в садике у клуба Газа, как ползать по-пластунски, потом нас погрузили в эшелон, и мы уехали.

– За счет чего же тогда выиграли войну, если и технической готовности не было, и энтузиазм угас?

– Когда обнаружилась вся ложь, глупость, вся бездарность командиров, когда выяснилось, что наша кадровая армия воевать не умеет – они отступали сквозь нас и отдавали нам свои винтовки, – вступил в действие другой фактор: мы видели, что немцы оккупировали нашу страну. Вынести это было невозможно. И потом мы понимали, что с нашей стороны война была справедливой. Уже к зиме 1941-го появилось ощущение, что немцам с нами не совладать. Почему? Потому что с их стороны война была несправедливой. Хотя и у нас к тому времени война уже стала грязной.

– Разве война по определению не грязное дело?

– Нет, сначала война была чистой, романтической. Но со временем мы стали тоже жестокими, беспощадными. Расстреливали немцев, которые попадали в плен. А когда начался голод...

– В армии был голод?

– Конечно. Опухали, жрали траву. Специально пили, пили, чтобы появилась отечность и отправили в госпиталь.

– В этих условиях оставались какие-то нравственные нормы или жизнь двигали другие силы? Сегодня одни делают акцент на людоедстве, другие на героизме...

– Нет, нет, оставались и нормы, и ценности. У нас с Адамовичем из «Блокадной книги» вычеркнули страницы про людоедство, но мы даже не очень их и отстаивали. Не это решало. Людоедство было ведь и в 1919 году. Питирим Сорокин в книге «Долгий путь» описывает случаи людоедства и мародерства в Петербурге. Но нравственные критерии были – и довольно четкие.

На фронте мы ясно сознавали, что за нами – Ленинград. А Ленинград – не просто город. Когда каждое утро ровно в девять над нами в сторону Ленинграда аккуратно летят самолеты, мы оборачиваемся и видим, что там начинаются пожары. Если бы не это, мы вряд ли бы выстояли.

Физики занимаются будущим

– Даниил Александрович, кажется, Вы стали по-настоящему знамениты после романа «Иду на грозу». Впрочем, возможно, это восприятие именно моего поколения, а для людей более старших это был роман «Искатели».

– Да, бестселлером был роман «Искатели».

– Так или иначе, это было уже время общественного подъема и возрождения надежд, романтическое время. Как Вы сейчас относитесь к тому состоянию?

– Все, что я тогда писал, было связано с успехами науки. Совсем недавно физики изобрели атомную бомбу, существовали мощные научные коллективы. Мной двигала надежда, что наука, физика преобразят общество. Кроме того, физики пользовались гражданскими правами в большей мере, чем все остальные. Им многое позволяли, они пригнали у себя антильсенковцев. Я истово верил, что они не позволят вернуть прежние порядки. Мне казалось, что люди, которые занимаются физикой, занимаются будущим. Человек, работающий в лаборатории, живет будущим, то есть тем, чего еще нет. Поэзия творческой научной работы была моей идеей. Тем более что в нашей, да и в мировой литературе этой темы почти не было. Я чувствовал себя пионером. Я ведь пришел в литературу со стороны. У меня не было литературного образования, литературных кружков, института, никаких связей и знакомств. Я себя долго чувствовал белой вороной. Все вокруг какие-то незнакомые слова говорят. Долго не

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
мог понять, чем фабула отличается от сюжета. Я был там чужим.

Родина писателя – его детство

– В своем последнем романе Вы рассказываете, какое сильное впечатление на десятилетнего Петра произвел стрелецкий бунт: «Добрая жизнелюбивая натура мальчика надломилась, стрелецкий топор расщепил задуманное творцом чудо...» Детская психика легко травмируется, но столь же велико и благотворное влияние детства. Могли бы Вы вспомнить какого-то человека, событие, впечатление или ряд впечатлений детства, которые повлияли на Ваш характер и Вашу судьбу?

– Мне повезло, мой отец был очень добрым, хорошим человеком. Он был лесником, и раннее мое детство проходило в лесу. Мы с ним ходили по лесным дорогам, по лежневым дорогам, по лесосекам, где делали заготовки дров, по смолокурням, где деготь добывали, по лесопилкам. Городские дети играют в песочнице, а у нас были опилки, груды опилок. Зарываешься в них... Снаружи они белые, а внутри желтые. Если поглубже зароешься, там тепло, даже жарко. Это была чудная жизнь, лесная, деревенская. Правильно Набоков писал, что родина писателя – это его детство, и счастлив тот, у кого было хорошее детство. Но было в детстве и другое, уже позже, в городской школе. Я помню, как иду из школы, размахивая портфелем, а навстречу идет парень из детского дома. Подошел ко мне, улыбнулся, хорошо так улыбнулся, и я ему улыбнулся в ответ. Думал, он хочет познакомиться. А он отшатнулся и как лбом дал мне по носу. Я залился кровью. Долго я не мог понять: почему? за что? ведь он мне так улыбался! Потом только сообразил, что ему это доставляло огромное удовольствие. Тогда я впервые понял, что такое злой человек.

Фанаты против гениев

– У одного из Ваших героев есть любопытное рассуждение о том, что «у нас культ гениев, на самом же деле цивилизация больше обязана людям, которые умеют сосредоточиться на чем-то». Но разве гении не обладают тем же свойством? В чем смысл этого противопоставления?

– Гений – явление сверхъестественное. Это люди, которые пишут стихи под диктовку свыше, их осеняет, им не надо ничего вычислять – они догадываются или откуда-то знают решение. Хотя есть и там элемент ремесла. Но это совершенно особая порода людей, изучать которую не имеет смысла.

– Поэтому Вы пишете не о гениях?

– Нет, почему? И Тимофеев-Ресовский, и Любичев, и Петр – гении или же близки к гениальности. Но есть люди другого склада, и это тоже удивительная порода. Одержимые, фанаты, которые способны сфокусировать себя на чем-то и прожечь любую дыру в любом материале. Это показывает небывалые возможности человека. Почти любой человек, даже средних способностей, может совершить бог знает что.

– Но не является ли такая поглощенность следствием собственно призвания, то есть таланта, а в максимальном проявлении – гения? Или же это только свойство характера?

– Это правильный вопрос, но мне трудно на него ответить, я не знаю. Есть, например, религиозные фанаты. Или вот Колумб – он ведь не был гением. Люди такой силы сосредоточенности есть и в науке, и в технике, и в литературе, и в живописи.

– Но Колумб и не собирался открывать новый материк – он хотел найти новый путь в Индию. А какой-нибудь писатель вовсе и не мечтает о создании шедевра, просто хочет разбогатеть и прославиться. Получается, что мотивировка здесь, в сущности, не важна, важен лишь факт целеустремленности.

– Правильно. Вот я хочу стать богатым – я или погибну, или стану миллионером. Я считаю очень важным рассказывать о таких людях, потому что мы не представляем себе, какими громадными возможностями обладает человек.

– Тогда другое. Вот цитаты из Ваших текстов: «Почему человек не знает своего предназначения?.. Вагнер ценил свои стихи выше музыки. Ньютон считал величайшим

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru созданием своей жизни замечания на Книгу пророка Даниила». И еще: «Человек считает главным в своей жизни одно, а потом оказывается, что главным было совсем другое». И еще: «Люди уходят, так и не став теми, кем сотворила их природа. Это величайшая трагедия человечества, самое большое наше несчастье...» Как это соотносится с тем, что Вы только что сказали? Есть, выходит, вещи, которые не зависят ни от обстоятельств, ни от силы характера, но исключительно от призвания. Человеку предписано свыше быть великим дирижером, а он стал плотником. То есть потратил все силы на то, что не имеет никакого отношения к его действительному дару.

– Конечно. Он должен был стать великим дирижером, а стал великим плотником. Или он станет замечательным дирижером, хотя он великий плотник.

– Все же достигнутое по призванию и достигнутое только в силу целеустремленности должны иметь разное качество. То-то мы и не знаем Вагнера как поэта. Иначе в том, что человек не догадывается о своем призвании, и беды никакой нет.

– Нет, это беда. В каждом есть природная склонность к чему-то, но человек не может об этом знать. А наука этим не занимается.

– Неужели Вы действительно уверены, что наука и в этой области, с помощью каких-то тестов, например, способна поставить диагноз, определить дар?

– Этого я не знаю, но я знаю, что этим надо заниматься.

– Мне представляется более верным другое Ваше суждение – о том, что в каждом человеке заложена программа, «она дает знать о себе порывами к чему-то иному, беспричинной тоской или же вдруг счастьем совпадения, когда удалось осуществить».

– Иногда человек способен сделать выбор интуитивно. Но в восьмидесяти, примерно, процентах случаев этого не происходит, что оборачивается, если и не трагедией, то драмой. Человек принужден всю жизнь заниматься тем, что ему неинтересно.

– Может быть, интерес и является тем признаком, по которому человек может определить собственное призвание?

– Да, но человек очень часто не верит себе. Я знал главного инженера одного крупного треста, который с какого-то возраста начал тайно, сначала с женой и дочкой, заниматься прическами. Потом, наконец, плюнул на свое инженерство и стал парикмахером. Отличным парикмахером.

– Даниил Александрович, а как у Вас обстояло с этим делом? Когда и как Вы почувствовали свое призвание? Ведь, казалось бы, вся Ваша биография и образование вели в другую сторону?

– Мне хотелось писать, но и в аспирантуре, и в институте у меня тоже все получалось, и хорошо получалось. Писательство со службой я еще как-то смог бы совмещать, но науку с литературой – нет. Надо было выбирать. При этом я не мог знать, получится у меня, в конце концов, в литературе или нет. Да и материально жили еще не замечательно: в коммунальной квартире, с маленькой дочкой. А здесь все-таки гарантированное жалованье, да еще премиальные. Это было очень трудное решение, но я все же его принял.

Счеты с совестью

– Даниил Александрович, Вы ведь стали не только известным литератором, но и фигурой общественной, приближенной к власти. Могли влиять на судьбы каких-то людей, а значит, сами в определенной степени были властью. При этом Вы утверждаете, что всякая власть портит человека. Вам это известно и по собственному опыту?

– Истина банальная, но, к сожалению, регулярно подтверждаемая: власть портит человека. Что касается меня... Когда я работал секретарем Союза писателей, председателем Союза, то, конечно, меня эта власть тоже портила. Я теперь вспоминаю некоторых писателей и думаю: как я мог пройти мимо таких интересных людей? Например, писательница Фортунатто. Она была, как я узнал задним числом,

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru одной из самых популярных детских писателей вместе с Чарской. Или критик Березарк – с какими судьбами он был связан! Я прошел мимо них, поглощенный какими-то административными делами и заседаниями. В Березарке я видел только неряшливого старика. А Елизавета Полонская... Много раз хотелось поговорить, но все было некогда, некогда. Казалось, что те дела, которыми занят, гораздо более важные. А сейчас даже не вспомнить, что это были за дела. И те ребята, с которыми начинал: Яша Пановко, Паша Петунии... Как-то тоже все руки не доходили: посидеть, поговорить, узнать, почему у Паши все в литературе сложилось так неудачно. Это бесчеловечная вещь – административная работа, или так называемая власть. Но зато столько саморазоблачительных фигур я навидался. Гнусная и подлая система была. Помню, меня на встрече с Хрущевым подвели к Молотову. Это было время проработки «Нового мира», и он стал ругать мой рассказ «Собственное мнение»: «Зачем же вы пишете такие рассказы, направленные против партии?» Пытался возразить, что и у члена партии должно быть собственное мнение. «Вот, видите вы как...» Я понял тогда, что это был за человеческий материал.

– Даниил Александрович, существуют разные мнения о Вашем общественном поведении. Вам они, вероятно, знакомы. Одни считают Вас человеком сугубо компромиссным, который никогда не рисковал благополучием и берег свою репутацию прежде всего в сферах власти. Другие, напротив, полагают, что в советские времена Вы поступали порядочно в той мере, в какой это позволяли обстоятельства, и противопоставляют таким образом литературным карьеристам. Как Вы сами оцениваете себя – не в этой молве, а в разговоре с собственной совестью?

– Я не был диссидентом. Наверное, потому, что хотелось писать. Должен сказать, что моя общественная жизнь никогда не увлекала меня и не доставляла мне удовольствия. Я не рвался быть ни секретарем Союза, ни членом Президентского совета. Все это происходило как-то без моего участия. Правда, меня это привлекало чисто по-писательски. Интересно было сидеть на Президентском совете, когда решаются дела в масштабах страны.

– А желание повлиять на эти решения было?

– Да. Мы блокировались по некоторым вопросам с Юрием Карякиным и Мариэттой Чудаковой. Но можно и нужно было иногда действовать более резко и рискованно. Ну, что-то я предпринял, например, когда Кушнера стали прорабатывать. Прорабатывали, был у нас такой, Володю Иванова. Надо было, наверное, выступить со статьей в его защиту. Но связываться со всей этой кодлой... И думаешь: ну а почему я должен это делать? Причем сидит ведь кругом много людей, кроме меня. Можно и нужно было какие-то вещи отстаивать. Каких-то писателей, может быть, следовало защитить. Вот Зоценко. Я хлопотал, чтобы Зоценко дали персональную пенсию. Но к кому я ходил? К Маркову, первому секретарю Союза. Марков ни за что не хотел пойти навстречу. Я бы мог, наверное, пробиться в ЦК, к Суслову. Надо было, может быть, потратить на это неделю – другую. Здесь моя совесть не чиста. Не сделал. Сходил к Маркову пару раз, написал письмо и вроде бы успокоил свою совесть.

– Но ведь Вы были еще и секретарем Союза писателей, то есть Вам приходилось голосовать, и уклониться было невозможно. Например, в случае исключения из Союза писателей Лидии Чуковской, Войновича, Солженицына.

– Чуковскую и Войновича исключали не при мне. А при голосовании об исключении Солженицына я воздержался. Что потом со мной делали! И если бы хоть кто-нибудь тогда поддержал меня! Так что, конечно, у меня есть счет претензий к самому себе. Я не любитель раздеваться при всех, но счет есть. Хотя можно было бы сказать: зато я сколько сделал! Но это не перекрывает того, что не сделал. Сегодня никто не помнит, что сделано, но все помнят, что не сделано.

– Скажите, а Вы не испытываете дискомфорта в сегодняшней жизни? Иные ритмы, лексика, правила, лица. Иной стиль, иные кумиры.

– Я себя чувствую чужим. Я начал чувствовать себя чужим в этом городе, в литературе. Но я для себя решил: чужой – это интересно.

– И это действительно интересно?

– Да. Я подумал: раньше я всегда был своим, теперь – чужой. Другой опыт. Писатель и вообще-то должен чувствовать себя чужим. Зоценко был чужим и поэтому

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
умел писать смешно. Булгаков писал о чужом. Мы боимся быть чужими. Это,
вероятно, остатки в нас нашей совковости.

2002

Во что я верю

Недавно услышала я выступление Виктора Розова. Коротенькое такое выступление драматурга, всю жизнь призывавшего верить в светлое, доброе, чистое. Розову задали вопрос о том, что ждет Россию. И он вдруг очень серьезно ответил: «Гибель».

После этого я долго думала о пресловутой ответственности писателя. О писательской, так сказать, свободе слова. Всю жизнь человек декларировал какие-то истины. Оповещал о наступлении «добротого часа». Ты ему верил. А потом у него случился кризис. Он больше не верит в то, что говорил. И как с этим быть?

Этот вопрос мы решили задать знаменитому писателю Даниилу Гранину.

Сила личности

– Даниил Александрович, вот Вы всю жизнь писали книги, доказывавшие способность человека менять обстоятельства. Скажите, со временем Вы изменили свою точку зрения по этому поводу?

– Наоборот. Чем больше я живу, тем больше верю в возможности человека. Особенно если у него есть какая-то вера, которая его воодушевляет. Тогда человек способен совершить много больше того, что ему самому кажется... Я много имел дел с изобретателями. Это мог быть очень слабый человек по природе, но, зная, что он изобрел, что-то значительное сделал, он обретал совершенно фантастические силы...

– Замечу, что, говоря все это, Вы постоянно употребляете слова «имея веру»...

– Это правда... Знаете, я недавно шел по Московскому проспекту и увидел надпись на брандмауэре: «Хочется иметь хоть какое-нибудь будущее»... Такая печальная надпись молодого, очевидно, человека на фоне всех остальных ругательств, лозунгов и прочей муры меня очень тронула. Я стал думать, что у нас многие люди просто не имеют будущего. Оно потерялось. Раньше оно было в виде каких-то иллюзорных планов. Так называемое светлое... Но во имя него люди многое терпели. Они в него верили. Человек копил деньги на квартиру или машину. И мечтал... Называйте его как угодно – маленькое будущее, бытовое, но оно очень важно для человека... А сейчас у нас беспризорное будущее. Никто не представляет себе толком, будем ли дружить с Америкой, будем ли мы евразийской страной или какой-либо еще.

– И вопрос веры имеет здесь первостепенное значение...

– Конечно. Во время блокады Ленинграда люди убеждали друг друга в том, что блокада будет прорвана и город спасут. Они не имели к этому никаких реальных оснований, это был вопрос надежды, веры. Но это помогало. Есть ситуации, когда это непременно нужно.

Сила идеи

– И как Вы видите сегодняшнюю роль русского писателя? Как ни крути, человек, писавший, что ему «хотелось бы будущего», от Вас ждет по этому поводу слов больше, чем от президента...

– Наша литература никогда не отвечала ни на какие такие вопросы. Она их задавала. Что такое «Тамань»? Это вопрос. Зачем мне, офицеру, едущему по казенной надобности, вмешиваться в эту историю? Вот чем кончается «Тамань». Что такое «Станционный смотритель»? Почему он умер, если его дочь счастлива? А что такое «Евгений Онегин»? Это мужественное признание писателя в том, что вот этого он не знает. Не понимает... А «Преступление и наказание»? Это совершенно удивительный вопрос, который задает читателю Достоевский: я не знаю, почему

Он – жертва идеи. Но как от нее избавиться, если он не в силах раскаяться по-настоящему...

– Но Раскольников же раскаивается в финале!

– То, что Достоевский написал под конец, – это все липа, труха. На самом деле он не может вывести себя из-под ее власти, он приговорен к ней, и при этом он не раб... Вот в этом гениальность Достоевского – и абсолютная трагедия нашей истории. Мы не можем отказаться от идеи, – если она в нас «засела».

Сила слова...

– Сейчас много говорят о свободе слова. Мол, власть зажимает последнюю свободу...

– Понимаете, чтобы ценить свободу слова, власть должна хотеть говорить с людьми. А у нас в этом смысле непробиваемая стена. Почему в какой-то Франции или Америке президент выступает перед страной каждую неделю? Потому что он думает о том, чтобы дать смысл жизни нации. Озвучить какую-то идею. Идею реальности американской мечты. Идею швейцарской стабильности. Идею немецкой силы. А у меня такое ощущение, что мною правит и будет править какой-то Абрамович или Березовский. Они что-то такое знают, какие-то такие творят дела, что я их вижу по телевизору чаще, чем президента... Нашей власти свобода слова не нужна, потому что она хочет молчать. В результате невозможное ощущение – жить, не зная, куда мы движемся. Пусть власть выйдет и признается: да, мы не знаем чего-то. Но мы хотим понять. Люди, посоветуйте нам.

– С вашей точки зрения, власть можно учить?

– Я знаю, что власть всегда глупее народа. Но она не должна быть настолько глупой, чтобы не считаться с народом и не слушать его.

Сила духа...

– Кем Вы сегодня, сейчас продолжаете искренне восхищаться?

– Сахаров и Лихачев. Они были для меня людьми, умевшими жить по самым высоким законам... Помню поразивший меня эпизод с Сахаровым. Когда на первом съезде народных депутатов произошла эта безобразная сцена с вытравливанием его с трибуны, я – тоже депутат – в перерыве подошел к Сахарову: «Пойдемте ко мне в гостиницу». Он: «С чего это вдруг?» Я объясняю, что у меня номер в гостинице «Россия», близко, можно отдохнуть после такого: «Вы же разнервничались!» Он в ответ: «Ничего подобного!»... И вот тут я вдруг понял, что Сахаров всю эту ситуацию воспринял совершенно иначе: не как обструкцию. Для него неизмеримо выше была уверенность в необходимости сказать то, что он сказал. Это было для него столь непреложно и необходимо, столь обязательно, что обстоятельства этого дела не имели для него ровно никакого значения. Он выполнил то, что хотел, и был доволен...

– А Вы бы на его месте...

– Я бы на его месте наверняка пал духом. Был бы, во всяком случае, очень удручен...

– Как Вы оцениваете сегодня период своего хождения в депутаты?

– Я не жалею об этом поступке, потому что это было совершенно искренне. Но сегодня для меня этот путь закрыт, просто потому, что я считаю, что всем должны заниматься профессионалы. Профессионалы-политики, профессионалы-депутаты, профессионалы-менеджеры, а не писатели и художники...

– Вы долгое время входили в Президентский совет. Скажите, работая там, Вы чувствовали, что способны лично на что-то повлиять?

– Лишь на какие-то небольшие вещи. Сейчас я думаю, что слишком часто занимался

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru общественной работой, хотя мне это все было неинтересно и даже претило, хотя я понимал, что впустую растрачиваю свою жизнь... Что-то было, видимо, лестное в моей принадлежности к власти, я все-таки долгое время был членом Президентского совета... Меня часто возмущало то, что делал Ельцин. Я должен был хлопнуть дверью, выйти публично, сказав: «Больше не желаю поддерживать своим именем вашу политику», – но я не делал этого... Почему? Я сам себя об этом спрашиваю и понимаю, что искушение было сильно...

– А у Вас вообще вызывает внутренний протест классическое утверждение «человек слаб»?

– Да, человек слаб. Но человек и очень силен. Человек глупый бесконечно – и бесконечно мудрый: мы ведь на каждом шагу являемся свидетелями какого-то поразительного ума, воли и настойчивости... Смотрите: мы должны были проиграть эту войну. Немцы были хорошо вооружены, у них была опытная армия... Почему же мы ее выиграли? Потому что с нами было чувство огромной справедливости дела. На нас напали, и это было тотально несправедливо. Нас хотели завоевать, а мы защищали себя, свой народ... Во многих случаях вот это ощущение внутренней справедливости отсутствует. А отсюда и слабость... поступка.

– Что Вы записываете себе в записные книжки?

– Могу просто процитировать. Это, правда, уже довольно старая книжка... Так... «В День Красной Армии собрал командующий корпусом всех ветеранов-офицеров, устроил им прием. Спрашивает: „Как жизнь идет?“ Тут встает Герой Советского Союза: „Что за жизнь может быть, если я – ветеран – с голой задницей хожу?“ – „Как это понять?“ – спрашивает командующий. „А прикрыть жопу нечем, трусов нет...“ – „Начальника военторга сюда! – приказывает командующий. – В течение трех суток обеспечить всех ветеранов трусами!“ – Вот это был настоящий праздник!»

– Скажите, Даниил Александрович, чем Вы себя утешаете, когда Вам трудно?

– Вспоминаю один свой разговор с Дмитрием Лихачевым, в котором я высказывал очень пессимистические вещи о нашей жизни. Лихачев, выслушав меня, сказал: «Вы заставили меня подумать о том, что самое пессимистическое учение – это марксизм. Потому что он считает, что бытие определяет сознание. Что материя первична, а сознание – вторично. То есть все предопределено бытием и без помощи материи сознание ничего не может поделать. Это марксистский пессимизм. Не будьте марксистом...» Я это часто вспоминаю. Вообще я себя утешаю очень простыми вещами. Тем, что я уцелел на войне. Тем, что жизнь моя после войны – это большое бесплатное приложение... Утешаю себя тем, что, слава богу, для своего возраста я достаточно здоров, работоспособен и могу что-то помнить... Вообще тем, что существует этот прекрасный божий мир, которому плевать на нас, на все наши беды и который так прекрасен, что грех жаловаться на то, что наша маленькая жизнь не удалась...

2000

Честная жизнь перестала пользоваться уважением

Автора романов «Блокадная книга», «Зубр», «Искатели», «Иду на грозу», «Бегство в Россию», «Однофамилец» Даниила ГРАНИНА часто называют образцом чести, нравственным эталоном эпохи, совестью нации. Даниил Александрович считает все это сильным преувеличением. «Моя жизнь полна грехов. Был грешен и хочу грешить и дальше», – шутит 85-летний классик российской литературы.

Есть ли у нас идея

– Даниил Александрович – Вы ветеран Великой Отечественной войны. С каким настроением готовитесь к встрече 60-летия Победы?

– А я не готовлюсь. Чего я должен готовиться? Ожидать ожидаю, как и все наши граждане. Но никакой специальной подготовки не веду.

– Мы получаем очень много писем от ветеранов, читая которые складывается

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru картина, что настроение у большинства из них совсем не праздничное. В первую очередь это связано с монетизацией льгот и реформой ЖКХ. Один наш читатель даже написал: мы этот праздник снова встречаем со слезами на глазах, только теперь это отнюдь не слезы радости.

– А в чем дело? Что конкретно они имеют в виду? Ветеранам увеличили пенсии...

– Которые даже близко не компенсируют отобранные у них льготы.

– Я вам так скажу: с ветеранами, участниками войны бесчеловечно начали обращаться практически сразу же после победы. Отменили доплаты за ордена и медали, инвалиды войны получали гроши, освобожденные из плена вообще считались людьми второго сорта... Это все было в сталинское время. Именно тогда начались безобразия в отношении участников войны.

А сейчас... Основания для недовольства и печали, конечно, есть. Но нельзя не замечать и то хорошее, что было сделано для ветеранов за последние годы. Другое дело, что их уже так мало осталось, что власть могла бы помочь им гораздо более существенно.

– Известно, что Вы вступили в партию в 1942 году на фронте. Каково Ваше отношение к идеям коммунизма сегодня?

– Совершенно другое. Сейчас к партии коммунистов я не имею никакого отношения. А тогда, в январе 1942 года, было отчаянное положение. Я был на Ленинградском фронте и не думал, что Ленинград выстоит. А раз уж все равно суждено погибать, то лучше во имя идеи. Другой идеи не было.

– А сейчас есть? У Вас? У страны?

– К сожалению, сейчас только одна идея – обогащайтесь кто как может. Вот такая у нашего общества идея. А моя личная идея – сохранить порядочность, честность, интеллигентность. Такие вот простые вещи...

«За Родину! За Сталина!» никто не кричал

– Вы ушли на фронт добровольцем, хотя работали на Путиловском заводе и имели бронь, освобождавшую от призыва.

– Не хочу говорить о долге, патриотическом порыве. Эти слова и чувства понятны представителям моего поколения. А нынешней молодежи вряд ли возьмусь растолковывать, почему записался в народное ополчение и попал в окопы с бутылкой зажигательной смеси в руках. У меня даже винтовки не было, не говоря уже про автомат, но я шел вперед и без колебаний умер бы за родную страну. Хотя умирать, конечно, не хотелось...

– А «За Родину! За Сталина!», Даниил Александрович, кричали?

– Не только сам не кричал, но ни разу ничего подобного не слышал. Поднимаясь в атаку, люди орали от страха, себя подбадривали, врага испугать старались. Одни матерились, другие вопили «Ура!», третьи молились, четвертые вспоминали родных...

– Многие до сих пор убеждены, что если бы не гений Верховного главнокомандующего, мы бы войну не выиграли.

– Однажды мы выпили с соседом по землянке, и он вдруг заговорил, что не понимает сталинских слов о вероломности Гитлера, о внезапности нападения фашистов, якобы и предопределивших их успех на первом этапе войны. Мол, а где же наша разведка, где сталинские соколы, которые с воздуха должны были все увидеть и доложить в Кремль? Вопросы наивные, но я тогда подумал: а ведь и правда, странно все получается...

Долгое время мне казалось, что только на нашем участке фронта не хватает танков, орудий и самолетов, а везде они есть. Но постепенно я прозревал все больше и больше. Приступы сомнений, критического отношения к поступкам и словам Сталина стали повторяться, учащаться. А когда мы вошли в Германию, я совсем загрустил. Оказывается, загнивающий капитализм выглядел совсем не так, как нам о нем

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
рассказывали.

Смерть вождя была личной трагедией

– Когда Иосиф Виссарионович умер, плакали?

– Смерть вождя казалась мне катастрофой, личной трагедией. Удар был невероятный. Услышав по радио страшную весть, я тут же отправился на Дворцовую площадь Ленинграда – она тогда называлась площадью Урицкого. Все огромное пространство было заполнено рыдающим, растерянным, потрясенным народом. Никто не проводил митингов, не произносил речей – нет. Люди интуитивно собрались вместе, чтобы заслониться, спрятаться от горя. Слишком страшно, жутко казалось остаться в такую минуту одному.

С Дворцовой мы с женой пошли на Московский вокзал, я хотел во что бы то ни стало поехать в столицу и лично проститься с вождем, участвовать в похоронах. Билетов, разумеется, не оказалось, пробиться в Москву было невозможно... Я не мог представить, как жить дальше, что делать, во что верить. Внутри сидело ощущение, будто мир рухнул, всему пришел конец. Сталин умер! Пока это не случилось, почему-то никому в голову не приходила банальная мысль, что он, как и любой другой, смертен, что тело его бrenно. Наверное, это результат работы советской пропагандистской машины, не допускавшей отношения к Сталину как к равному. Он был высшим существом, богом.

– А через несколько лет случился XX съезд партии и знаменитый доклад Хрущева, развенчавший культ личности...

– Полагаю, что от Хрущева потребовалось колоссальное мужество, чтобы осмелиться на антисталинский доклад. Без сомнения, это был героический поступок. Хрущев разрушил культ, который строился, казалось бы, на века. Я не историк и могу говорить только о собственных ощущениях – в 56-м году я пережил настоящий шок.

Возвращение к тоталитаризму невозможно

– Даниил Александрович, много лет назад в книге «Страх» Вы описали состояние человека, которому довелось жить в сталинскую эпоху: «Что это был за страх, трудно себе ныне представить. Нечто мистическое, страх, который больше страха смерти, страх, от которого цепенела мысль... Олицетворением такого страха был Иосиф Сталин».

А сегодня вождю всех времен и народов снова собираются устанавливать памятники. В поселке Мирный даже табличку заготовили: «От благодарных потомков»... У Вас нет ощущения, что Сталин возвращается?

– Нет, на мой взгляд, Сталин доживает. Или отживает, если угодно. Сталинская эпоха нанесла нашему обществу колоссальную травму. Вдумайтесь: с 1935 по 1941 год было арестовано и сослано в ГУЛАГ двадцать миллионов человек, семь миллионов расстреляно! Добавьте жен, детей, иных ближайших родственников «врагов народа» и получите астрономическую цифру изувеченных сталинизмом людей, которым так и не удалось реализовать себя.

– Еще одна цитата из вашей книги: «Страх, который внушал Сталин, образовался не сразу, понадобился жесточайший террор, начиная с 20-х годов, надо было высылать людей в Соловки, на Колыму, в Магадан, надо было раскулачить лучших крестьян, сослать в Сибирь, нужны были расстрелы дворян, оппозиции, спецов, а затем и беспричинные расстрелы во всех республиках, городах, надо было уничтожить миллионы и миллионы советских людей. Это на их трупах вырос Страх, и на его вершину взобрался вождь всех народов. При тоталитарном режиме в атмосфере страха прожило несколько поколений».

– И что?

– Как Вы считаете, изжили мы былой страх?

– «Мы» – это кто? Люди старшего возраста, мои ровесники, наверное, никогда полностью не оправятся от травм, полученных десятилетия назад, но чего бояться

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
тем, для кого Сталин – история?

– Повторения пройденного.

– Не думаю, что подобное возможно. Конечно, в сталинизме и культе личности виноват не только объект поклонения, но и весь народ. Покорность, готовность подставить шею под хомут, а спину под розги глубоко сидят в русских людях. Нельзя исключать, что в нас вновь разыграет тяга почувствовать на загривке сильную руку хозяина-барина. Но бездумной веры, которая позволила Сталину столько лет безнаказанно издеваться над страной, больше нет, значит, не стоит бояться возвращения тоталитаризма. Откуда ему взяться, на чем он будет строиться? Мы другие, страна другая.

Конечно, зигзаги истории непредсказуемы. Но созданная демократическая основа жизни не требует тоталитаризма. Тоталитаризм должен иметь какую-то идею. Гитлеризм имел идею превосходства немецкой расы, наш тоталитаризм имел идею строительства коммунизма. Сейчас равнозначной идеи нет, а тоталитаризм на пустом месте не может привлечь людей.

«Умом Россию не понять...»

– В одном из интервью Вы сказали, что от Вашего времени ничего не осталось. Жалеете о том времени?

– Советское время ушло в прошлое – как Атлантида. О Древнем Риме знают нынче больше, чем о недавнем прошлом. Что знают о советском времени те, кому сегодня лет двадцать? В лучшем случае – что это было тоталитарное государство. А ведь в советской жизни было много позитивного. Бесплатное образование и медицина, дешевые газеты и книги, социальная защита, бесплатные путевки в пионерские лагеря... Все это нам сохранить не удалось, и это, безусловно, жалко.

– Все хорошее порушили, ничего позитивного взамен не создали... Что же у нас за страна такая несчастная? И при этом все время твердим о каком-то особом, избранном пути России.

– Терпеть не могу все эти разговоры. Все эти досужие рассуждения об избранности, соборности и прочей белиберде вызывают у нормального человека лишь раздражение. Как, впрочем, и утверждения, будто русские умеют только водку пить, матом ругаться да на печи валяться. Нельзя одним цветом рисовать коллективный портрет народа. Мы умеем работать – и много, и умно, и талантливо. Правда, если есть интерес. В нас столько всего намешано... Вспомним, к примеру, Великую Отечественную и мощнейшее партизанское движение, подобного которому не знала ни одна страна. Разве людей кто-то силой гнал в лес? Нет, они шли добровольно. Или, допустим, случаи массового героизма на фронтах. Разве это не характеристика народа? Объективно говоря, мы должны были проиграть немцам – по всем параметрам. Но победили, ибо вели справедливую борьбу за родную землю, за национальное достоинство.

– И все равно между нами и остальным цивилизованным миром – пропасть.

– Не все так страшно, хотя, не спорю, уродливые черты прошлого нет-нет да и проявляются. Скажем, искренне ненавижу стукачество, но это позорное явление по-прежнему живо. Впервые масштаб доносительства я смог оценить в конце 1950-х, когда из зон стали возвращаться реабилитированные и наружу начали выплывать имена стукачей. Эти люди остались безнаказанными, они соорудили целую систему самооправдания, как-то даже умудрились отмыться в глазах близких, знакомых... Строго говоря, одна половина наших сограждан стучала на вторую... Слабым утешением может служить то, что доносительство развито и на Западе. Там законопослушным и добропорядочным гражданином считается тот, кто без колебаний закладывает соседа, припарковавшего машину в неположенном месте или бросившего окурки мимо урны.

Наша беда, что у нас очень мало людей, которым веришь, на которых хочется быть похожими. Людей уровня Сахарова, Лихачева, доктора Рошаля...

Сегодня, к сожалению, культовыми фигурами становятся тусующиеся в столичных кабаках светские львицы наподобие Ксении Собчак. Если допустить, что это действительно культовая фигура, то бедное наше время, жалкое наше общество.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Сейчас царит культ людей, которые имеют деньги. Все у нас на продажу: и суды, и милиция, и медицина, и поступление в любой вуз. Часто чиновники говорят: в России становится все больше людей, которые живут благополучно. Но не сюда надо смотреть! Да, дворцов все больше. Но рядом с ними люди роются в помойках. Это ненормальное соседство дворцов и барачников отвратительно.

Я часто бываю на Новгородчине, в Старой Руссе. Когда проезжаю мимо богатых вилл и особняков, то знаю, что безошибочно всех их владельцев можно скопом сажать. Или судить, во всяком случае. Мне говорят: владельцы этих домов – способные коммерсанты. Думаю, это не совсем так. Среди них много и просто откровенных бандитов, воров и жуликов. Кто-то предлагает: давайте отнимем у богатых их замки, деньги и все поделим между бедными... Но так опять начнется гражданская война. И, кстати, куда мы то, что экспроприруем, денем? Детский сад из каждого особняка сделаем? Детей не хватит! Кроме того, все это уже было! Один рассказ Зоценко начинается так: «Все, кто жил раньше в хижинах, переселились во дворцы. А Николаю Ивановичу дворца не хватило, и он живет у нас на коммунальной кухне».

Когда же вы уже наворуетесь...

– Даниил Александрович, на Руси воровали всегда, но такого беспредела, как сейчас, по-моему, еще не было. И исполнительная, и законодательная, и даже судебная власть поражены коррупцией.

– Вот это действительно страшная болезнь нашего общества. Честная жизнь перестала пользоваться уважением во всех слоях общества: и у молодежи, и у людей старших возрастов. Никто не уважает честность. Почему? Потому что кругом все берут. Взятка стала способом решения любых вопросов. Просьбы, хлопоты и так далее – все сводится к тому, сколько надо заплатить. И никто уже даже не стесняется открыто говорить: хотите, чтобы ваш сын поступил в институт, – заплатите. Берут от мала до велика, от маленького чиновника до большого. Появились даже термины – этот закон взяткоемкий, а этот менее взяткоемкий. Никто не стыдится даже признаваться в этом, никто не краснеет. Этому способствует полная безнаказанность. Не судят. Один процесс затеяли за все время над Ходорковским. Наверное, его надо судить, раз не платил налоги, но почему только его одного? И почему не судили налоговую службу, которая столько лет хлопала глазами?

Когда-то великого нашего писателя и историка Карамзина, выехавшего за границу, спросили: «А что там, в России?» Николай Михайлович ответил одним словом: «Воруют!» Это случилось в 1803 году. В России воровали всегда – и во времена Петра, и до Петра. Брали взятки, занимались поборами, лихоимством, казнокрадством... Только ли в России этим занимаются? Нет, конечно. Но в России – в особо крупных размерах. Почему? Я нахожу единственное объяснение. Потому что в России не было частной собственности. Не было понятия «мое». А были понятия «чужое», «казенное». Настоящая частная собственность во всем мире добывается трудом, изобретательством, коммерческим талантом. Наживается из поколения в поколение. Там человеку и в голову не придет выяснять, почему у соседа дом лучше, чем у него.

В России у частной собственности не было нравственной силы. Ни до революции, ни при советской власти, ни теперь. Неимение своей собственности, отсутствие уважения к чужой и рождает воровство. «А почему нельзя воровать, если те, кто наверху, также тащат, но в гораздо больших размерах?» – так рассуждают сегодня многие люди.

И никто не стыдится, вот что самое ужасное. Отсутствие стыда стало нормальностью жизни. Берут – от гаишника до министра. И считают, что это в порядке вещей. Ни судебных процессов, ни морального осуждения. Само общество не хочет с безгливостью относиться к хапугам и казнокрадам. Даже интеллигенция молчит. Почему? Потому что сама до безобразия обнищала. Научная интеллигенция всегда была очень моральной, но сейчас физик, доктор наук, получает четыре тысячи рублей, а кандидат наук – две восемьсот. Они находятся в настолько тяжелом положении, что рады тоже где-то урвать, схватить... Кто же будет поднимать голос? Какие силы у нас есть сегодня в обществе, которые могли бы восстать против коррумпированности? Я не вижу, не знаю.

Ситуацию усугубляет еще одно чрезвычайно тяжелое и мучительное для русского

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
человека обстоятельство: не стало идеи, ради которой народ многое готов был терпеть. Терпели же когда-то коммунальные квартиры, карточную систему в надежде, что будет построено «справедливое общество». А как ушла идея справедливости, осталось только одно – жажда наживы!

– А может быть, это и есть национальная идея: обогащайтесь любыми способами? Ведь даже детям, которые видят, что хорошо в материальном плане живут те, кто нечист на руку, уже не объяснишь, что красть грешно.

– Это трудно, очень трудно объяснить. Я недавно разговаривал с учительницей. В их школе процветает воровство, даже в классе ручки воруют друг у друга. Учительница тоже столкнулась с этим вопросом: как объяснить ребенку, что нельзя воровать? Единственное, до чего она додумалась: «Красть нельзя, потому что вещь чужая!» Да и что тут еще скажешь... Сместились нравственные оценки. На Западе уважают человека, который разбогател, что-то сделал или создал. Форд и другие миллиардеры сумели ведь немало полезного сделать для общества. У нас же, по большей части, торжествуют мошенники, вору, хапуги и взяточники.

– Что же мешает России перестать быть воровским обществом?

– В истории нет примеров выхода из социалистической формации. Никто до нас этим путем не шел. Куда идем, мы тоже не знаем. Хотя идем очень быстро. Посмотрите, какой путь мы проделали за последние 12–15 лет. Мне хочется думать, что мы идем не к дикому капитализму, а к более или менее нормальному обществу, которое существует в Европе, в Америке и даже в некоторых развивающихся странах. Писатель – не тот человек, который должен давать ответы. Как говорил Герцен, мы не врачи, мы – боль. И этой болью писатель может поделиться с читателем.

Повальное воровство, коррупция, взяточничество, мошенничество для меня – одна из наибольших болей нашего времени. Как со всем этим бороться, я не знаю и не вызываюсь предлагать рецепты. Но я уверен: эта боль должна стать нашей общей.

Сами виноваты

– Даниил Александрович, опять хочу вернуться к не к ночи будь помянутому Иосифу Виссарионовичу. Может, потому, что наш воровской бардак так уже достал простых людей, они все чаще вспоминают Сталина? Мол, при нем был порядок.

– Нет, неверно. Сталинский режим держался на репрессиях. Мы отучились уважать закон, и это одно из самых подлых последствий сталинизма. Люди обращаются к прошлому не из тоски по диктатору, нет. Все идет от безысходности. Беснаказанность в самом деле всех возмущает.

– Но, согласитесь, при Сталине все-таки был порядок.

– О чем вы?! И при Сталине царил произвол. Да, мы много построили, но еще больше разорили. Погубили деревню, подрубили Церковь, свели в могилу наиболее инициативную, трудовую, творческую, смелую часть народа.

– М-да... Со Сталиным нам не повезло. Но до него нам не повезло с Николаем Вторым и с Лениным, а после с Горбачевым и Ельциным...

– Власть всегда глупее народа. Но она не должна быть настолько глупой, чтобы не слушать народ.

Германии тоже не повезло с Гитлером, а до этого с Гинденбургом. Но страна сумела встать на ноги и выправиться. Нам надо создавать такую систему, где мы не будем зависеть от того, хороший правитель или нет. Недавно выбирали президента США. Это игра для американцев! На самом деле их налаженная жизнь не изменится от того, кто будет у власти. Бывая во многих странах, я порой выяснял, что местные жители даже не знали, кто у них премьер-министр или президент.

Можно все беды валить на наших правителей. Горбачев развалил Советский Союз. А из-за Ельцина начались какие безобразия! При Брежневе начали платить жуликам, процветало взяточничество. А из-за Хрущева Крым отдали.

Конечно, можно считать, что нам не везет. У нас действительно есть какое-то

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
невезение. Но мы во многом сами виноваты: очень пассивно воспринимаем жизнь...

- Есть что-то такое, что вселяет в Вас оптимизм?
- Надежда, что мы научимся жить в условиях демократии.

2005

Мы можем смеяться, но улыбаться мы так и не научились

– Даниил Александрович, у Вас долгая и насыщенная жизнь. Интересно ли Вам жить в нашем времени?

– Человек лишен права выбора времени, никто не может выбрать себе время, которое ему удобно. Я не могу сказать, что раньше было интереснее. Тогда я был молодой, тогда интересы были совсем другие. Я не буду выбирать время, в котором я хотел бы жить, даже если бы у меня была такая возможность. То, что дарит нам жизнь, само по себе прекрасно и незаменимо.

– Вы были свидетелем таких исторических событий, как развитие Советского Союза, Вторая мировая война, холодная война. Процессы, которые происходят сейчас в обществе, сравнимы с теми?

– Сейчас тоже время насыщено великими событиями. Это время – время радикальных перемен.

– Что в Вашем понимании означает элита? Какие это люди?

– У меня нет четкого определения. Элита – далеко не та часть общества, у которой есть успех, власть, должности. Элита – это люди, представляющие наш народ. Люди, на которых надо равняться, поступки которых могут служить примером. Элита – это сливки общества. Но и это определение слабое. Дело все в том, что для существования такой прослойки, как элита, необходимо сформировавшееся общество, а у нас нет общества как такового. Было бы общество – была бы элита, допустим аристократия. Та часть общества, которая являет собой уровень нравственных ценностей. Сейчас элита, к сожалению, не привлекает своей нравственностью. Те люди, которых мы подразумеваем сейчас под этим словом, не элита, они та часть людей, которые материально состоялись, добились своего положения зачастую нечестным путем.

– Но среди этих людей есть и те, которые добились авторитета честным путем, своими заслугами и талантом? Что необходимо предпринять человеку, чтобы войти в круг этих людей, стать одним из них?

– Чтобы попасть – прибегают к самым разным способам. Привлекают балами, банкетами. Любыми путями. Это несложно. Если у тебя много денег – ты считаешь себя элитой. Тебя приглашают на различные вечеринки, тусовки, званые обеды, перед тобой заискивают, преклоняются. В таком обществе элитное место покупается счетом в банке. Плохо, что мы пропагандируем таких людей. Не нужно на них равняться. Да, кстати, если ты у власти, то ты тоже элита.

Если человек хочет, чтобы с него брали пример, то у него, скорее всего, ничего не получится.

– А что необходимо для образования такого общества, где смогла бы сформироваться элита?

– У нас нет общества. Общество – это устоявшееся явление. В нем автоматически выделяется слой порядочных людей. Они заработали себе авторитет, право считаться людьми, которые могут указывать, что хорошо, а что плохо. В это общество приходишь не благодаря чековой книжке. Там тебя либо принимают, либо нет. В этом обществе нет воров, подлецов. В этом обществе, если ты недостоин, тебе могут сказать: «Вон!» У нас нет такого общества. Такое общество есть на Западе. Существует оно в Англии, Франции, Италии, Германии. Оно построено на аристократических традициях, на интеллектуалах, чести имени, безупречности репутации, заслугах...

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Во времена советской власти существовало общество – слой интеллигенции. Оно принимало к себе щепетильно, разборчиво, сторонилось хамов, людей из органов, нуворишей. В России всегда интеллигенция в той или иной мере была оппозицией существующему режиму.

– Что нужно для образования такого общества? И что у нас вместо него?

– Для этого требуется стабильность. У нас очень неустойчивое общество. Сливки появляются только тогда, когда молоко отстаивается, а не взбалтывается. Нужен отбор людей порядочных, честных... Когда все это произойдет – непредсказуемо. Если я встречал человека в доме у Д. С. Лихачева, это уже была для меня какая-то репутация.

– Часто ли Вы жалеете о том, что бросили науку? Если у человека есть талант, то он проявится во всем?

– Иногда наступают такие моменты. Дело в том, что когда занимаешься наукой, то ты видишь результат сразу. А когда занимаешься литературой, то вообще непонятно, нужно ли это кому-нибудь. Пишешь 2–3 года роман, потом издаешь его, и не знаешь, какая у него судьба, что с ним будет. Талант проявляется в чем-то одном. Например, Лермонтов, по моему мнению, мог быть хорошим художником. Хорошим, но не гениальным. Гениальные люди – другие. Ими руководит мощный инстинкт. Он сам подскажет, как воплотиться.

– XX век был веком открытий и прогресса. Вы тоже принимали в этом участие. Технологическое развитие сделало людей лучше, счастливее? Пользуетесь ли Вы компьютером?

– Технологический прогресс – это неизбежность. Он присутствует обязательно в жизни. Но в нем есть что-то разрушающее, деструктивное. Допустим, построили гидроэлектростанцию, и река перестала быть рекой. Она стала источником энергии. Река кончилась, закончилась ее наводнения, ее прелесть, – таинственная ее жизнь. Для поколения, которое выросло при гидроэлектростанции, уже нет той реки. Это поколение просто не знало ее такой, какой она была. Так же и сейчас мы не знаем красоты гусяного пера. А ведь им была написана большая часть нашей классики. У прогресса есть свои преимущества, но так же и свои недостатки, как, собственно, и у всего в жизни. Компьютером не пользуюсь.

– Продолжаете ли Вы писать свои мемуары?

– Мемуары? Да, пишу что-то вроде этого.

– Что Вы собираетесь предпринять в будущем?

– Если честно, то у меня нет четко сформулированных планов. Я не думаю о будущем. Я пишу, и мне нравится этим заниматься. Когда я работаю, я наслаждаюсь. Я получаю удовольствие от своей работы. Но иногда мне тяжело. Я ощущаю недостаток таланта, времени, сил. Иногда бывает сложно выразить мысль так, чтобы весь ее смысл был понятен. Тем не менее работа приносит мне огромное удовлетворение. Мне приятны те знаки внимания, которые мне оказывают, письма читателей, премии. Вот недавно приехал из Германии, где получил премию Александра Меня.

– Вы можете назвать себя счастливым человеком?

– Иногда я считаю себя счастливым человеком. Человек не может быть постоянно счастлив. Так не бывает. Люди большей частью помещают свое счастье в прошлое. Проходит время, и они понимают, что раньше были счастливы, но не осознавали этого.

– Каким был для Вас этот год?

– Этот год для меня был несчастлив. Не хотел бы об этом говорить.

– Вы писали в своих произведениях, что раньше профессию человека можно было определить по внешнему виду.

– Да и сейчас можно, в принципе, многое сказать о человеке по внешним атрибутам.

Беседы. Очерки. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
По марке машины, по часам. Какой костюм он носит. Но это свойственно скорее
российскому обществу. На Западе этого нет. Там миллионер или даже миллиардер
может ходить в обычных джинсах, простой рубашке. Его внешний вид неотличим от
вида простого человека. И в этом признак культуры. Там не отличить бизнесмена от
врача. Отличать следует по речи, манерам, воспитанности, учтивости. По
приветливости. Кстати, устарело у нас понятие «учтивость», а это плохо.

– В чем отличие нашего человека от западного?

– Нашего человека от западного отличает неприветливость, неумение вести
разговор. Мы угрюмый народ. Мы можем смеяться, но улыбаться мы так и не
научились.

– Как Вам кажется, человек сам предопределяет свое будущее, имеет возможность
выбора или это все мнимо – и у каждого свой путь развития, предопределенный
судьбой?

– Судьба, наверное, существует неведомая нам, от нас требуется благодарность –
родителям, природе, людям, времени – благодарность позволяет переносить невзгоды
и видеть свою жизнь счастливой.

– Что сейчас с нашей наукой? наши ученые покидают страну, так как чувствуют свою
ненужность?

– Науку постигла катастрофа, она стала пасынком, ее воспринимают как нахлебника,
это, конечно, возмущает ученых.
2003

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!